Русская Старина

Ежемѣсячный

Историческій Журналъ

ИЮНЬ

1883 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ VI. 1883 г.

Май, 1883 г.

Іюнь, 1883 г.

стр.

Іюль, 1883 г.

Августъ 1883 г.

стр.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VI.

ІЮНЬ.

1883

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 31-го мая 1883 года.

Г. Ө. КВИТКА-ОСНОВЬЯНЕНКО.

Историко-литературный очеркъ.

Въ началѣ XIX-го столѣтія въ исторіи нашей словесности впервые замѣтнымъ образомъ начало обнаруживаться то стремленіе къ самостоятельному движенію на почвѣ національныхъ интересовъ, которое съ половины того-же вѣка сдѣлалось господствующимъ и основнымъ. Это начальное стремленіе выразилось въ сознаніи принципа народности, который, по словамъ Пыпина, и сталъ лозунгомъ нашей литературы съ первыхъ десятилѣтій настоящаго вѣка. Уже въ то время ясно понимали, что какъ ни велики характеры героевъ античной поэзіи, какъ не геніальны классическія созданія французской словесности, тѣмъ не менѣе намъ русскимъ интереснѣе и полезнѣе наблюдать характеры собственной жизни въ различныхъ ея проявленіяхъ.

Уступка однако подражанія оригинальному не обошлась безъ борьбы, прикрытой даже своего рода ложнымъ стыдомъ.

Говорятъ, что Мерзляковъ, внутренно признавая высокое достоинство произведеній Пушкина, не рѣшался говорить о нихъ въ такомъ-же духѣ публично; когда-же оставался съ ними наединѣ, проливалъ слезы восторга. Таково было положеніе вещей: вѣянія времени говорили одно, усвоенный-же формализмъ требовалъ совершенно другаго.

Принципъ народности съ теченіемъ времени возросъ до такой степени, что Бѣлинскій говоритъ о народности въ такихъ выраженіяхъ: „Высочайшая похвала, какой только можетъ въ наши дни удостоиться поэтъ, самый громкій титулъ, какимъ только могутъ почтить его современники или потомки, состоитъ въ словѣ народный поэтъ". Это обращеніе къ народности было общерусскимъ;

оно сказалось и въ Малороссіи, для которой, надо замѣтить, оно не было такъ ново, какъ для сѣвера; но Украйна должна отмѣтить это время, какъ годину своего возрожденія: утратившая при Екатеринѣ II-й послѣднюю тѣнь своей нѣкогда самостоятельной жизни, она уже близилась къ тому, чтобы окончательно потерять былыя, отличающія ея исторію черты. Теперь въ ней начинается снова энергичная общественная и литературная жизнь; этому, какъ справедливо замѣчають, содѣйствовали между прочимъ слѣдующія обстоятельства: открытіе университета въ Харьковѣ, возвышеніе этого города, какъ центра сѣверной Украйны, и появленіе двухъ выдающихся писателей малорусской литературы—Г. Ѳ. Квитки и Т. Г. Шевченка.

Данилевскій говоритъ: „Харьковъ преобразился, и скоро новая умственная жизнь, возникшая въ центрѣ сѣверной Украйны, на отживающихъ остаткахъ стараго общества, соединила въ тѣсный кругъ семью молодыхъ профессоровъ и, подъ предводительствомъ Основьяненка, положила начало мѣстной литературѣ. Скоро въ Харьковѣ появились разомъ два журнала, полные любви къ просвѣщенію и общей русской отчизнѣ; рядомъ съ этимъ вошли въ моду литературные вечера; въ салонахъ вліятельныхъ особъ стали собираться для чтенія профессора, студенты и вообще любители просвѣщенія, между ними бывалъ и Основьяненко".

Характеристика личности этого писателя, со стороны его убѣжденій и идеаловъ, и послужитъ предметомъ настоящаго очерка.

Отмѣчать именами дѣятелей страницы исторіи и жизни тѣмъ выгоднѣе и удобнѣе, что въ образѣ и нравственномъ складѣ этихъ дѣятелей часто можно черпать все содержаніе переживаемаго ими времени. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ исторіи русской литературы, какъ выразительницѣ мнѣній и въ тѣсномъ смыслѣ того времени, когда русское слово въ его поэтической формѣ стремилось къ самостоятельному развитію. Не признавая исключительности въ общерусскомъ вопросѣ, Г. Ѳ. Квитку-Основьяненко мы почитаемъ какъ одного изъ самыхъ типичныхъ представителей названнаго времени нашей литературной исторіи.

Былъ споръ, который Добролюбовъ называетъ старымъ, о томъ, возможна-ли малорусская литература, или нѣтъ. А Бѣлинскій спрашивалъ: есть-ли въ Украйнѣ своя литература?

Такая постановка вопроса вызываетъ новый вопросъ: при

какихъ-же условіяхъ возможна литература вообще? Очевидно, что и тотъ и другой критикъ разумѣютъ литературу художественную, а поэтому, оставляя въ сторонѣ поэзію устную, мы сводимъ вопросъ на обстоятельства историческаго развитія народа, съ одной стороны, и на выработку того языка, который называется литературнымъ, съ другой. Въ такомъ случаѣ можно пользоваться положеніями уже готовыми.

Отличительной чертой духа малорусскаго народа было стремленіе къ особности, къ нѣкоторой, можно сказать, замкнутости.

Съ давнихъ поръ Малороссія, раскинувшаяся на плодоносной равнинѣ южной Россіи, стремилась къ сохраненію своего абсолютизма, плохо воспринимая стороннее вліяніе; она знала только сама себя, у ней была собственная, роскошно воспѣтая въ поэзіи рѣка—чудный Днѣпръ, около котораго связалась цѣлая вереница самыхъ разнообразныхъ преданій, разсказовъ и дѣйствительныхъ событій. Она имѣла свой собственный государственный центръ, свою столицу—Кіевъ, который былъ первопрестольнымъ средоточіемъ древняго русскаго міра; она имѣла знаменитую Сѣчь, что-то въ родѣ гнѣзда, гдѣ коренились во всей чистотѣ оригинальныя способности малорусскаго духа; Малороссія наконецъ имѣла и своихъ особыхъ враговъ и особую форму съ ними расправы; она грудью защищала свои вѣрованія, въ которыхъ тоже было что-то особое. Поставленная или, лучше сказать, замкнувшаяся въ такое положеніе Малороссія естественно должна была въ устныхъ сказаніяхъ создать свою особую словесность, и такая словесность дѣйствительно создалась—она носитъ свой особый колоритъ, свою мелодію въ пѣсняхъ. Жизнь южной Россіи всегда была ближе къ своей природѣ, къ своему національному, хотя въ теченіи цѣлыхъ столѣтій ей приходилось переживать невзгоды, причиняемыя иноземными владычествами. Еще не изгладились въ народѣ впечатлѣнія отъ татарскаго разгрома, какъ юго-западная Русь подпадаетъ подъ власть Литвы и Польши, а вмѣстѣ съ тѣмъ выноситъ и тяжелое вліяніе іезуитовъ и уніи, которые затрогивали и религіозные вопросы. На защиту этихъ вопросовъ долженъ былъ выходить на ряду съ воиномъ книжникъ. Поэтому вмѣстѣ съ козачьей удалью здѣсь зарождалась работа другаго рода—книжная, серьезная умственная дѣятельность. „Въ это время, говоритъ Прыжовъ, въ южной Руси совершается

необыкновенно замѣчательное явленіе: церковь и гражданинъ соединяются въ одно; монахъ подаетъ руку воину. Вся прошедшая жизнь приводила къ тому, что монахъ часто становился въ ряды козаковъ, а козаки дѣлались монахами. Монахи благословляли козаковъ на битву, они-же святили ножи и въ тоже время запорожецъ шелъ въ монахи, а войсковой судья вдругъ дѣлался митрополитомъ. Монахъ и козакъ одинаково были гражданами своей земли, одинаково служили просвѣщенію, заводили школы, изучали исторію, занимались поэзіей.

Тимъ-то и сталась по всему світу
Страшенная козацкая сила,
Що у васъ, панове молодці,
Була воля и дума едина!...

Этотъ братскій союзъ всей земли сказался особенно въ двухъ великихъ людяхъ южной Руси начала XVI в., въ гетманѣ Петрѣ Конашевичѣ Сагайдачномъ и кіевскомъ митрополитѣ Петрѣ Могилѣ“ [1]).

Въ эту пору Малороссія значительно выше стояла московской Руси; она могла высылать своихъ учителей на сѣверъ и въ числѣ ихъ по вызову Москвы въ 1649 году отпустила туда Епифанія Славенецкаго, которому поручено было школьное и переводческое дѣло. Такимъ образомъ въ кипучей, вѣчно дѣятельной жизни, жизни оригинальной, достойной глубокаго уваженія, Малороссія имѣла задатки въ будущемъ создать свою собственную художественную литературу и науку, еслибы она вышла побѣдительницей изъ обстоятельствъ, завершившихся переяславской радой въ 1654 году, „на которой, говоритъ Максимовичъ, была рѣшена окончательно историческая и нравственная необходимость присоединенія Малороссіи къ державѣ русской“ [2]). Въ Москвѣ Малороссія искала поддержки и защиты своей политической жизни, на которую было достаточно иноплеменныхъ и иновѣрныхъ посягателей. Сливаясь-же съ Великороссіей, съ которой у нея и безъ того было много общаго, она должна была, при воздѣйствіи на нее болѣе сильной по-

---

[1]) Малороссія въ ея словесности, „Вѣстн. Европы“, іюнь, 1870 г., стр. 775.
[2]) Соч. т. 1-й, стр. 518.

литической организаціи, ассимилироваться съ ней по крайней мѣрѣ до того времени, пока не уляжется въ ней тяжелое прошлое. Быть можетъ, возрожденіе малорусской словесности въ девятнадцатомъ вѣкѣ хотя отчасти слѣдуетъ объяснить и тѣмъ, что сама народность южной Россіи нѣсколько успокоилась отъ непрестанныхъ раздираній, какія она испытывала въ прошломъ вѣкѣ. Какъ-бы то ни было, но обстоятельства политики имѣютъ важное значеніе на развитіе литературы; реформы Петра I-го принесли Россіи большую пользу, но не слѣдуетъ забывать, что при этомъ государѣ окрѣпло и наше политическое могущество... Обращаясь къ вопросу о соединеніи Малой Россіи съ Великой и значеніи этого соединенія, укажемъ еще на историческій романъ г. Кулиша: „Черная рада". Надо сказать, что авторъ придаетъ своему роману высокое значеніе; онъ, чтобы прочелся его романъ всею Россіей, написавъ его по-малорусски, перевелъ на великорусскій языкъ. Вотъ что говоритъ онъ о той идеѣ, которая руководила имъ въ собираніи матеріала и въ самомъ сочиненіи [1]: „я подчинилъ всего себя былому, и потому сочиненіе мое вышло не романомъ, а хроникой въ драматическомъ изложеніи. Не забаву празднаго воображенія имѣлъ я въ виду, обдумывая свое сочиненіе. Кромѣ того, что читатель увидитъ въ немъ безъ объясненій, я желалъ выразить во всей выразительности олицетворенной исторіи причины политическаго ничтожества Малороссіи и доказать каждому колеблещемуся уму не диссертаціей, а художественнымъ воспроизведеніемъ забытой и искаженной въ нашихъ понятіяхъ старины, нравственную необходимость сліянія въ одно государство южнаго племени съ сѣвернымъ. А это соединеніе уже было шагомъ къ потерѣ своей индивидуальности. Въ XVIII же вѣкѣ подъ русскимъ вліяніемъ Малороссія окончательно отказалась отъ прежнихъ особенностей своего быта; паденіе гетманскаго управленія и введеніе крѣпостнаго права даже между свободнымъ козачествомъ рѣзкимъ образомъ разрушило тѣнь ея автономіи. Съ тѣхъ поръ Малороссіи предстояла одна перспектива: все больше и больше превращаться въ русскую провинцію, принимать русскіе нравы, языкъ, образованіе и русскую литературу. Съ XVIII столѣтія Малороссія уже дала многихъ писателей этой литературѣ; языкъ ея

---

[1]) См. «Черная Рада», соч. Кулиша, «Эпилогъ».

сталъ мѣстнымъ жаргономъ... Для образованнаго класса болѣе широкія литературныя стремленія были теперь возможны только на русскомъ языкѣ: Богдановичъ, Капнистъ, Гнѣдичъ, Нарѣжный, малоруссы по происхожденію, не вносятъ въ свою дѣятельность ничего малороссійскаго. Гоголь сохранилъ малороссійскія симпатіи, но по широтѣ своихъ замысловъ могъ быть только русскимъ писателемъ; малорусское нарѣчіе не давало ему достаточнаго поприща. Самые-же писатели XVIII вѣка, между которыми выдѣляются Зиновій Климентій и Григорій Савичъ Сковорода, свидѣтельствуютъ о низкомъ уровнѣ малороссійской литературы; произведенія ихъ отзываются схоластикой, языкъ ихъ изуродованъ".

Въ XIX вѣкѣ произошло измѣненіе; на причины этого измѣненія мы указали выше. Русская образованность стала распространяться равномѣрно на сѣверѣ и на югѣ; исторія сдѣлалась общею; оставалось дѣло за выработкою и свободнымъ развитіемъ языка. Интересны въ этомъ отношеніи мнѣнія Бѣлинскаго на счетъ языка малорусской литературы; вотъ его общая мысль: „обыкновенно пишутъ для публики, публика-же собственно состоитъ изъ высшихъ образованнѣйшихъ слоевъ общества; а малороссійское нарѣчіе одно и тоже для всѣхъ сословій—крестьянское, поэтому наши малороссійскіе поэты пишутъ всегда изъ простаго быта и знакомятъ насъ только съ Марусями, Одарками, Прокопами... и тому подобными особами... Хороша литература, которая только и дышетъ, что простоватостью крестьянскаго языка и дубоватостью крестьянскаго ума"[1]). О малорусскомъ языкѣ и о правахъ его гражданства говорили и писали очень много; одни указывали на ненадобность его при имѣніи выработаннаго и наукой и литературой великорусскаго языка, какъ языка общерусскаго; другіе желали его удержать на родинѣ, проводя его и въ литературу и въ школу, при чемъ замѣчали, что языкъ выработается и разовьется, пусть будетъ только дана ему возможность вырабатываться. Бѣлинскій въ своемъ отзывѣ о малорусскомъ языкѣ полагаетъ его, какъ и всякій языкъ, между читающими (публикой) и пишущими; при этихъ, такъ сказать, факторахъ и возможно прогрессивное движеніе языка; но первые не мыслимы безъ вторыхъ, а слѣдовательно появленіе писателей, послѣдователь-

---

[1]) Бѣлинскій. Соч., т. 5, стр. 310.

ная взаимная ихъ смѣна есть уже существованіе языка и его исторія. Замѣчаніе, что въ малорусской литературѣ не было такого завершителя, который-бы, подобно Пушкину, „положилъ послѣдній камень въ формальномъ образованіи малорусской литературы", быть можетъ и справедливо, но кто-же можетъ сказать, что онъ не появится; а литература существовала вѣдь и до Пушкина. Но намъ важно не объясненіе, а фактъ, что въ началѣ нашего столѣтія въ Малороссіи была своя литература, которая между именами писателей считала Котляревскаго, Артемовскаго-Гулака, Основьяненка, Шевченка и др., а между ними „первымъ писателемъ, который болѣе непосредственно отнесся къ народной жизни и основалъ свою литературную дѣятельность на элементахъ народнаго обычая и поэзіи, малороссійскіе критики согласно считаютъ Квитку" [1]). Дѣятельность этихъ писателей обновившейся Малороссіи позволила Бѣлинскому отвѣтить на собственный вопросъ: „да, въ Украйнѣ есть своя литература".

Историкъ русской жизни въ томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ говорить о проявленіи у насъ національнаго сознанія и выработки принципа народности, сдѣлаетъ большой пробѣлъ, если въ должной мѣрѣ не остановится на Квиткѣ. Выше мы сказали, что этотъ писатель „основалъ свою литературную дѣятельность на элементахъ народнаго обычая и поэзіи"; скажемъ теперь объ этомъ подробнѣе. Значеніе и важность изслѣдованія устныхъ народныхъ произведеній знатокъ нашей этнографіи Даль возводитъ до степени вліянія ихъ на литературу. Въ письмѣ своемъ къ Квиткѣ онъ говоритъ: „отчего у насъ нѣтъ доселѣ достойной изящной словесности? развѣ мы не тѣ-же люди, что нѣмцы, да голланцы? или у насъ такъ земля родитъ, да такъ печь печетъ? Совсѣмъ не то; мы попали не въ свою колею; мы сочинили какой-то книжный, надутый языкъ, пишемъ по-заморски русскими словами и удивляемся, что насъ не читаютъ и не понимаютъ! Да, не понимаютъ и не могутъ понимать... И лучшія произведенія нашихъ писателей хворають этой болѣзнью; все, что они пишутъ, не русское по духу, не русское по языку; оно прекрасно, если смотрѣть на него, какъ на прекрасный переводъ съ иностраннаго, а скажите, что это родное, и вамъ природ-

[1]) Пыпинъ. Ист. слав. лит., стр. 222.

ный русскій скажетъ: неправда!“ Въ другомъ мѣстѣ Даль выражается еще сильнѣй: „по мнѣ, говоритъ онъ, ужъ пусть-бы лучше припахивало сырьемъ да квасомъ, лишь-бы въ носъ попшбало!“ Квитка именно и былъ такимъ писателемъ, который всегда стоялъ на почвѣ роднаго; ободренный вниманіемъ Жуковскаго, совѣтовавшаго ему не бросать пера, а писать и писать болѣе, выбирая сюжеты изъ окружающей жизни, онъ щедро надѣлялъ тогдашніе журналы повѣстями изъ украинской жизни. Г. Костомаровъ говоритъ, что „Квитка имѣлъ громадное вліяніе на всю читающую публику въ Малороссіи; равнымъ образомъ и простой безграмотный народъ, когда ему читали произведенія Квитки, приходилъ отъ нихъ въ восторгъ“ [1]). Въ повѣстяхъ этого писателя отразилась Малороссія съ ея природой, нравами и типами. „Живя въ Украйнѣ, пишетъ Квитка Плетневу, пріучаясь къ нарѣчію жителей, я выучился понимать мысли ихъ и заставилъ ихъ *своими словами* пересказать ихъ публикѣ. Вотъ причина, признается авторъ, вниманію, коимъ удостоена „Маруся“ и другія, потому что онѣ списаны съ натуры безъ всякой прикрасы и оттушевки. И признаюся вамъ, описывая „Марусю“, „Галочку“ и проч., не могу, не умѣю заставить ихъ говорить общимъ языкомъ, влекущимъ за собой непремѣнно вычурность, подборъ словъ, подробностей, гдѣ въ одномъ словѣ сказывается все. Передавъ слово въ слово на понятное всѣмъ нарѣчіе... я не произвелъ, а только списалъ“ [2]).

Такія выраженія писателя свидѣтельствуютъ о тѣсномъ его общеніи съ народомъ, въ средѣ котораго онъ жилъ. „Заграничныхъ людей, говоритъ онъ, въ свои повѣсти не беру. Въ высшемъ кругу единообразіе, утонченность, благонравіе, высокія чувства живутъ и дѣйствуютъ, и они свойственны людямъ, составляющимъ его по воспитанію и по понятіямъ! Нѣтъ пищи для замѣчаній, наблюденій; нечего-же выставлять всѣмъ видимое и извѣстное! Вотъ въ простомъ классѣ людей необразованныхъ, гдѣ люди дѣйствуютъ не по вложеннымъ въ нихъ понятіямъ, а по собственному чувству, уму, разсудку, если замѣчу что такое, пишу! Вотъ и выходятъ мои „Маруси“, „Оксаны“, „Наумы“, „Мироны“ и „Ситниковы“. Въ

[1]) Поэзія славянъ, стр. 160.

[2]) Данилевскій. Украинская старина, стр. 252.

этой выпискѣ сказывается взглядъ писателя на свою литературную работу и на характеръ ея содержанія. „Еслибы, говоритъ г. Кулишъ, Гоголю дать тѣ этнографическія познанія, какія имѣлъ Квитка, то при его необъятномъ талантѣ возсоздавать дѣйствительность, его „Вечера на хуторѣ“ были-бы столь-же неизмѣнно драгоцѣнными твореніями, какъ и многія изъ послѣдовавшихъ созданій“. Но и народъ зналъ своего бытописателя; имя его пользовалось широкою извѣстностью. Однажды Гребенка, тогда молодой писатель, проѣздомъ черезъ Харьковъ, желая посѣтить „ветерана харьковской литературы“, завернулъ къ нему въ Основу и всю дорогу проговорилъ объ Основьяненкѣ съ своимъ извощикомъ. Гребенка радовался этой извѣстности.

Но Квитка не былъ человѣкомъ широкаго образованія, онъ былъ только талантомъ; обладая способностью подмѣчать и умѣніемъ читать самыя сокровенныя движенія человѣческаго чувства, онъ непосредственно силою своего дарованія какъ-бы психическимъ анализомъ воспроизводилъ въ образахъ, какъ начиналось, складывалось и разрѣшалось чувство. Онъ выражалъ, по словамъ г. Костомарова, „такую глубину, полноту и нѣжность народнаго чувства, что выжимаетъ слезу, и вездѣ является онъ вѣрнымъ живописцемъ народной жизни. Едва-ли кто превзошелъ его въ качествѣ повѣствователя-этнографа, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ выше своего современника—Гоголя“ [1]).

Съ такими качествами души и таланта Квитка долженъ естественно занять видное мѣсто въ небогатой именами малорусской литературѣ; имя его между прочимъ отмѣтилъ и Шевченко въ извѣстномъ своемъ стихотвореніи: „Бьють пороги, місяць всходить“... въ которомъ онъ проситъ его напомнить народу о Сѣчѣ, о былой его славѣ, въ которомъ называетъ его „милымъ батькомъ“.

Помимо содержанія значенію повѣстей Квитки и его популярности много служило превосходное знаніе языка. Чужбинскій говоритъ, что „малорусскія повѣсти Основьяненка неизмѣримо выше тѣхъ, которыя онъ пишетъ по-русски“. Такое замѣчаніе выразилъ Чужбинскій самому автору; хотя это огорчило старика, но тѣмъ не менѣе въ письмѣ своемъ къ Плетневу Квитка самъ признается, что

[1]) Поэзія славянъ.

русскій языкъ не передаетъ вполнѣ красотъ малорусскихъ оборотовъ рѣчи. „По случаю, разсказываетъ онъ, былъ у меня споръ съ писателемъ о малороссійскомъ нарѣчіи. Я его просилъ написать чтó серьезное, трогательное. Онъ мнѣ доказывалъ, что языкъ не удобенъ и вовсе не способенъ. Знавъ его удобство, продолжаетъ Квитка, я написалъ Марусю и доказалъ, что отъ малороссійскаго языка можно растрогаться". Даль-же говоритъ, что Квитка одинъ изъ первыхъ и лучшихъ разсказщиковъ на родномъ нарѣчіи своемъ.

Основною темою произведеній Основьяненка, часто украшенныхъ свойственнымъ его народности юморомъ, было—по его собственнымъ словамъ—„показать, отчего у насъ зло". Въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, онъ сходится съ Гоголемъ. „Мнѣ хотѣлось-бы умереть покойно, пишетъ онъ о себѣ; чего лишусь, когда самое прямое, благородное мое стремленіе—показать, отчего у насъ зло, будетъ осмѣяно и преслѣдуемо". Хотя глухо, но тѣмъ не менѣе достаточно слышно звучитъ въ этихъ словахъ нота сознанія незаслуженной обиды. Это еще яснѣй станетъ, когда мы разсмотримъ отношеніе столицы къ провинціи, практиковавшееся въ то время. Высокомѣріе столичныхъ обывателей, такъ громогласно заявляемое даже въ тогдашней печати и въ рѣчахъ Фамусовыхъ, считавшихъ Саратовъ глушью, чуть-ли не мѣстомъ ссылки, ставило провинціальныхъ писателей въ тяжелое положеніе; наиболѣе всѣхъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Квитка въ своихъ письмахъ. Малороссія, сдѣлавшаяся русской провинціей, притомъ отдаленной отъ сѣверныхъ столичныхъ центровъ, когда-то высылавшая своихъ учителей въ Москву, теперь отошла на задній планъ. На сѣверѣ ея не знали и даже подтрунивали надъ неловкими, нерасторопными ея жителями; интересенъ разсказъ Квитки въ его романѣ, въ которомъ онъ рисуетъ комическое положеніе украинца, попавшаго въ Петербургъ, гдѣ собираются цѣлыя толпы народа со смѣхомъ смотрѣть на него, какъ-бы на заѣхавшаее чудовище. Надо и то сказать, что Малороссія иной разъ точно стыдилась сама себя; хотя это высказывалось въ пустой формѣ, но обойти его молчаніемъ не слѣдуетъ. Гоголь говоритъ, что малорусскіе помѣщики, пріѣхавши въ столицы, спѣшили прибавить къ своимъ фамиліямъ, оканчивающимся обыкновенно на *о*, „*въ*". Гребенка разсказываетъ о себѣ то-же самое: поступивши въ нѣжинскій музей, онъ долженъ былъ обратить себя изъ Гребенки въ Гребенкина.

Въ наибольшей мѣрѣ въ этомъ отношеніи терпѣла отъ столицы малорусская печать, хотя, принадлежа украинскимъ писателямъ, она являлась и на русскомъ языкѣ. Вотъ напримѣръ что пишетъ петербургскій рецензентъ о романѣ „Панъ Халявскій": „есть разнаго рода остроумія, болѣе или менѣе несносныя; но самое несносное изъ всѣхъ—это провинціальное остроуміе. Эти глубокомысленныя наблюденія надъ человѣческимъ сердцемъ, дѣлаемыя изъ-за плетня; эти черты нравовъ, подмѣченныя между маслобойнею и скотнымъ дворомъ; эти взгляды на жизнь, обнимающіе на земномъ шарѣ великое пространство, пять верстъ въ радіусѣ; этотъ свѣтъ, составленный изъ шести сосѣдей; эти колкіе сарказмы надъ борьбою изящества и моды съ дегтемъ и саломъ; эти насмѣшки надъ новымъ и новѣйшимъ, которыхъ даже не видно оттуда, гдѣ позволяютъ себѣ подшучивать надъ ними—весь этотъ дрянной, выдыхлый губернскій ядъ, котораго не боятся даже мухи, и эти смѣлые удары, съ трескомъ падающіе вмѣсто общества въ лужу грязи, которая отъ нихъ только распрыскивается па читателей и т. д.—все это можетъ казаться замысловатымъ какой нибудь ярмаркѣ!" Нѣтъ силъ приводить дальше эту трескотню фразъ: кружится голова, отъ нихъ отдаетъ чѣмъ-то личнымъ, озлобленнымъ. Мы уже видѣли, какъ относится къ подобнымъ отзывамъ Квитка; они смущали его и стѣсняли его работу. Но надо и то сказать, что сама провинція дѣйствительно не высоко стояла; бюрократизмъ, заявлявшій здѣсь себя особенно, былъ гнетомъ на всякое свободное слово въ литературѣ; свидѣтельства въ этомъ отношеніи нашего автора поразительны. Въ письмѣ къ Плетневу по поводу своего романа о Столбиковѣ, онъ проситъ даже о пріостановкѣ печати. „Нельзя-ли, говоритъ онъ, въ заглавіи сказать, что издано сочиненіе какими нибудь буквами Х, Б, Ч, К или какъ лучше придумайте, что угодно, только-бы не мое или Основьяненки имя. Еще-бы я просилъ, разумѣется, когда уже не возможно пріостановить печатаніе, чтобы, не помню въ какой части, гдѣ одинъ изъ Пустолобовыхъ, производя слѣдствіе, танцуетъ кадрили и всѣхъ безъ разбора сажаетъ въ острогъ, пусть онъ будетъ не *Иванъ Савичъ,* а какъ нибудь иначе перекрестите его. Ну ихъ совсѣмъ! Еще: когда настоящій Пустолобовъ служилъ у какой-то барыни, которая умничала и безпутно вела себя, сказано, что она *не имѣла волосъ и носила па-*

рикъ; выключите эту примѣту: по справкамъ оказалось, что у одной барыни не имѣется волосъ на головѣ, и она носитъ парикъ; она меня съѣстъ, хотя чортъ ее знаетъ, есть у нея волосы или нѣтъ..... А что касается губернскихъ чиновъ, такъ тамъ бѣда... А полиція что скажетъ? а дворянство? Ужасъ, ужасъ, ужасъ"[1])! И самъ Квитка, хотя понималъ, что въ столицахъ нельзя изучить простоту народной жизни, что толки народные тамъ другого рода, однако отдавалъ должное тому обществу членовъ, котораго соединяли интересы болѣе широкіе и котораго нельзя было найти въ провинціи. Но и въ этомъ случаѣ въ чувствѣ его была должная мѣра. „Перечитывая журналы, говоритъ онъ, ясно вижу и понимаю занимающихся ими людей, правила ихъ жизни, старанія достигнуть своей цѣли. А любопытно было-бы взглянуть на нихъ поближе, слышать сужденія, толки ихъ, и замѣтить ихъ извороты; но гдѣ способы пріѣхать въ Петербургъ! кажется послѣднее употребилъ-бы на дорогу, тотчасъ-бы явился у васъ, разсказалъ-бы, что на душѣ, послушалъ-бы васъ, да и назадъ ѣхать"[2])! Слѣдовательно поприще его было не вдали отъ провинціи; онъ не хотѣлъ оставаться въ столицѣ, въ ней для него не все слилось, что было мило. Здѣсь-же на родинѣ завѣтною мыслью Квитки было, между прочимъ, составленіе для простонародія краткаго свода уголовныхъ законовъ съ цѣлью выяснить поселянину послѣдствія преступленій и предупредить горькія ошибки невѣжества; а также составленіе листовъ, т. е. писемъ до любезныхъ земляковъ—родъ поучительныхъ посланій на малороссійскомъ языкѣ къ простонародію, за что онъ получилъ благодарность отъ правительства.

Картину застоя провинціальной жизни Квитка изобразилъ въ своей пятиактной комедіи „Пріѣзжій изъ столицы". Замѣчательное дѣло! Комедія эта и ходомъ дѣйствія и фигурами лицъ при чтеніи ея разительно напоминаетъ „Ревизора" Гоголя. Здѣсь тоже дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ, куда пріѣзжаетъ мнимый ревизоръ, тѣ-же перепуганныя лица съ своими „грѣшками", съ двумя пріятными дамами, которыя также влюбляются въ „милашку" ревизора. И тутъ вся кутерьма поднимается ради полученнаго темнаго, сбивчиваго извѣстія изъ губернскаго города. Чиновники

[1]) Данилевскій. Укр. стар., стр. 260.

[2]) Тамъ-же, корреспонденція Основьян. стр. 265.

также представляются ревизору и даютъ ему въ займы деньги. Какъ и у Гоголя, дамы толкуютъ о храмѣ изящества, о томъ, какъ печально изъ столицы вкуса быть брошену въ такую уединенную даль. Наконецъ при развязкѣ происходитъ такая-же нѣмая сцена, и всѣхъ какъ громомъ поражаютъ слова частнаго пристава о новомъ—настоящемъ ревизорѣ: „вотъ бумага отъ губернатора съ жандармомъ присланная!" говоритъ онъ. Такова сѣть, на которой построена піеса Квитки. Здѣсь не мѣсто разбирать, было-ли у Гоголя заимствованіе; скажемъ только одно, что Гоголь въ перепискѣ своей говоритъ, что онъ даже не слыхалъ о ревизорѣ Основьяненка. Не подлежитъ сомнѣнію только то, какъ говоритъ Аксаковъ, что анекдоты о ложныхъ ревизорахъ ходили по Россіи очень широко и дали авторамъ мысль написать сходныя комедіи; для провинціальной жизни это фактъ знаменательный.

Современная Квиткѣ критика не обошла молчаніемъ его произведеній, но отношенія ея высказались въ какомъ-то великодушномъ снисходительномъ тонѣ, хотя и съ признаніемъ достоинствъ. Бѣлинскій въ короткихъ характеристикахъ всюду ставитъ имя Квитки высоко; повѣсти его въ разныхъ мѣстахъ своихъ статей называетъ „прекрасными, интересными, занимательными, остроумными, живыми и проч.", но называетъ какъ-бы мимоходомъ; упомянувъ объ Основьяненкѣ, онъ спѣшитъ отдѣлаться коротенькой похвалой и идти дальше. Надо сказать, какъ это отчасти было замѣчено раньше, что Бѣлинскій не признавалъ необходимости малорусской литературы; говоря о самомъ языкѣ, онъ доказывалъ, что малорусскій языкъ когда-то существовалъ, а теперь его уже нѣтъ. „Какая глубокая мысль, замѣчаетъ критикъ, въ этомъ фактѣ, что Гоголь, страстно любя Малороссію, все-таки сталъ писать по-русски, а не по-малороссійски! Но Гоголь, продолжаетъ онъ, не совсѣмъ можетъ служить примѣромъ. Тѣмъ не менѣе жаль видѣть, когда и мелкое дарованіе *попусту тратитъ* свои силы, пиша по-малороссійски—для малороссійскихъ крестьянъ... Въ самомъ дѣлѣ содержаніе такихъ повѣстей всегда однообразно, всегда одно и тоже, а главный интересъ ихъ—мужицкая наивность и наивная прелесть мужицкаго разговора" [1]). Такъ говоритъ Бѣлинскій, разбирая малороссійскій альманахъ „Ластовка".

[1]) Соч. т. 5, стр. 309.

Писать по-малороссійски, писать для народа или изъ жизни на его собственномъ нарѣчіи Бѣлинскій называлъ „по-пусту тратить время"; но Бѣлинскій вѣроятно того не зналъ, какъ популярны были напримѣръ разсказы Квитки въ средѣ народа, какое доставляли они удовольствіе своимъ читателямъ, или какое дѣйствіе производятъ пѣсни Шевченка... Поэтому только и могъ написать Бѣлинскій, разбирая „Современникъ", слѣдующія строки: „изъ прозаическихъ статей особенно замѣчательна „Солдатскій портретъ" Грицька Основьяненка, прекрасно переведенный съ малороссійскаго г. Луганскимъ"; дальше критикъ прибавляетъ: „увѣряемъ почтеннаго Грицька Основьяненка, что если-бы онъ написалъ свои прекрасныя повѣсти по-русски, то, не смотря на мудреную для выговора фамилію своего автора, онѣ доставили-бы ему гораздо большую извѣстность, нежели какою онъ пользуется на Руси, пиша по-малороссійски". Такимъ образомъ отзывы Бѣлинскаго можно резюмировать въ слѣдующей формѣ: Квитка обладаетъ полнымъ правомъ на широкую извѣстность въ Россіи, но не хочетъ пользоваться имъ въ должной мѣрѣ. Въ Бѣлинскомъ въ данномъ случаѣ мы видимъ ревнивое желаніе видѣть въ лагерѣ русской литературы возможно бо́льшее число талантливыхъ писателей; такое желаніе весьма понятно, оно понятно было также и въ той бесѣдѣ друзей, когда было выражено сожалѣніе о томъ, что Марко Вовчокъ пишетъ свои произведенія какъ на малорусскомъ, такъ и на великорусскомъ языкѣ. Говорять, что на это сожалѣніе Шевченко сказалъ: „пускай пишетъ хотя по-самоѣдски, но лишь-бы то, что написано, была правда!" Но вѣдь Квитка писалъ тоже и по-русски, и мы слышали, какъ отзывался о его русскихъ повѣстяхъ Чужбинскій, а вотъ что говоритъ самъ авторъ ихъ въ письмѣ къ Плетневу: „извѣстность моихъ сказокъ разохотила здѣшнихъ переложить ихъ по-русски и совершенно по-русски, точно такъ, какъ вы желаете. Слушаемъ въ чтеніи, и что-же? Малороссы—не узнаемъ своихъ земляковъ, а русскіе... зѣваютъ и находятъ маскарадомъ; выраженія не свойственныя обычаямъ; изъясненія не свойственныя національности, дѣйствія характерамъ, хотя, правду сказать, переводъ былъ сдѣланъ и вычищенъ отлично. Я предложилъ имъ свой переводъ, буквальный, не позволяя себѣ слова смѣстить, и найденъ сноснымъ, но не передающимъ вполнѣ красотъ малороссійскихъ оборотовъ".

Совсѣмъ не такъ, какъ Бѣлинскій, относился къ малорусской словесности другой нашъ критикъ; если первый желаетъ въ Россіи видѣть только великорусскую литературу, то второй признаетъ полное право гражданства и за малорусскимъ языкомъ. Мы разумѣемъ Добролюбова, который говоритъ: „появленіе стихотвореній Шевченка интересно не для однихъ только страстныхъ приверженцевъ малорусской литературы, но и для всякаго любителя истинной позэіи. Его произвеееніе интересуетъ насъ совершенно не зависимо отъ спора о томъ, возможна-ли малорусская литература... Само собой разумѣется, продолжаетъ онъ, что никто не откажетъ малороссійскому, какъ и всякому другому народу, въ правѣ и способности говорить своимъ языкомъ о предметахъ своихъ нуждъ, стремленій и воспоминаній“ [1]). О Полевомъ самъ Квитка говоритъ, что онъ воскуривалъ ему ѳиміамы.

Изъ всѣхъ повѣстей Квитки больше всего подвергался критическому разбору, или лучше критическимъ замѣчаніямъ, его романъ „Панъ Халявскій“,—замѣчаніямъ, не всегда лестнымъ для автора. Г. Данилевскій говоритъ, что „два журнала стали систематически его (Квитку) преслѣдовать. Чтобы представить образецъ этихъ мнимошуточныхъ нападокъ, выписываемъ изъ „Библіотеки для чтенія“ за 1841 г., январь мѣсяцъ, отрывокъ изъ литературной лѣтописи, гдѣ говорится о названномъ романѣ и его авторѣ: „это, должно быть, ужасный провинціалъ, выжившій изъ юмора и шутокъ, за недостаткомъ слушателей, ищущій ихъ посредствомъ печати“.

„Я назвалъ его писателемъ и тутъ-же извиняюсь въ невинномъ злоупотребленіи слова: это произошло отъ того, что какой-то литературный кругъ, который я очень уважаю и которому очень нравится умъ господина Основьяненко, иные уже говорятъ просто Основаненко, старается выдать его за примѣчательнаго русскаго писателя... на меня эти пошлости (говорится о произведеніяхъ) Квитки наводятъ скуку и уныніе“.

Скромный, застѣнчивый и мягкій по характеру, въ то время уже старикъ, Основьяненко съ грустью переживалъ такіе отзывы; „онъ, говоритъ его біографъ, отказывался впередъ печатать, просилъ возвратить все посланное въ журналы и сборники и огорченію

---

[1]) Добролюбовъ. Соч., т. IV, стр. 353.

его не было предѣловъ“. Бѣлинскій о „Панѣ Халявскомъ“ отозвался нѣсколько съ другой стороны въ письмѣ своемъ къ редактору „Отеч. Записокъ“; онъ говоритъ: „Панъ Халявскій для перваго чтенія потѣшенъ и забавенъ, но при второмъ чтеніи съ него немного тошнитъ. Это не творчество, а штучная работа, сборъ анекдотовъ... Впрочемъ, добавляетъ онъ, для журнала „Халявскій“ кладъ: онъ найдетъ себѣ больше читателей и хвалителей, чѣмъ творческія произведенія Гоголя“.

Группируя отзывы о произведеніяхъ Квитки, можно расположить ихъ на три отдѣла; одни изъ нихъ принадлежатъ тѣмъ лицамъ, которыя почему-либо соприкасались съ самою малорусскою національностью—это отзывы положительные; всѣ они ставятъ и личность автора и его сочиненія на высшую степень значенія; другіе принадлежатъ тѣмъ сѣвернымъ рецензентамъ, которые не угадывали сущности содержанія повѣстей Квитки, мало знали самую народность Малороссіи—это отзывы отрицательные; наконецъ третій отдѣлъ мнѣній, которыя признаютъ въ самомъ писателѣ талантъ, большую способность наблюденія и больше говорятъ объ авторѣ, чѣмъ о его произведеніяхъ. Мы держимся того мнѣнія, что писатель, основывающій свои литературныя произведенія на этнографическомъ знаніи, на глубокомъ пониманіи языка, на умѣніи живо воспроизводить движенія человѣческаго чувства, самъ владѣющій искрою поэтическаго огня, достоинъ изученія и близкаго знанія его произведеній тѣмъ кругомъ, которому по преимуществу была посвящена его литературная дѣятельность.

Но Квитка примѣчателенъ не только какъ писатель, но и какъ человѣкъ, какъ дѣятель на другихъ поприщахъ. Нравственная личность этого человѣка сложилась изъ суммы самыхъ разнородныхъ и противорѣчивыхъ элементовъ. Память о Квиткѣ живетъ донынѣ между людьми, знавшими и любившими его, которые когда-то бесѣдовали съ нимъ въ его любимой Основѣ. Мы перепишемъ письмо Н. И. Костомарова, въ которомъ съ достаточною полнотою выскажется личность Григорія Ѳедоровича. „Съ Г. Ѳ. Квиткою, говорится въ письмѣ, я былъ знакомъ съ 1838 по 1843 годъ. Это былъ старикъ средняго роста, съ плѣшивою головою, съ однимъ глазомъ (другой въ лѣта юности онъ выжегъ фейерверкомъ), съ пятнами на лбу, всегда въ темномъ платьѣ, или халатѣ, принимавшій по-

сѣтителей въ гостиной, въ родѣ кабинета, гдѣ обыкновенно онъ писалъ. Сначала онъ жилъ въ двухъ верстахъ отъ города, на Основѣ, въ низенькомъ домикѣ съ каменною оградою, на необозримомъ, почти пустомъ дворѣ. Почти противъ дома его возвышался деревянный огромный домъ брата его, владѣльца Основы. Потомъ я съ нимъ видѣлся въ городѣ, куда онъ переѣхалъ въ 1843 году. Наружность его квартиры не представляла ничего щегольскаго; мебель очень простая, тутъ не было никакихъ комнатныхъ украшеній. Жены его я никогда не видѣлъ въ шелковомъ платьѣ. Живучи въ городѣ, онъ часто бывалъ въ церкви, гдѣ становился на клиросъ, или въ алтарѣ, такъ что его нельзя было видѣть. Онъ былъ очень религіозенъ и почти наизусть зналъ не только обыкновенное богослуженіе, но даже многіе праздничные каноны. Въ характерѣ его просвѣчивалось то смѣшеніе скрытности и искренности, простодушія и остроумія, которое такъ оттѣняетъ украинца. Онъ охотно давалъ свои сочиненія въ рукописяхъ знакомымъ, не оставляя себѣ другаго экземпляра, и безпрестанно жаловался потомъ, что у него зачитывали. Недостатокъ классическаго образованія и знанія иностранныхъ языковъ онъ замѣнялъ здравымъ умомъ и любовью къ чтенію. Онъ постоянно съ юношескимъ пыломъ слѣдилъ за движеніемъ русской литературы, особенно непереводной. Съ рѣдкою добросовѣстностью и отсутствіемъ всякой тѣни шарлатанства не позволялъ себѣ не только сужденій о томъ, чего не зналъ, но безъ ложнаго стыда признавался въ своемъ незнаніи; удалялся отъ разговоровъ не по немъ и, великій охотникъ до „анекдотовъ", никогда не позволялъ себѣ говорить дурно о лицахъ, и о самихъ извѣстныхъ чьихъ-нибудь дурныхъ поступкахъ отзывался съ сожалѣніемъ, стараясь прекратить разговоръ объ этомъ. Не смотря на старость, былъ крѣпокъ и свѣжъ и только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти началъ слабѣть. Жена его была женщина очень добрая и образованная. Она слѣдила за французскою литературою и даже за политикой... Она чрезвычайно любила своего мужа, гордилась его литературной славой и чуть не сошла съ ума послѣ его смерти". Жизненная карьера Квитки подвергалась самымъ крайнимъ перемѣнамъ; на 15-мъ году онъ поступаетъ въ военную службу, затѣмъ переходитъ въ гражданскую, которую потомъ бросаетъ снова для военной. Но точно неудовлетворенный жизнью онъ таитъ въ душѣ своей желаніе

уйти изъ міра въ уединеніе, ищетъ подвига и наконецъ, задумчивый, мечтательный съ примѣсью мистицизма, на 23 году онъ поступаетъ въ монастырь, гдѣ остается послушникомъ въ продолженіи четырехъ лѣтъ. Но прошли эти четыре года; мечтанія разсѣялись; Квитка измѣнилъ своему желанію. И какая игра судьбы! Изъ скромнаго монаха, нѣкогда читавшаго каноны, изъ какого-то святоши Квитка вдругъ является передъ зрителями на сценѣ театра въ самой веселой комической роли. Страсть къ театру, къ музыкѣ поглотила на столько-же сильно умъ странно развивавшагося молодаго человѣка, какъ нѣкогда страсть къ трудности монастырской жизни. Затѣмъ съ тридцатаго года его жизни начинается рядъ тѣхъ полезныхъ дѣяній, которыя дали Квиткѣ видное мѣсто въ исторіи просвѣщенія южной Россіи. Онъ дѣятельно работалъ на пользу образованія и по порученію правительства открылъ харьковскій институтъ для дѣвицъ (первый на югѣ Россіи), которому, по словамъ Срезневскаго, принесъ въ жертву почти все достояніе свое, заботился также о театрѣ, оставаясь въ то-же время то директоромъ танцовальнаго клуба, то правителемъ общества благотворенія, то предводителемъ дворянства, основалъ первый украинскій литературный журналъ, былъ энергичнымъ литературнымъ дѣятелемъ въ Петербургѣ, Москвѣ и въ провинціи. Можно судить по этому, сколько энергіи и жизни было въ этомъ человѣкѣ, сколько добрыхъ побужденій таилось и воплощалось на дѣлѣ! Вотъ какъ обобщаетъ нравственный портретъ Квитки г. Данилевскій: „Слѣпой и болѣзненный въ дѣтствѣ, безпрестанно мѣнявшій военный мундиръ на канцелярское перо и канцелярское перо на военный мундиръ, — четыре года монахъ, затворникъ въ самые лучшіе, свѣжіе годы жизни, дѣятельный членъ благотворительнаго общества и директоръ странствующей труппы актеровъ, основатель института для дѣвицъ и издатель перваго украинскаго журнала, директоръ танцовальнаго клуба и авторъ юмористическихъ остроумныхъ писемъ подъ забраломъ нѣсколькихъ псевдонимовъ и въ то-же время авторъ строгихъ отчетовъ о любимомъ институтѣ... наконецъ музыкантъ и предводитель дворянства—сколько разнообразія и сколько пережитыхъ противоположностей!“

Не ускользнуло это противорѣчіе качествъ и отъ эпиграммы, и въ ту-же пору чрезвычайно широко обошло мѣстность слѣдующее четверостишіе:

„Не надивлюся я, Создатель,
Какой у насъ мудреный вѣкъ:
Актеръ, поэтъ и засѣдатель
Одинъ и тотъ-же человѣкъ!“

Убѣжденія Квитки, если еще нужно объ этомъ говорить, были демократическія; принципъ народности былъ основнымъ принципомъ его жизни и дѣятельности.

Н. Марковъ.

1883 года.
Елисаветградъ.

Происхожденіе малорусской думы о Самуилѣ Кошкѣ.

«Міръ поэзіи, этотъ идеальный міръ человѣка, не есть пустая, безцвѣтная область мечтаній и воздушныхъ призраковъ, одно произвольное созданіе фантазіи, а напротивъ — міръ поэзіи творится изъ матеріаловъ человѣческой-же дѣйствительности».

(Шевыр., Ист. поэзіи, стр. II.

Вопросъ о происхожденіи и процессѣ созданія народныхъ произведеній представляетъ такъ много интереса для занимающихся изученіемъ народной литературы и вмѣстѣ съ тѣмъ является такимъ запутаннымъ, что всякій новый фактъ, помогающій хоть сколько нибудь уясненію онаго, достоинъ того, чтобы остановиться на немъ, съ цѣлью уясненія основныхъ положеній о народномъ творчествѣ вообще. Такимъ новымъ фактомъ является помѣщаемый ниже разсказъ, содержащійся въ одной италіанской брошюрѣ 1643 года и представляющій много аналогичнаго съ содержаніемъ извѣстной малорусской думы о Самуилѣ Кошкѣ, а потому дающій нѣкоторыя данныя для уясненія вопроса о происхожденіи оной. Вопросъ-же о происхожденіи малорусскихъ думъ имѣетъ немаловажное значеніе: однѣ изъ нихъ создавались народомъ на основаніи историческихъ событій и очень часто служили матеріаломъ для историковъ, пользовавшихся ими, какъ историческими данными; другія-же явились, какъ поддѣлка подъ народныя произведенія, изъ-подъ пера грамотниковъ; поэтому весьма важно опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ какъ подлинность думы, такъ и историческую достовѣрность передаваемыхъ въ ней фактовъ.

Считаю необходимымъ сначала указать нѣсколько общихъ положеній о народномъ творчествѣ, которыя вполнѣ могутъ быть

подтверждены частностями, проглядывающими въ разбираемой мною думѣ.

Если признать вѣрною мысль, высказанную въ эпиграфѣ, что міръ поэзіи творится изъ матеріаловъ человѣческой дѣйствительности, то, относительно народной эпической поэзіи, мысль эта можетъ быть формулирована еще съ большей опредѣленностью, а именно: *для созданія народно-эпическаго произведенія необходимъ фактъ, какъ дѣйствительность.* Поэтъ-художникъ очень часто создаетъ фактъ, исключительно руководствуясь фантазіей, сдерживаемой только условіями типической достовѣрности; онъ, увлеченный извѣстной идеей, вымышляетъ сознательно, не вѣря самъ передаваемымъ разсказамъ, и только допускаетъ возможность ихъ въ дѣйствительности. Народъ же, какъ безсознательный творецъ поэтическихъ произведеній, въ моментъ творчества въ каждомъ данномъ случаѣ вѣритъ передаваемому имъ факту, предполагая въ немъ реальную достовѣрность, и слѣдовательно не можетъ создать основнаго разсказа въ произведеніи, руководствуясь только фантазіей. Онъ можетъ конечно исказить фактъ до неузнаваемости, перепутать различные факты, но создать совершенно новый фактъ на основаніи фантазіи, повторяю,—не въ его натурѣ. Однимъ словомъ, поэзія въ его сознаніи—не игра воображенія, не умышленное творчество, а безусловная истина, являющаяся то какъ сводъ его религіозныхъ вѣрованій, то какъ кодексъ нравственности, то какъ его исторія. Поэтому во всякомъ народномъ произведеніи долженъ быть въ основѣ реальный фактъ, а тѣмъ болѣе—въ произведеніи съ историческимъ сюжетомъ; но только фактъ этотъ или въ исторіи затерялся, или въ произведеніи исказился до того, что узнать его мы не можемъ. Въ иной исторической пѣснѣ такой фактъ видѣнъ ясно, такъ-что и сомнѣнія не можетъ быть въ исторической основѣ ея; въ иной—могло быть смѣшано два отдѣльныхъ, но однородныхъ факта, и наконецъ многія пѣсни болѣе общаго содержанія пользуются, какъ основой, фактами типическими, которые все-таки сложились изъ отдѣльныхъ историческихъ фактовъ, но совершенно забытыхъ, таковы: дума о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова, да и вообще всѣ пѣсни, передающія разсказы о плѣнѣ у татаръ и турокъ. Конечно, во всѣхъ пѣсняхъ можно замѣтить присутствіе этой послѣдней черты, т. е. что историческій фактъ пополняется и пересоздается на осно-

ваніи обще-типическихъ подробностей, собственно и составляющихъ характерное отличіе народнаго творчества данной націи, но въ однихъ пѣсняхъ такихъ чертъ больше, въ другихъ меньше [1]).

---

[1]) Года три назадъ мнѣ пришлось услышать въ золотоношскомъ уѣздѣ, полт. губ., пѣсню, которая по складу своему относится не къ эпическимъ, а къ лирическимъ пѣснямъ, и которая составлена такъ, что большая часть ея, въ отдѣльныхъ стихахъ, представляется заимствованной изъ разныхъ пѣсенъ. Однако-же упоминаемый въ ней фактъ убійства да два собственныхъ имени навели меня на мысль, что пѣсня создана на основаніи какого-то дѣйствительнаго происшествія. Оказалось, что предположеніе мое было вѣрно: я узналъ впослѣдствіи, что лѣтъ 10 назадъ въ м. Гельмязовѣ, золотон. уѣзда, было совершено убійство старшины Ярмилки братьями Томиленками, и этотъ то фактъ и послужилъ поводомъ къ созданію пѣсни. Можетъ быть черезъ нѣсколько лѣтъ пѣсня эта будетъ совершенно забыта, или пересоздастся до того, что и собственныя имена изъ нея совершенно исчезнутъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ будущій изслѣдователь народныхъ пѣсенъ, не зная этого факта, естественно можетъ прійти къ выводу, что пѣсня создана на основаніи фантазіи съ извѣстной типической обстановкой. Во избѣжаніе этого, считаю умѣстнымъ при случаѣ сообщить ее здѣсь.

Не хилися, яворопьку,—ще-жъ ты зелененькій! *Не журися, козаченьку, ще-жъ ты молоденькій!* *Не радъ яворъ хилитися—вода корень мые,* *Не радъ козакъ журитися—такъ серденько ные.*	Заимствовано изъ пѣсни «Стоить явіръ надъ водою».
Тай по морю, по синёму два лебеді вьются, *А на тіхъ-же Томыленківъ кайданы куются.* *Закували Томыленківъ, повезли селомъ;* *Селомъ везуть, селомъ везуть, сільцемъ накидають.*	Образъ лебедя весьма часто означаетъ разлуку съ свободой.
За нимъ ёго стара мати плаче та рыдае. *Не плачь, мати, не плачь, стара, - сама провинила,* *Що хорошого сына породила, тай не оженила.*	Томиленки были двоюродные братья.
Продай, мати, волы круторогі, выручи зъ неволи; *Продай, мати, бычки и телички, выручи зъ темнички!*	
Лучше-жъ мени, моя мати, у полі орати, *А нижъ мени, моя мати, зъ тюрьмы выглядати.* *Лучше-жъ мени, моя мати, у лузі зъ косою,* *А нижъ мени, моя мати, у тюрьмі зъ крисою,* *Лучше-жъ мени, моя мати, ціпомъ молотити,* *А нижъ мени, моя мати, залізо носити.*	Кажется, новый способъ сравненія, указывающій, какъ на крайнюю тяжесть, на земледѣльческія работы.
Було-бъ тобі, мій сыночку, горілки не пити, *Було-бъ тобі, мій сыночку, Ярмілки не бити.*	Томиленки совершили убійство, будучи подносны.

Дума о побѣгѣ Самуила Кошки изъ турецкой неволи, по моему мнѣнію, должна быть отнесена къ тому роду пѣсенъ, въ основѣ которыхъ находится историческій фактъ, соединенный затѣмъ съ такимъ-же историческимъ фактомъ, только относящимся совсѣмъ къ другимъ лицамъ, и наконецъ пополненный вышеуказанными типическими подробностями. Дума о Самуилѣ Кошкѣ, самая длинная и болѣе другихъ сохранившаяся, извѣстна была до послѣдняго времени только въ изданіи г. Лукашевича „Малорусскія и Червонорусскія думы и пѣсни“ (1836 г.) и записана въ 30-хъ годахъ въ полтавской губ. Перепечатана она была затѣмъ въ Сборникѣ Максимовича (1849 г.) и въ „Историческихъ пѣсняхъ малорусскаго народа“, изданныхъ въ 1874 г. Этотъ, къ удивленію, единственный варіантъ думы въ послѣднее время пополнился другимъ варіантомъ, сообщеннымъ г. Горленкомъ на страницахъ декабрьской книжки „Кіевской Старины“. Послѣдній варіантъ, записанный со словъ бандуриста Ивана Крюковскаго въ лохвицкомъ уѣздѣ, полтав. губ., представляетъ жалкіе обломки нѣкогда стройнаго цѣлаго, впрочемъ до извѣстной степени дополняющіе прежній варіантъ, записанный г. Лукашевичемъ. Излагая содержаніе думы, я буду руководствоваться обоими варіантами, такъ какъ начало ея сохранилось, хотя въ самомъ отрывочномъ видѣ, въ варіантѣ Крюковскаго.

„У лузі Базалузі“, въ куренѣ, проживалъ гетманъ козацкій „Кішка Самійло“ зъ 40 человѣками „нетягъ“, не вѣдая никакого горя. Однажды по Черному морю ѣхало галерою „молоде паня, турецьке баша“; увидѣлъ онъ Лугъ-Базалугъ, прибылъ туда, захватилъ въ плѣнъ Самуила Кошку съ товарищами и, заковавъ ихъ въ цѣпи, отправился на своей галерѣ „до дівки Санжаківны“. Такъ передаетъ фактъ плѣненія варіантъ Крюковскаго. Въ варіантѣ, записанномъ Лукашевичемъ, мы видимъ уже продолженіе, такъ какъ тамъ говорится, что изъ Трапезонта выѣхала парадная галера, на которой были „Алканъ-паша, трапезонськее княжа“, 700 турокъ, 400 янычаръ и 350 (півчвартаста) бѣдныхъ невольниковъ, между которыми находились „Кішка Самійло, гетьманъ запорозській и Ляхъ-Бутурлакъ, ключникъ галерській, сотникъ переяславській, недовірокъ християнській, що бувъ тридцять літъ у неволі, двадцять чотыре якъ ставъ на волі, потурчився, побусурманився для паньства великого, для лакомства нещасного“. Когда они далеко отъѣхали

отъ пристани, Алкану-пашѣ приснился сонъ, предвѣщавшій что-то недоброе, а именно: что галера его ограблена, что его янычары изрублены, а невольники всѣ оказались на волѣ, и что гетманъ Кошка его самого на три части разрубилъ и въ море побросалъ. Бѣдные невольники хотя хорошо знали, что этотъ сонъ означаетъ, но ничего не сказали, а Ляхъ-Бутурлакъ, успокоивая Алкана-пашу, предложилъ только, чтобы ему поручено было зорче слѣдить за невольниками и крѣпче ихъ заковать. Затѣмъ подъѣзжаютъ они къ городу Козлову, гдѣ проживаетъ „дівка Санжаківна", въ гости къ которой и отправляется Алканъ-паша. Но, не довѣряя вполнѣ Ляху-Бутурлаку, посылаетъ онъ къ галерѣ двухъ турокъ для наблюденія, чтобы Ляхъ-Бутурлакъ не вздумалъ отпереть Самуила Кошку и его товарищей. Посланные турки подслушиваютъ разговоръ Кошки съ Бутурлакомъ: на просьбы Кошки освободить его изъ оковъ Бутурлакъ предлагаетъ ему отречься отъ вѣры христіанской,—тогда, говоритъ, „будешь у нашого пана молодого за рідного брата пробувати"; на это предложеніе Кошка даетъ отвѣтъ исполненный негодованія и брани, за что Ляхъ-Бутурлакъ бьетъ его и обѣщаетъ держать строже всѣхъ. Тогда посланные турки извѣщаютъ Алкана-Пашу, что онъ имѣетъ вѣрнаго слугу въ Ляхѣ-Бутурлакѣ и потому можетъ спокойно пировать. Алканъ-паша, получивъ это извѣстіе, очень обрадовался и послалъ на галеру много всякихъ напитковъ для Бутурлака. Послѣдній, грустя о томъ, что не съ кѣмъ ему о вѣрѣ христіанской поговорить, рѣшился посадить рядомъ съ собою Кошку и сталъ угощать его; но Кошка, въ то время какъ Ляхъ-Бутурлакъ все выпивалъ, тайкомъ выливаетъ подаваемое ему угощеніе и, дождавшись того момента, когда Бутурлакъ такъ напился, что съ ногъ свалился, досталъ изъ подъ подушки его всѣ ключи и отдалъ невольникамъ съ словами: „одинъ другого одмыкайте, кайданы изъ нігъ—изъ рукъ не кидайте, полуночнои годины дожидайте".

Варіантъ Крюковскаго не передаетъ этихъ подробностей и представляетъ Ляха-Бутурлака совсѣмъ инымъ, а именно: онъ, услышавъ сонъ паши, коротко успокоиваетъ его и сейчасъ-же, давая Самуилу Кошкѣ ключи, говоритъ:

Цытьте хлопци, не гремите
И залізомъ не стучите;

Дружка дружку одмыкайте,
Залізо у Чорне море метайте,
И молодого паню, турецького башу, и панять ёго
У Чорне море изъ галеры скидайте".

Фактъ этотъ, какъ увидимъ ниже, имѣетъ очень важное значеніе. Но продолжу далѣе пересказъ содержанія.

Когда въ полночь прибылъ къ галерѣ Алканъ-паша и увидѣлъ своего вѣрнаго ключника крѣпко спящимъ, то отдалъ приказаніе осмотрѣть всѣхъ невольниковъ, при чемъ обманъ Самуила Кошки вполнѣ удался, такъ какъ осматривавшимъ и въ голову не пришло попробовать, заперты ли замки при кандалахъ, и они ограничились только бѣглымъ осмотромъ. Когда все успокоилось, козаки сняли съ себя оковы, изрубили всѣхъ турокъ, а

Кішка Самійло Алкана-пашу изъ ліжка взявъ,
На три части розтявъ,
У Чорнее море побросавъ...

Между прочимъ онъ отдалъ приказаніе оставить спящаго Ляха-Бутурлака въ живыхъ, въ надеждѣ, что онъ можетъ оказаться еще полезнымъ для нихъ. Покончивши съ врагами, невольники пустились въ дальнѣйшій путь. Не скоро проснулся Ляхъ-Бутурлакъ, и когда узналъ о случившемся, то поклонился Самуилу Кошкѣ и, покаявшись въ своемъ прежнемъ поведеніи, подалъ совѣтъ половину козаковъ посадить на весла, а половину нарядить въ турецкіе костюмы, чтобы обмануть турокъ, которые выѣдуть изъ Цареграда встрѣчать Алкана-пашу. Такъ и поступили. Дѣйствительно, когда они стали подъѣзжать къ Цареграду, навстрѣчу имъ выѣхало 12 турецкихъ галеръ. Ляхъ-Бутурлакъ сталъ впереди, замахалъ турецкимъ флагомъ и сказалъ туркамъ, что Алканъ-паша съ похмѣлья крѣпко спитъ, и что побываетъ у нихъ на обратномъ пути. Затѣмъ козаки благополучно прибыли къ Днѣпру.

Тутъ я оставляю пересказъ думы, такъ какъ дальнѣйшее ея содержанія не относится къ интересующему меня вопросу о ея происхожденіи, и перейду къ сличенію разсказа думы съ сказаніями лѣтописцевъ о томъ-же фактѣ.

Какія же историческія данныя представляетъ собою разбираемая нами дума о Самуилѣ Кошкѣ?

Просматривая Лѣтопись Грабянки, Величка, Самовидца, Лѣтописи, изданныя Бѣлозерскимъ, Исторію Руссовъ, Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи Ригельмана и др., мы находимъ краткія извѣстія о Самуилѣ Кошкѣ, и извѣстія почти вездѣ однородныя, а именно: почти всѣ эти источники упоминаютъ о томъ, что Кошка былъ плѣненъ турками, но о бѣгствѣ его изъ неволи ничего не говорятъ.

Прослѣдимъ разсказъ о Кошкѣ по упомянутымъ и другимъ источникамъ, дабы опредѣлить, какія извѣстія были въ разныя времена объ этомъ героѣ думы, можетъ быть даже,—только какъ слухи.

Въ Исторіи Руссовъ читаемъ, что, когда въ 1598 году нѣкоторые малороссійскіе полки, въ противовѣсъ полякамъ, выбрали себѣ гетманомъ Сагайдачнаго, „поляки, въ опровержение гетмана Сагайдачнаго, а больше, чтобы всѣять вражду и междоусобіе въ войскахъ малороссійскихъ, выбрали съ приверженными къ нимъ полками гетманомъ изъ сотниковъ *Демьяна* Купку; а онъ, вздумавъ прославить себя военными успѣхами и заслужить общее тѣмъ уваженіе, отправился съ войсками своими въ Бессарабію для освобожденія плѣнныхъ христіанъ, тамошними татарами на границахъ Подоліи забранныхъ. Но, приближаясь къ г. Аккерману, былъ аттакованъ турками и татарами и отъ нихъ взятъ въ плѣнъ и истребленъ“ [1]). На основаніи этого источника, такой-же разсказъ переданъ въ Исторіи Малороссіи Н. Маркевича [2]). Въ приложеніи къ лѣтописи Самовидца, подъ заглавіемъ „Краткое описаніе Малороссіи“, упоминается подъ 1620 годомъ Самойло Купка, какъ соучастникъ коронпаго гетмана Жолкевскаго въ извѣстной цоцорской битвѣ съ турками, съ прибавленіемъ, что его „турки живого въ полонъ взяли“ [3]). Почти тѣми же словами передается это извѣстіе въ лѣтописяхъ изданныхъ Бѣлозерскимъ [4]), а равно въ лѣтописи Грабянки [5]), съ отнесеніемъ факта плѣненія къ 1620 г. Въ приложеніяхъ къ лѣтописи

---

[1]) Исторія Руссовъ, стр. 45.

[2]) Т. I, стр. 104.

[3]) Изд. 1849 г., стр. 4; изд. 1878 г., стр. 216.

[4]) Краткое лѣтоизобразительное знаменитыхъ и памяти достойныхъ дѣйствъ и случаевъ описаніе (стр. 56); Хронологія высокославныхъ, ясневельможныхъ гетмановъ (стр. 111); Имянная перепись малороссійскихъ хетмановъ (стр. 131).

[5]) Лѣтоп. Грабянки, стр. 25; тамъ-же, стр. 260.

Величка находимъ такія же извѣстія, съ указаніемъ и мѣста погребенія Кошки; въ первомъ изъ нихъ читаемъ: „1620 года гетманъ Самойло Кошка на урочищѣ, прозываемомъ Цоціора, турками убитъ и въ городѣ Каневѣ погребенъ“ [1]), во второмъ находимъ и болѣе подробное извѣстіе: „1620 года гетманъ козацкій Самойло Кошка съ козаками, при гетманѣ коронномъ Жолковскомъ, во время султана турецкаго Османа Гордаго, на коварной, подъ видомъ мира съ поляками, на урочищѣ, прозываемомъ Цоціора, войнѣ находился, но взятъ-ли онъ турками въ полонъ и выкупили-ль его козаки изъ того полону такъ, какъ Зѣновія Богдана Хмѣльницкаго, или ни,— неизвѣстно; токмо сіе заподлинно вѣстимо, что онъ гетманъ Кошка въ городѣ украинскомъ Каневѣ погребенъ, чего въ доказательство тамъ его гробъ свидѣтельствуетъ [2]). Въ Исторіи Малой Россіи Бантышъ-Каменскаго Самуилъ Кошка является преемникомъ Сагайдачнаго, но о времени его гетманства и участіи въ походахъ козаковъ противъ турокъ 1614, 1615 г. и 1616 г. говорится крайне неопредѣленно и только замѣчается, что онъ „попался въ плѣнъ къ туркамъ“ [3]). Наконецъ въ „Лѣтописномъ повѣствованіи о Малой Россіи“ Ригельмана говорится, что „въ битвѣ при Цоцорѣ козацкій гетманъ Самойло Кушка и Богданъ Хмельницкій съ прочими попались въ полонъ, кои по двух годахъ искуплены на обмѣнъ плѣненными татарами“ [4]).

И такъ, почти во всѣхъ цитированныхъ нами источникахъ мы встрѣчаемся съ фактомъ плѣненія Самуила Кошки турками, при чемъ, какъ на мѣсто и время плѣненія, всѣ они указываютъ на цоцорскую битву 1620 года, за исключеніемъ малодостовѣрнаго вообще источника—Исторіи Руссовъ, по которой Кошка попалъ въ плѣнъ во время похода въ Бессарабію, вблизи Аккермана, причемъ названъ онъ не Самойломъ, а Демьяномъ. Оставляя въ сторонѣ темное свѣдѣніе Исторіи Руссовъ, не можемъ не указать на два другія свидѣтельства, противорѣчащія приведеннымъ нами извлеченіямъ. Таковы, во 1-хъ, письмо извѣстнаго кошеваго атамана Сѣрка къ крым-

---

[1]) Лѣтоп. Величка, т. IV, стр. 151.

[2]) Тамъ-же, стр. 155—156.

[3]) Т. I, стр. 183—184.

[4]) Ригельманъ. Лѣтоп. повѣств., стр. 36.

скому хану, писанное въ 1675 году, гдѣ о Самуилѣ Кошкѣ, какъ о гетманѣ, и его походахъ упоминается до 1575 г., такъ какъ далѣе говорится, что „по немъ року 1575 Богданко зъ козаками Кримъ воевалъ и плюндровалъ“ [1]), и во 2-хъ шесть писемъ самаго Кошки къ коронному гетману Жолкевскому, писанныхъ во время походовъ его въ 1601—1602 г.г. сначала въ Молдавію, а потомъ въ Ливонію [2]). Правда, письмо Сѣрка въ вопросѣ о времени плѣна Кошки не имѣетъ значенія строго историческаго свидѣтельства, какъ писанное спустя сто лѣтъ и основанное на воспоминаніяхъ и слухахъ, за то письма Кошки, по времени написанія, занимаютъ такой срединный пунктъ между свидѣтельствомъ Сѣрка и извѣстіями лѣтописцевъ, что могутъ служить подтвержденіемъ какъ того, такъ и другихъ, и если предположить, что Самуилъ Кошка участвовалъ въ походахъ въ Молдавію и Ливонію по возвращеніи изъ плѣна, тогда извѣстію Сѣрка должно дать предпочтеніе, а если допустить, что походы были раньше плѣна его, тогда надо дать вѣру извѣстіямъ лѣтописцевъ. Издатели „Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа“ [3]), основываясь на томъ, что письма къ Жолкевскому на обратномъ пути изъ похода въ Ливонію въ началѣ писаны Самуиломъ Кошкой, а послѣднее письмо изъ того-же похода писано нѣкіимъ Гавриломъ Крутневичемъ, отдаютъ предпочтеніе извѣстію Сѣрка и дѣлаютъ предположеніе, что Самуилъ Кошка умеръ на обратномъ пути изъ похода. Подтвержденіемъ этому предположенію является повидимому Боркулабовская Хроника, изданная г. Кулишомъ въ матеріалахъ для „Исторіи возсоединенія Руси“, въ которой читаемъ: „року 601 были у Швецыи козаки запорозкие, люду четыре тысечи. Надъ ними былъ гетманомъ Самуель Кошка. Тамъ-же того Самуйла убито, а поховано у Киеве“ [4]). Но извѣстіе Боркулабовской Хроники, такъ положительно говорящей о смерти Кошки, рѣшительно опровергается двумя письмами его къ Жолкевскому, помѣченными 1602 годомъ, изъ чего ясно, что Кошка былъ живъ во время обратнаго пути изъ похода и, слѣдовательно, не былъ

---

[1]) Лѣтоп. Величка, т. II, стр. 380.

[2]) Listy Stanisława Żołkiewskiego, стр. 107, 108, 114—117.

[3]) Историч. пѣсни, Т. I, стр. 227.

[4]) Кулишъ, Матеріалы, т. I, стр. 77.

убитъ во время войны, не говоря уже о несообразности такихъ двухъ извѣстій, какъ смерть Кошки въ Швеціи и погребеніе его въ Кіевѣ. Мало вѣроятія за собою имѣетъ и предположеніе издателей „Пѣсень малорусскаго народа“ о смерти Кошки на обратномъ пути изъ похода, основанное на томъ, что послѣднее письмо съ похода писано другимъ лицемъ, именно Гавриломъ Крутневичемъ. Послѣдняго подпись въ качествѣ простаго каневскаго козака мы находимъ на рукописи Кіево-Михайловскаго монастыря [1]), съ датою 1610 г., и на письмѣ къ Жолкевскому онъ подписался просто: Гаврило Крутневичъ и все запорожское войско, а слѣдовательно онъ не заступилъ мѣсто Кошки въ качествѣ гетмана, Кошка же подписался вездѣ словомъ *старшій*, которое замѣняло тогда слово гетманъ. Самуилъ Кошка въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ Жолкевскому причиною возвращенія своего изъ похода выставляетъ недовольство козаковъ и крайній недостатокъ въ содержаніи [2]) и согласно съ нимъ говоритъ объ этомъ Гейденштейнъ [3]). Составители сборника пѣсенъ въ подтвержденіе своего предположенія ссылаются еще и на то, что въ думѣ говорится, будто Кошка возвратился изъ плѣна при гетманѣ Скалозубѣ, т. е. около 1599 года. Но если довѣрять думѣ, то можно прійти къ выводу покойнаго М. А. Максимовича, что Кошка, пробывшій въ неволѣ 54 года, попалъ въ плѣнъ въ 1534 году, что ужъ совсѣмъ невѣроятно [4]). Свидѣтельство думы о возвращеніи Кошки изъ плѣна по всей вѣроятности есть типичная прибавка, вызванная желаніемъ представить цѣльный и законченный разсказъ.

Среди такихъ противорѣчивыхъ свидѣтельствъ о времени плѣненія Самуила Кошки, не дающихъ возможность рѣшить этотъ вопросъ хотя бы съ приблизительною точностію, мы желали бы удостовѣриться по крайней мѣрѣ въ томъ, подтверждается ли исторіей самый фактъ плѣненія его, а равно и возврата изъ неволи. Положительному разрѣшенію этого вопроса весьма много, повидимому, мѣшаетъ то обстоятельство, что польскія извѣстія о цоцорской битвѣ молчатъ о плѣненіи такого крупнаго лица, какъ козацкій атаманъ; но по этому нельзя еще утверждать, что факта такого

---

[1]) Рукоп. № 1636. Переводъ Новаго Зав. на южнор. нарѣчіе, 1581 г., Валентина Негалевскаго.

[2]) Listy Stan. Żolkiew., стр. 116.

[3]) Rainolda Heidensteina. Dzieje Polski. T. II, стр. 448.

[4]) Сборн. украин. пѣсень 1849 г., стр. 31.

вовсе не было, скорѣе можно предположить, что наши историки фактъ этотъ, случившійся можетъ быть раньше, по слухамъ пріурочили только къ такому крупному событію, какъ битва при Цецорѣ, и это отчасти можетъ служить подтвержденіемъ того, что Кошка плѣненъ былъ около этого времени. Какъ бы ни было, мы не можемъ отвергнуть лѣтописныхъ свидѣтельствъ, единогласно удостовѣряющихъ тотъ фактъ, что Кошка дѣйствительно былъ плѣненъ турками. Сопоставляя же разсказъ лѣтописцевъ съ разсказомъ думы объ обстоятельствахъ этого плѣненія, мы не видимъ въ нихъ ничего почти общаго. Лѣтописи передаютъ фактъ плѣненія, а основной разсказъ думы—освобожденіе изъ неволи. Если о фактѣ плѣненія упоминается въ варіантѣ думы, записанномъ со словъ Крюковскаго, то, какъ было уже сказано, это позднѣйшая прибавка, отличающаяся обще-типической картиной нападеній татаръ и турокъ на козацкія стоянки, лѣтописцы-же, говоря о плѣненіи Кошки, руководствовались народными о семъ преданіями, но только не тѣми, которыя вошли въ составъ думы.

О времени пребыванія въ плѣну ни дума, ни лѣтописи почти ничего не говорятъ, если не считать въ думѣ указанія на грубое обращеніе съ плѣнниками; но это также общетипическое мѣсто, встрѣчающееся во многихъ пѣсняхъ.

Что-же касается самаго факта бѣгства изъ неволи, т. е. главнаго предмета думы, то о немъ лѣтописцы совершенно умалчиваютъ. Только у Ригельмана сказано, что Кошка вмѣстѣ съ Богданомъ Хмѣльницкимъ и прочими черезъ два года были выкуплены въ обмѣнъ на плѣненныхъ татаръ; но откуда почерпнуто Ригельманомъ это извѣстіе—неизвѣстно. Остальныя лѣтописи сообщаютъ лишь о томъ, что Кошка былъ плѣненъ, а Исторія Руссовъ добавляетъ—и истребленъ. Одни приложенія къ лѣтописи Величка даютъ поводъ предполагать, что разсказы о возвращеніи Самуила Кошки изъ плѣна существовали, ибо въ одномъ изъ нихъ сказано: *выкупили-ль его козаки, или нѣтъ—неизвѣстно, но только извѣстно то, что онъ погребенъ въ Каневѣ* (о чемъ говоритъ и дума).

Если такимъ образомъ о бѣгствѣ Кошки изъ плѣна лѣтописныя сказанія совсѣмъ молчатъ, то мы въ правѣ усумниться въ существованіи этого факта, особенно если примемъ во вниманіе, что тѣ-же сказанія почти въ одинъ голосъ сообщаютъ о плѣненіи

его; значитъ, о бѣгствѣ Кошки изъ плѣна мало говорили народныя преданія, а можетъ быть ихъ и совсѣмъ не было, да и думы во время составленія сказаній можетъ быть также не существовало, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее знаемъ, потому что, будь она, наши лѣтописцы, не особенно разборчивые въ матеріалахъ, непремѣнно воспользовались-бы ею для разсказа.

Откуда-же, на основаніи какихъ данныхъ могъ явиться народный разсказъ объ этомъ сомнительномъ бѣгствѣ?

О Самуилѣ Кошкѣ, какъ о народномъ героѣ, попавшемъ въ плѣнъ къ туркамъ, ходило конечно много разсказовъ; когда пронесся слухъ о его возвращеніи, хотя-бы посредствомъ обмѣна или выкупа плѣнныхъ, народная фантазія легко могла нарисовать по своему картину этого возвращенія, создавъ ее по типу готовыхъ разсказовъ о бѣгствахъ разныхъ плѣнниковъ. Правда, въ думѣ является много не типическихъ чертъ, а исключительныхъ подробностей; но они-то именно, при молчаніи лѣтописцевъ о бѣгствѣ Кошки изъ плѣна, и заставляютъ насъ предполагать, что фактъ такого бѣгства существовалъ, но не съ Самуиломъ Кошкой, а съ кѣмъ-нибудь инымъ; народной-же фантазіи ничего уже не стоило пріурочить этотъ фактъ къ своему герою, особенно если фактъ случился въ то время, когда въ народѣ очень свѣжа была память о Кошкѣ. Оправданіемъ этого моего предположенія можетъ, кажется, служить упомянутый мною въ началѣ разсказъ, переданный въ итальянской брошюрѣ, о бѣгствѣ одного знатнаго русскаго офицера вмѣстѣ съ другими невольниками и истребленіи ими богатой турецкой галеры и убійствѣ командовавшаго ею паши. Брошюра эта издана въ Римѣ въ 1643 году, а русскій переводъ оной сообщенъ мнѣ В. Б. Антоновичемъ, съ поясненіемъ о мѣстѣ храненія и отысканія оной, которое подлинникомъ приводится здѣсь-же въ примѣчаніи [1]).

---

[1]) Брошюра издана въ Римѣ въ 1643 г. въ типографіи Григнани на италіанскомъ языкѣ. Авторъ разсказа не извѣстенъ, но можно догадываться, по его содержанію, что онъ составленъ участникомъ описываемаго событія Сильвестромъ изъ Ливорна, котораго дѣятельность во время подготовленія возстанія невольниковъ особенно тщательно оттѣнена. Италіанской брошюры намъ не удалось встрѣтить, но въ рукописномъ отдѣленіи Института Оссолинскихъ во Львовѣ мы нашли два различные перевода этой брошюры на польскій языкъ. Одинъ переводъ, болѣе

Приводимъ любопытный текстъ этой брошюры съ слѣдующимъ пространнымъ ея заглавіемъ:

Извѣстіе о замѣчательномъ происшествіи, недавно случившемся: о томъ, какъ взята была лучшая турецкая галера, бывшая подъ начальствомъ Анти-паши Маріоля, какъ получили свободу 207 человѣкъ невольниковъ христіанъ изъ польской Руси и 70 невольниковъ изъ другихъ христіанскихъ странъ, какъ взяты были въ плѣнъ 40 турковъ и 4 богатыхъ еврейскихъ купца, какъ убитъ былъ упомянутый Анти-паша со многими другими турками, и какая богатая добыча найдена была на галерѣ.

Нѣкій знатный офицеръ русинъ, по фамиліи Симоновичъ, находился въ плѣну у турецкаго царя въ продолженіи многихъ лѣтъ вмѣстѣ съ другими земляками своими. Онъ возъимѣлъ твердое намѣреніе освободить себя и земляковъ изъ тяжелой неволи и въ теченіи трехъ лѣтъ обдумывалъ и подготовлялъ планъ избавленія своего совмѣстно съ товарищами. Содержался онъ въ каторгѣ на изящной и отборной цареградской галерѣ, находившейся подъ начальствомъ жестокаго Анти-паши Маріоля. Наконецъ въ ноябрѣ 1642 года онъ началъ подготовлять средства для освобожденія съ большею осмотрительностью и въ глубокой тайнѣ, съобща съ нѣкоторыми болѣе близкими и вѣрными товарищами. Когда галера находилась у крѣпости Азова (въ подлинникѣ Asach?), онъ сталъ приносить понемногу ружейный порохъ и, завязывая его въ мѣшки, отдавалъ на храненіе нѣкоему русину Микулѣ. Этого Микулу Анти-паша считалъ вполнѣ вѣрнымъ себѣ слугою и предоставилъ

древній, писанный почеркомъ XVII столѣтія, находится въ записной книгѣ Петра Яблонскаго (въ каталогѣ рукописей № 6). Эта записная книга содержитъ 19 различныхъ статей, по большей части ученыхъ трактатовъ и историческихъ повѣствованій, переведенныхъ изъ языковъ: латинскаго, русскаго, италіанскаго и венгерскаго на польскій; въ томъ числѣ находится и «Извѣстіе о замѣчательномъ происшествіи». Другой варіантъ перевода находится въ рукописи, помѣченной въ каталогѣ номеромъ 967; это небольшая рукопись in quarto, состоящая изъ восьми листковъ; она содержитъ только одну статью—именно: переводъ указанной нами брошюры. Рукопись эта писана почеркомъ начала XVIII столѣтія и представляетъ переводъ того-же италіанскаго текста, только болѣе поздній и менѣе удачный. Нашъ переводъ сдѣланъ по варіанту, помѣщенному въ записной книгѣ Яблонскаго.—В. А.

ему должность эконома, поручивъ ему завѣдывать съѣстными припасами, назначенными какъ для его личнаго стола, такъ и для продовольствія турецкихъ солдатъ и невольниковъ; турки поэтому не наблюдали надъ поведеніемъ Микулы, онъ во всякое время расхаживалъ безъ цѣпей по галерѣ, и только на ночь на него налагали оковы. Пользуясь своимъ положеніемъ, Микула припряталъ мѣшокъ съ порохомъ, котораго собралось до 40 фунтовъ, положивъ его среди мѣшковъ съ сухарями, гдѣ, по милости Божьей, его не замѣтили ни шпіоны, ни сторожа турецкіе. Въ ноябрѣ галера, совмѣстно съ шестью другими, снялась съ якоря и приплыла въ Царьградъ; изъ одной галеры успѣлъ убѣжать невольникъ грекъ и донесь султану, что, не смотря на его указы и распоряженія, обезпечивавшія безопасность грековъ, Анти-паша захватилъ въ плѣнъ на свою галеру 40 человѣкъ изъ этого народа. Султанъ сдѣлалъ выговоръ Анти-пашѣ и приказалъ ему отпустить грековъ на волю. Но паша не желалъ исполнить этого приказанія и потому 9 ноября, наканунѣ св. Мартына, онъ въ полночь снялся съ якоря, распустилъ всѣ паруса и отправился въ путь; остальныя шесть галеръ получили приказаніе на другой день слѣдовать за нимъ въ Наполи ди Романія, гдѣ паша предполагалъ провести зиму и вести выгодныя торговыя сдѣлки съ купцами этого города. Когда галера достигла Бѣлаго (Мраморнаго) моря въ двухъ миляхъ отъ Цареграда, капитанъ (сотникъ?) Иванъ Симоновичъ и его товарищи русины сочли, что имъ представился случай освободиться изъ плѣна раньше, чѣмъ они надѣялись; они рѣшили ускорить исполненіе своего предпріятія, пока ихъ не настигнутъ остальныя шесть галеръ. Переговоривши быстро между собою, они приготовились: каждый изъ нихъ запасся камнемъ, лопатою или топоромъ, нѣкоторые-же припасли сабли и спрятали ихъ между скамьями; сабли эти въ ту ночь роздалъ имъ юноша, по имени Сильвестръ изъ Ливорно, котораго и султанъ и Анти-паша считали искреннимъ и убѣжденнымъ ренегатомъ, между тѣмъ какъ онъ оставался въ тайнѣ христіаниномъ и состоялъ искреннимъ пособникомъ заговора. Юноша этотъ при наступленіи ночи улегся среди турецкихъ солдатъ и притворился спящимъ. Между тѣмъ капитанъ Симоновичъ, который былъ прикованъ цѣпью къ первой скамьѣ, сталъ фитилемъ поджигать порохъ, лежа подъ скамьею, одинъ-же изъ товарищей старался закрыть его собою;

порохъ этотъ былъ подложенъ подъ доски въ задней части галеры, подъ то помѣщеніе, гдѣ ночевалъ самъ Анти-паша и съ нимъ 37 солдатъ турецкихъ. Шесть солдатъ были разставлены на ночь на галерѣ въ качествѣ часовыхъ; они замѣтили, что у капитана блеститъ въ рукахъ огонь и окликнули его, спрашивая, что онъ дѣлаетъ? Симоновичъ отвѣтилъ, что онъ куритъ трубку; турки удовлетворились этимъ отвѣтомъ и успокоились. Къ несчастью порохъ оказался отсырѣвшимъ и, не смотря на двукратную попытку, не вспыхнулъ; замѣтивъ это Сильвестръ, лежавшій среди турецкихъ солдатъ, незамѣтно проползъ по галерѣ и принесъ русскому капитану горящихъ углей, завернутыхъ въ тряпку; послѣдній бросилъ уголья внизъ въ то мѣсто, гдѣ былъ заложенъ порохъ; наконецъ послѣдовалъ взрывъ, хотя менѣе сильный, чѣмъ ожидали, по причинѣ порчи пороха отъ сырости; отъ взрыва тѣмъ не менѣе взлетѣли на воздухъ 28 турокъ и загорѣлись каюты и паруса; огонь сталъ осыпать остальныхъ турокъ, которые принуждены были полуживые бросаться частью въ море, частью среди русиновъ невольниковъ. Среди смятенія и криковъ, поднявшихся вслѣдствіе взрыва и пожара, проснулся въ тревогѣ Анти-паша Маріоли; онъ выбѣжалъ на палубу исполненный ярости, сталъ громко браниться и кричать: „ахъ, вы христіанскія собаки! не трогаться съ мѣста, измѣнники! сидѣть смирно!" Но русины храбро схватили камни, сабли и другое оружіе и бросились на турокъ съ крикомъ: „вотъ, вотъ, сейчасъ овладѣемъ галерою!" Въ это время капитанъ Симоновичъ схватилъ саблю, напалъ съ неотразимою отвагою на пашу и нанесъ ему смертельный ударъ со словами: „не сносить тебѣ головы, проклятая собака!" Затѣмъ онъ бросился вмѣстѣ съ товарищами на другихъ турокъ. Вся задняя часть галеры покрыта была оторванными членами и отсѣченными, облитыми кровью головами, которыя русины сбрасывали въ море. По счастливому для нихъ стеченію обстоятельствъ, турки не могли пустить въ дѣло луковъ, ибо тетивы ихъ были уничтожены горящими углями, падавшими изъ пылавшихъ каютъ, такъ что только два или три лука осталось годными къ употребленію. Изъ нихъ двумя стрѣлами раненъ былъ въ туловище и въ руку капитанъ Симоновичъ; затѣмъ онъ подвергся большой опасности, ибо одинъ старый, крѣпкій турецкій солдатъ бросился на него съ желаніемъ доконать его, но товарищи пришли ему на

помощь во время; турокъ храбро и упорно сражался съ дьявольскою неукротимостью; долго русины не могли его одолѣть, пока наконецъ не пронзили его копьемъ; онъ палъ съ страшнымъ пронзительнымъ крикомъ.

Послѣ продолжительной схватки невольники съ Божіею помощью одержали полную побѣду; они немедленно стали разбивать свои оковы съ большимъ грохотомъ и, вслѣдъ затѣмъ бросились къ канатамъ, желая распустить паруса, но при этомъ почувствовали необычную тяжесть; осмотрѣвъ паруса, они увидѣли, что многіе турки укрылись туда, пользуясь смятеніемъ; послѣдніе просили о помилованіи, и невольники согласились подарить имъ жизнь и объявили ихъ плѣнниками. Другіе турки бросились въ море изъ-за спасенія жизни, а человѣкъ 8 или 10, въ томъ числѣ и сынъ Антипаши, спрыгнули въ шлюпку; изъ галеры видно было, какъ лодка эта, полузалитая водою, кружилась по морю; весьма вѣроятно, что она потонула.

Освободившихся невольниковъ на этой галерѣ оказалось болѣе 250; все это были отборные, молодые и храбрые христіанскіе воины. Лишь только кончилась битва и водворился порядокъ, тотчасъ всѣ бросились къ весламъ и стали грести со всѣхъ силъ; они быстро помчались по морю, тѣмъ болѣе, что дулъ попутный вѣтеръ. Они безпрерывно работали веслами и плыли въ теченіи семи дней по направленію къ Калабріи, намѣреваясь пристать къ гавани въ Чивита-Веккіи, портъ Орвіетской области, тамъ высадиться, поклониться святымъ въ Римѣ и оставить галеру въ подарокъ святѣйшему папѣ Урбану VIII. Во время пути случилось, что галера встрѣтила фелюку турецкую, въ которой плыли семь человѣкъ турокъ; послѣдніе, увидѣвъ одну изъ своихъ галеръ, приблизились къ ней, спрашивая, нѣтъ-ли на пути христіанскихъ кораблей? Одинъ изъ русиновъ, выдавая себя за турецкаго начальника, отвѣтилъ имъ, что кораблей христіанскихъ въ морѣ нѣтъ, и ласково пригласилъ ихъ къ себѣ, предложивъ угощеніе. Но когда они взошли на галеру, то русины разразились громкимъ хохотомъ, турки-же съ крайнею грустью увидѣли себя неожиданно въ плѣну. Въ восьмой день плаванія поднялась страшная буря; она поломала 17 веселъ и раздробила руль галеры; вслѣдствіе этого бѣглецы должны были сократить путь, они пристали къ берегу въ гавани Мессинѣ, гдѣ и по

нынѣ находится упомянутая галера со всѣми взятыми на ней богатствами, которыя будутъ исчислены ниже.

Достойно замѣчанія то обстоятельство, что въ горячей схваткѣ съ турками убитъ былъ только одинъ русинъ и ранено до 20 человѣкъ; притомъ нѣсколько человѣкъ сидѣвшихъ въ той сторонѣ, гдѣ произошелъ взрывъ, получили обжоги.

Въ добычу освободившимся невольникамъ поступили плѣнники: 34 турка, 2 турчанки, 3 мальчика, два негра и 4 богатые купцы евреи, предложившіе 10,000 скудовъ (талеровъ) выкупа. Сама галера, принадлежавшая къ цареградской дивизіи флота, была лучшая и богатѣйшая во всемъ турецкомъ флотѣ; она вся была вызолочена, снабжена 15 прекрасными парусами различной величины, 8 большими канатами, 12 якорями, 7 большими пушками, 12 меньшими мѣдными. Кромѣ того на ней оказалось: 250 мушкетовъ, большой запасъ сабель, изъ которыхъ болѣе 20 были обдѣланы въ золото и серебро; два полные прибора лошадиной сбруи съ сѣдлами, позолоченные, отдѣланные серебромъ и украшенные жемчугомъ и дорогими каменьми въ прекрасной оправѣ; одна золотая булава, украшенная также дорогими камнями; 20 пурпурныхъ кафтановъ на соболяхъ, 20 одѣялъ изъ златоглава, 40 кинжаловъ съ серебряными рукоятками, украшенными драгоцѣнными камнями; цѣльный рогъ единорога [1])—предметъ весьма рѣдкій и цѣнный; 8,000 талеровъ, 600 венгерскихъ червонцевъ, обломковъ серебра вѣсомъ на 300 талеровъ; 60 мѣшковъ пшеницы и множество другой живности; 20 прекрасныхъ и богатыхъ знаменъ и множество богатаго и тонкаго бѣлья; по два полные мундирные костюма для 250 солдатъ; 15 прекрасныхъ ковровъ, каждый цѣною въ 150 скудовъ; 250 деревянныхъ брусовъ и 150 большихъ желѣзныхъ полосъ, предназначенныхъ для постройки новой галеры; множество свертковъ дамасской ткани и другихъ предметовъ торговли.

Въ приведенномъ разсказѣ нельзя не видѣть очень многихъ мѣстъ совершенно сходныхъ съ разсказомъ думы, и не будетъ кажется слишкомъ смѣлымъ предположить, что именно этотъ случай

[1]) Въ XVI и XVII столѣтіяхъ рогомъ воображаемаго звѣря единорога считали зубъ китообразнаго животнаго—нарвала (Monodon Monoceros).

и подалъ поводъ къ сложенію думы о Кошкѣ. Возвратившіеся изъ плѣна вмѣстѣ съ героемъ италіанскаго сказанія Симоновичемъ конечно разсказывали объ этомъ событіи; разсказъ переходилъ отъ однихъ къ другимъ, съ мѣста на мѣсто, быть можетъ отъ одного поколѣнія къ другому, личность и имя малоизвѣстнаго Симоновича забыты, а въ тоже время жила въ памяти народной личность героя Самуила Кошки, и ничего нѣтъ удивительнаго, если съ теченіемъ времени разсказъ о забытомъ Симоновичѣ пріуроченъ къ долго памятному Самуилу Кошкѣ, также бывшему въ плѣну, но умершему и погребенному на родинѣ. Въ общемъ фактъ остался тотъ-же, но дополненъ фантазіей, а, можетъ быть, и еще какими нибудь невѣдомыми намъ историческими случаями, бывшими съ другими лицами, и такимъ образомъ, до извѣстной степени пересоздался. Но, не смотря на такое пересозданіе, все-таки можно видѣть много такихъ рѣзкихъ особенностей въ думѣ, которыя сами напрашиваются на сопоставленіе съ разсказомъ брошюры. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Наиболѣе характерны въ данномъ случаѣ русинъ Микула, въ брошюрѣ, и Ляхъ-Бутурлакъ—въ думѣ. Микула оказывается какъ-бы русскимъ ренегатомъ, но такимъ, который, занимая мѣсто эконома на галерѣ и пользуясь довѣріемъ турокъ, остается втайнѣ вѣрнымъ христіанской религіи; онъ-то главнымъ образомъ, въ сообществѣ съ Сильвестромъ изъ Ливорно, другимъ ренегатомъ, даетъ возможность невольникамъ освободиться изъ плѣна. Въ думѣ о Самуилѣ Кошкѣ мы тоже видимъ ренегата въ лицѣ Ляха-Бутурлака; по варіанту, записанному Лукашевичемъ, онъ представляется *колеблющимся*, какъ справедливо замѣчаютъ издатели историческихъ пѣсенъ; онъ не помогаетъ освобожденію невольниковъ, и только когда уже фактъ совершился, становится помощникомъ ихъ въ дальнѣйшемъ путешествіи. Но такое изображеніе Ляха-Бутурлака могло быть результатомъ желанія неизвѣстнаго народнаго художника подвести личность его подъ обыкновенный типъ ренегатовъ, отличавшихся по большей части жестокостью, какимъ въ думѣ „Плачъ невольниковъ на турецкой каторгѣ“ представленъ „баша турецькій, бусурманській, недовірокъ христіянській“. Такимъ же путемъ пересозданъ въ одномъ изъ варіантовъ думы и сочувствовавшій невольникамъ Микула, сохранивъ однако и здѣсь черты *колеблющагося*; за

то въ другомъ варіантѣ той же думы, записанномъ Горленкомъ, и который по многимъ чертамъ мы считаемъ болѣе древнимъ, превращенный въ Ляха-Бутурлака Микула рисуется не колеблющимся, а прямо лицемѣрящимъ предъ турками; тутъ между Микулою и Ляхомъ-Бутурлакомъ полное сходство; послѣдній, какъ и первый, состоитъ также завѣдующимъ на галерѣ провизіей и является прямо сочувствующимъ невольникамъ, отдавая имъ ключи отъ оковъ и совѣтуя немедленно покончить съ турецкимъ пашей. Различіе въ ихъ названіяхъ только кажущееся: Микула могло быть собственнымъ и дѣйствительнымъ именемъ, а названіе Ляхъ-Бутурлакъ могло быть и приложено къ нему и замѣнять его, такъ какъ, очевидно, оно не личное историческое, а типическое, и, по справедливому толкованію г. Кулиша [1]), произошло вслѣдствіе передѣлки слова *потурнакъ*, стараго названія потурчившихся ренегатовъ.

Другимъ такимъ же сходнымъ мѣстомъ въ думѣ и брошюрѣ является разсказъ о томъ, какъ обмануты были турки, выѣхавшіе на встрѣчу галерѣ. Въ брошюрѣ мы видимъ, что при встрѣчѣ съ турецкой фелюкой, одинъ русинъ, выдавая себя за турецкаго начальника, пригласилъ турокъ на галеру, гдѣ они и очутились плѣнниками; въ думѣ, въ обоихъ варіантахъ, говорится о подобномъ-же обманѣ, при чемъ эту роль исполняетъ Ляхъ-Бутурлакъ, который

Самъ на чердакъ выступавъ,
Турецькимъ біленькимъ завиваломъ махавъ;
Разъ-то мовить по-грецьки,
У друге по-турецьки.

Что этотъ въ основѣ одинаковый фактъ явился въ частностяхъ разнящимся, объяснить не трудно народнымъ желаніемъ пересоздать нѣсколько самый фактъ по типу случавшихся фактовъ. Бѣгство изъ турецкой неволи сопровождалось частыми преслѣдованіями и препятствіями на пути со стороны турокъ: вотъ почему дума, по моему мнѣнію, измѣнила нѣсколько случай, разсказанный въ брошюрѣ, гдѣ рисуется случайная встрѣча съ турецкой фелюкой, и создала типическія подробности о томъ, какъ невольники, „минаючи турецькіи калавуры“—по Крюковскому, или проѣзжая мимо города

[1]). Кулишъ. Матеріалы, т. I, стр. 104.

Цареграда—по Лукашевичу, избавились, благодаря хитрости, отъ угрожавшей опасности.

Личность Анти-паши въ италіанскомъ разсказѣ и личность Алкана-паши въ думѣ (котораго варіантъ Крюковскаго не называетъ) очень легко могутъ быть сопоставлены, если принять во вниманіе естественное искаженіе имени. Что касается разсказа думы, который изображаетъ Алкана-пашу пирующимъ въ Козловѣ у „дівчины Санжаківны", т. е. у дочери козловскаго губернатора, то весьма возможно, что подобный фактъ былъ съ кѣмъ нибудь изъ пашей и только пріуроченъ къ данному случаю, а можетъ быть и просто дорисованъ фантазіей, чтобы объяснить причину оплошности турокъ. Типъ, подобный Санжакивнѣ, хотя и не изъ часто встрѣчавшихся, но по указаніямъ издателей историческихъ пѣсенъ вполнѣ возможенъ [1]). Нельзя не обратить вниманія и на то, что „дівка Санжаківна" пріурочена въ думѣ къ г. Козлову, а въ пѣснѣ объ Иванѣ Богуславцѣ рисуется очень свободно держащей себя „пані Кізлевская", т. е. жена важнаго сановника въ Козловѣ. Вѣроятно, былъ какой-нибудь подобный фактъ въ Козловѣ, и съ тѣхъ поръ козловскія мусульманки стали въ думахъ играть роль типическихъ самовольныхъ женщинъ.

Къ указаннымъ выше сходнымъ чертамъ нельзя не прибавить и еще одной—сходства въ описаніи галеры въ думѣ и брошюрѣ. Дума такъ описываетъ убранство галеры:

Выступала галера,
Трёма цвітами процвітана, малёвана.
Ой первымъ цвітомъ процвітана—
Златосиними киндяками побивана,
А другимъ цвітомъ процвітана—
Гарматами арештована,
Третимъ цвітомъ процвітана—
Турецькою білою ябою покровена.

Сверхъ того, въ концѣ думы разсказывается, что возвратившіеся на родину невольники производили дѣлежъ богатой добычи, захваченной на этой галерѣ. Однимъ словомъ, изъ думы ясно видно, что это была одна изъ самыхъ парадныхъ и богатыхъ галеръ ту-

[1]) Историч. пѣсни, т. I, стр. 226 и 244.

рецкихъ. Описаніе галеры въ упомянутой брошюрѣ только можетъ подтвердить предположеніе, что этотъ случай съ Симоновичемъ далъ главныя черты для разсказа въ думѣ. „Сама галера, говоритъ авторъ брошюры, принадлежавшая къ цареградской дивизіи флота, была лучшая и богатѣйшая во всемъ турецкомъ флотѣ; она была вся вызолочена, снабжена прекрасными парусами, 7 большими пушками и 12 меньшими мѣдными" и т. д. Конечно, описаніе галеры въ думѣ могло явиться просто какъ результатъ знакомства разсказчиковъ съ устройствомъ и убранствомъ галеръ нарадныхъ вообще, но если мы имѣемъ въ этомъ случаѣ еще одно прибавочное совпаденіе къ цѣлому ряду другихъ, то это только можетъ подкрѣпить мое основное предположеніе о томъ, какимъ путемъ произошла дума о Самуилѣ Кошкѣ.

И такъ, исходя изъ того положенія, что народно-эпическія произведенія въ основѣ своей непремѣнно должны имѣть дѣйствительный фактъ, можетъ быть только своеобразно понятый и переданный, и не находя въ исторіи всѣхъ тѣхъ данныхъ о Самуилѣ Кошкѣ, которыя отражаются въ думѣ, мы можемъ прійти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Плѣненіе Самуила Кошки турками—фактъ историческій, который, по всей вѣроятности, случился въ началѣ XVII в., около 1620 г., фактъ-же бѣгства его изъ неволи ничѣмъ не можетъ быть удостовѣренъ, и это ведетъ къ предположенію, что такого факта вовсе не было.

2) Въ народѣ ходили толки о плѣнѣ Самуила Кошки, которые, можетъ быть, облеклись даже въ пѣсенную формулу, впослѣдствіи совершенно утратившую свой первоначальный видъ.

3) Возвратившіеся вмѣстѣ съ Симоновичемъ изъ плѣна разсказывали о подробностяхъ своего освобожденія, при чемъ разсказы эти съ теченіемъ времени пріурочены къ народному герою Самуилу Кошкѣ, о которомъ существовалъ уже раньше рядъ сказаній.

4) Въ такомъ видѣ преданія эти, видоизмѣняясь и пополняясь новыми подробностями, то какъ обще-типическими пріемами пѣвцовъ, то какъ заимствованіями отъ другихъ фактовъ однородныхъ, распространились въ цѣлую думу, которая въ болѣе цѣльномъ видѣ записана была г. Лукашевичемъ въ 30-хъ годахъ, а въ обрывкахъ, свидѣтельствующихъ о существованіи и другихъ варіантовъ ея, сохранилась и донынѣ въ памяти народной, какъ удостовѣряетъ варіантъ записанный г. Горленкомъ. **В. Науменко.**

Бѣглые и крѣпостные въ Черноморіи.

Южно-русскія окраины по справедливости могутъ быть названы своего рода историческимъ притономъ для людей не мирившихся съ тяжелою экономическою долею и вольнолюбивыхъ. Тутъ, какъ извѣстно, образовалась Запорожская Сѣчь и донское войско, долго служившія потомъ мѣстами убѣжища для разнаго рода бѣглецовъ отъ панской неволи и гнетущихъ жизненныхъ условій. Такую-же роль игралъ отчасти и новороссійскій край. Херсонская губернія и теперь еще извѣстна у народа подъ именемъ „невінчанной губерніи“, т. е. губерніи населенной людьми вольнобрачными, вступавшими въ брачный союзъ безъ церковнаго обряда, за отсутствіемъ метрикъ и оффиціальныхъ указаній на личность, безъ чего, какъ извѣстно, попы не „вінчають“. Когда въ концѣ прошлаго столѣтія была образована Черноморія, сѣверо-западная часть нынѣшней кубанской области, то и въ этотъ, до сихъ поръ идеально желательный для южно-русскаго переселенца, уголокъ ушло не мало бѣглецовъ, искавшихъ здѣсь козацкой воли, свободныхъ земель и хозяйственнаго простора.

Притокъ въ Черноморію бѣглыхъ элементовъ начался одновременно съ заселеніемъ края. И это вполнѣ понятно. Черноморія оказалась наслѣдницею Запорожья, а Запорожье было роднымъ и законнымъ дѣтищемъ такихъ элементовъ. Бѣглые потянули, стало быть, въ Черноморію въ силу обычая, историческихъ прецедентовъ. Фактъ и обычай были на столько заразительны въ этомъ отношеніи, что, какъ увидимъ ниже, даже оффиціальные документы не могли освободиться отъ смягчающаго вліянія ихъ на вопросъ о бѣглецахъ. Да иначе и не могло быть. Сами соціальныя условія способствовали тому. То было время, когда грубая сила и произволъ пана-помѣщика

часто не имѣли никакихъ границъ и когда самымъ дѣйствительнымъ протестомъ противъ насилія служилъ именно побѣгъ. Такъ представители черноморскаго войска, оставленные въ Екатеринославлѣ въ качествѣ депутатовъ для защиты интересовъ переселенцевъ въ Черноморію, жаловались въ 1796 г. таврическому губернатору Жегулину, что „козаковъ изъ бывшихъ запорожцевъ многіе помѣщики отдаютъ въ рекруты, отрѣзываютъ чуприны, бьютъ безчеловѣчно, отправляютъ въ тюрьмы, не смотря ни на какія ихъ (козаковъ) доказательства", и что за одно съ помѣщиками дѣйствовали и земскія начальства. Изъ той-же жалобы видно, что помѣщикъ новомосковскаго уѣзда секундъ-маіоръ Куличенко просто убилъ козака каневскаго куреня Кирилла Башмаченка [1]). Если такимъ образомъ поступали съ вольными козаками, то что-же приходилось выносить подневольнымъ людямъ? Естественно, что побѣги были самымъ естественнымъ отвѣтомъ на все то, что ложилось на спину этого безправаго люда.

На первыхъ порахъ заселенія Черноморіи возникла довольно интересная переписка между войскомъ, съ одной стороны, и гражданскими властями екатеринославскаго намѣстничества, которому было подчинено черноморское войско, съ другой. Войсковая администрація жаловалась на то, что помѣщики не выпускали въ Черноморію людей, принадлежавшихъ войску; гражданскія власти требовали формальныхъ доказательствъ такой принадлежности, такъ какъ въ число переселенцевъ въ Черноморію попадали люди, непринадлежавшіе войску. Обѣ стороны были конечно правы по своему, но центръ тяжести, очевидно, лежалъ въ томъ обстоятельствѣ, что крѣпостные дѣйствительно бѣгали въ Черноморію. Этому отчасти способствовали и представители войска. Относительно войсковаго судьи Антона Головатаго извѣстно, что онъ выдавалъ за своею подписью, подъ вымышленными фамиліями, паспорты крѣпостнымъ людямъ для переселенія въ Черноморію [2]). Ему помогали въ этомъ отношеніи священникъ села Очеретовскаго, новомосковскаго уѣзда, Емельянъ Марковъ и мѣст. Новоселицы Романъ Порохня. Въ 1794 г. довѣренный генералъ-прокурора Самойлова Чер-

---

[1]) «Матеріалы для истор. колон. сѣв. Кавказа», Бентковскаго, стр. 23.

[2]) Тамъ-же, стр. 26—30.

нявскій жаловался таврическому губернатору на то, что хорунжій черноморскаго войска Семенъ Бурносъ, „пріѣхавши съ командою, ночью разставя вездѣ караулы, взялъ съ собою на Тамань изъ слободы Князь-Григорьевки (теперь въ днѣпровскомъ уѣздѣ, таврической губерніи) приписанныхъ къ той слободѣ въ подданство 26 семей и просилъ отыскать ихъ, а съ хорунжимъ Бурносомъ „поступить по законамъ" [1]). Но главная пружина, двигавшая крѣпостныхъ, лежала конечно не въ потворствѣ черноморскаго войска бѣглецамъ, а въ общихъ соціальныхъ условіяхъ того времени. Большинство крѣпостныхъ бѣгало по собственному желанію и почину, а Черноморія служила только однимъ изъ удобныхъ мѣстъ для такихъ побѣговъ. Такъ видимо смотрѣло на дѣло и само правительство, ограничиваясь общими постановленіями на этотъ счетъ.

Уже въ грамотѣ 1 іюля 1792 г. говорится, что, во время прохода на пожалованную землю, войско черноморское „да возбранитъ у себя пріемъ бѣглецовъ, подданныхъ россійскихъ, какъ тогда, такъ и впредь по самовольномъ оставленіи жилищъ своихъ къ оному являющихся" [2]). Если принять во вниманіе то соображеніе, что приведенныя слова грамоты служатъ отвѣтомъ на прошеніе войска о „совмѣстномъ поселеніи" тѣхъ изъ его членовъ, которые „неподлежаще присвоены помѣщиками въ подданство" и которыхъ могло-бы „собраться самаго мужскаго пола на двадцать пять тысячъ" [3]), то не трудно конечно понять, почему правительство внесло въ законодательный актъ такую общую оговорку о непріемѣ въ войско бѣглецовъ. Это была обычная дань времени въ виду извѣстныхъ обстоятельствъ. Впослѣдствіи и правительство, и войско не разъ прибѣгало къ этому мало успокоивавшему отводу глазъ отъ дѣйствительности. Такъ въ грамотѣ Александра I, данной 31 мая 1803 г., выражается надежда, что войско „не позволитъ себѣ принимать изъ внутри Россіи никакихъ людей, подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ, ибо подобные переходы противны общему порядку и благоустройству государства" [4]). Съ своей стороны, и войско не-

---

[1]) «Матеріалы для истор. колон. сѣв. Кавказа», Бентковскаго, стр. 30.

[2]) «Черноморцы», Короленко. Прилож. XXII, стр. 23.

[3]) Тамъ-же, прил. XVIII, стр. 22.

[4]) Тамъ-же, прил. 13, стр. 61 и 62.

однократно дѣлало постановленія въ томъ-же духѣ. Такъ, въ „Инструкціи черноморскаго правительства окружнымъ правленіямъ" 1794 г., въ пунктѣ 6-мъ говорится: „окружное правленіе бдѣніе имѣетъ, чтобы въ округѣ никто бѣглыхъ людей не принималъ, не держалъ и не укрывалъ" [1]). Отбирались даже подписки отъ куренныхъ обществъ о непріемѣ бѣглецовъ въ свою среду. Все, разумѣется, терпѣла бумага.

Но между такими, звучавшими вынужденнымъ формализмомъ, постановленіями и практикою всегда лежала значительная пропасть. Вотъ характерный фактъ въ этомъ отношеніи. 6 іюля 1793 г. войсковая администрація рапортомъ своимъ доносила таврическому губернатору, что въ Черноморіи „малороссійской породы люди, войску черноморскому не принадлежащіе, шатаяся нѣкоторые съ женами и дѣтьми тайнымъ образомъ на войсковой землѣ по непріему, украдаяся промежду войсковыми жителями, подъ видомъ польскихъ выходцевъ, скрываются". Хотя, поясняетъ рапортъ, войсковымъ старшинамъ и козакамъ и извѣстно, что такихъ шатающихся и прячущихся людей нельзя держать, но старшины и козаки такъ заняты „домостроительствомъ и хлѣбопашествомъ", что положительно не имѣютъ времени „пересматривать постороннихъ людей". Что-же касается присылаемыхъ въ войско сообщеній „съ именами, прозваніями и примѣтами" бѣглыхъ, то по этимъ указаніямъ нельзя отыскать людей, „бѣжавшихъ отъ разныхъ россійскихъ помѣщиковъ", потому что „таковые бѣглецы промежь войсковыми жителями скрываются перемѣною именъ и прозваній". Эти нехитрыя объясненія въ рапортѣ заключаются довольно ловкимъ предложеніемъ: „не можно-ли истцамъ для опознанія своихъ людей присылать повѣренныхъ съ письменными доказательствами" въ Черноморію? [2]).

Посылали-ли „истцы", т. е. помѣщики, своихъ довѣренныхъ въ Черноморію, не извѣстно, но послѣдующія оффиціальныя данныя указываютъ, что посылки эти могли сводиться ни къ чему въ практическомъ отношеніи. Черноморія дѣлала на столько гостепріимный пріемъ Иванамъ, непомнящимъ родства, что отыскать ихъ было

[1]) «Черноморцы», Короленко. Прил. XXVII, стр. 39.

[2]) Бентковскій, «Матеріалы» и пр., стр. 2.

трудно, а возвратить на родину еще труднѣе, чтобы не сказать невозможно. Да и какъ иначе могло относиться черноморское войско, когда въ основѣ и его возникновенія, и существованія Запорожской Сѣчи лежалъ постоянный притокъ бѣглецовъ? Въ сущности, когда Потемкинъ-Таврическій „препоручилъ Сидору Бѣлому и Антону Головатому собрать охотниковъ, и конныхъ и пѣшихъ, для лодокъ, изъ служившихъ въ бывшей Сѣчи Запорожской козаковъ“ [1]), или когда тотъ-же Потемкинъ-Таврическій дозволилъ Захарію Чепегѣ „набрать охотниковъ изъ свободныхъ людей“ [2]), давался широкій просторъ для пріема въ число охотниковъ бѣглыхъ людей. Кто не могъ въ то время быть запорожскимъ козакомъ и какой бѣглецъ былъ на столько глупъ, чтобы не выдать себя за свободнаго человѣка? Съ другой стороны, и тогдашніе всесильные помѣщики, населяя свои обширныя помѣстья въ новороссійскомъ краѣ, не клали охулки на руку и, умышленно не отличая своего отъ чужаго, всѣхъ старались зачислить къ себѣ въ подданство“. Недаромъ впослѣдствіи наказный атаманъ черноморскаго войска Т. Т. Котляревскій, въ своемъ докладѣ о нуждахъ войска императору Павлу, жаловался, что въ „новороссійской губерніи“ осталось много поженившихся козаковъ бывшаго Запорожья, именно: во Второмъ Кодакѣ, въ Голой Камянкѣ, Половицахъ, Новомъ Кодакѣ, Тарамскомъ, Сухачевкѣ, Карнауховкѣ, Третузномъ, Камянскомъ, Романковомъ, Жовтой, Зеленой, Петровкѣ, Куцовкѣ, Вельможей, Московкѣ, Богородичномъ, Камянкѣ, Сокольскомъ, Бригадировкѣ, Ревуловкѣ, Паньковкѣ, Шульговкѣ, Новосельцахъ, Петриковкѣ, Галушковкѣ, Сѣрковкѣ, Продановкѣ, Лизновой, Цеглянкѣ, Бабенковкѣ, Половецанахъ, Могилевкѣ, Бабайковой, Гуцаловкѣ, Котовкѣ, Козарщинѣ, Перещепиной, Барвинковомъ Степкѣ и Камышеватой, что, изъ числа живщихъ въ этихъ 42 селеніяхъ, „нѣкоторыя уже переселены въ другія той губерніи мѣста“ и что „сверхъ вышеписанныхъ селеній, по упраздненіи бывшей Сѣчи Запорожской, въ той-же губерніи поселены изъ запорожцевъ цѣлые города, селенія и помѣщичьи слободы“ [3]). Очевидно, что это была не пустая жалоба, какъ-бы тамъ она ни была преувеличена.

---

[1]) Короленко, прил. 1, стр. 1.
[2]) Тамъ-же, прил. 11, стр. 2.
[3]) Тамъ-же, прил. 5, стр. 53.

Однимъ словомъ, благодаря царившей въ то время путаницѣ въ вопросѣ о свободныхъ людяхъ, бѣглецахъ и бывшихъ запорожцахъ, на всякій спорный фактъ можно было смотрѣть и съ точки зрѣнія деспота-помѣщика, и съ точки зрѣнія войска-колонизатора. Каждая сторона считала себя правой, но на сторонѣ помѣщиковъ была грубая сила, а на сторонѣ войска симпатія народа. Понятно, на чью сторону должны были склониться въ концѣ концовъ вѣсы; понятно также, что и черноморское войско не могло ни индефферентно, ни тѣмъ болѣе съ отпоромъ отважиться „къ умноженію своихъ людей“ пріемомъ въ казачью среду разнаго рода бѣглецовъ.

Зная такой грѣхъ за черноморцами, само центральное правительство видимо сквозь пальцы смотрѣло на желанія войска увеличить свое народонаселеніе контрабанднымъ путемъ. Въ 1808 г. тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, въ докладѣ Александру I-му о необходимости переселенія въ Черноморію 25 тысячъ козаковъ изъ малороссійскихъ губерній, въ числѣ мотивовъ приводитъ между прочимъ то соображеніе, что переселеніе это могло бы парализовать приливъ въ Черноморію бѣглыхъ людей. По свидѣтельству этого министра, Черноморія ощущала сильную убыль въ людяхъ, благодаря непріязненнымъ отношеніямъ къ козачеству кавказскихъ горцевъ. Чтобы пополнить, поэтому, убыль въ населеніи, войско „принужденнымъ себя находило прибѣгать къ средствамъ, какія прежде были употребляемы, то есть, къ склоненію изъ разныхъ мѣстъ полуденнаго края Малороссіи людей всякаго званія къ побѣгу въ ихъ сословіе“ [1]). Такимъ образомъ, обычный по тому времени грѣхъ совращенія крѣпостныхъ въ особую вину войску министромъ не ставился—войско вынуждено было. Въ министерскихъ правилахъ о переселеніи было только постановлено не принимать къ поселенію „таковыхъ, кои не будутъ имѣть надлежащихъ для того отъ малороссійскаго генералъ-губернаторства свидѣтельствъ“, пересылая ихъ обратно чрезъ земскую полицію на прежнее мѣстожительство. „Мѣра сія, объясняется въ докладѣ, болѣе всего пріемлется на тотъ конецъ, чтобы, подъ предлогомъ дозволеннаго переселенія козакамъ, не могли воспользоваться симъ и помѣщичьи крестьяне и наипаче бѣглые разнаго рода люди“ [2]). Само собою

[1]) Бентковскій, «Матеріалы» и пр., стр. 60.

[2]) Тамъ-же, стр. 64 и 65.

понятно также, что „мѣра сія“ не удерживала ни бѣглыхъ отъ желанія уходить „въ козаки, въ Черноморію“, ни самихъ черноморцевъ отъ искушенія принимать въ свою среду бѣглецовъ. Когда въ 1820 г. правительствомъ вновь было рѣшено переселить 25 тысячъ душъ мужскаго пола изъ малороссійскихъ губерній, то одинъ изъ параграфовъ, заимствованныхъ изъ правилъ 1808 г., гласилъ о томъ, чтобы „войску не дозволять принимать другихъ поселянъ, кромѣ назначенныхъ въ спискахъ“ [1]). Видно, практика далеко не согласовалась съ писанными правилами и постановленіями.

Но черноморцы не ограничивались одною пассивною ролью въ дѣлѣ водворенія на вновь колонизуемой землѣ бѣглыхъ элементовъ. Какъ показываютъ отмѣченные выше факты относительно войсковаго судьи Антона Головатаго и хорунжаго Семена Бурноса, они сами являлись инціаторами въ этомъ дѣлѣ, не прочь были выдать при случаѣ фальшивый паспортъ или прибѣгнуть даже къ насилію. Этого мало. Когда черноморцы совсѣмъ переселились изъ-за Буга на новое мѣстожительство, то, все съ тою-же цѣлью привлеченія въ свою среду бѣглыхъ элементовъ, они завели даже на прежнихъ мѣстожительствахъ особыхъ агентовъ. Тотъ-же министръ Александра I, слова котораго мы привели выше, говоритъ между прочимъ объ этомъ: „съ изданіемъ указа, коимъ всѣ переходы поселянъ съ мѣста на мѣсто воспрещены, побѣги (крестьянъ) нѣкоторымъ образомъ прекратились, но со всѣмъ тѣмъ войско черноморское *посредствомъ своихъ повѣренныхъ* находило способы увлекать на землю свою людей тайно, что можетъ быть и донынѣ еще продолжается“; и оно, говорится далѣе, „по необходимости поступаетъ на сію непозволенность, какъ-то и дѣйствительно полагать должно“. Такимъ образомъ, черноморское войско не только принимало и укрывало бѣглецовъ, но и само завлекало ихъ чрезъ повѣренныхъ.

Если теперь отъ оффиціальныхъ документовъ мы перейдемъ къ области устнаго преданія и воспоминаній старожиловъ, то и здѣсь найдемъ не только подтвержденіе сказаннаго выше, но и нѣкоторыя разъясненія тѣхъ ближайшихъ причинъ, которыми обусловливалось и поддерживалось на мѣстѣ, въ Черноморіи, разсматривае-

[1]) Бентковскій, «Матеріалы» и пр., стр. 80.

мое явленіе. Черноморія прожила всего 90 лѣтъ, и вполнѣ естественно, что въ ней и теперь еще можно найдти не мало людей когда-то, по остроумному выраженію малороссовъ, „накивавшихъ пятами“ на родину и еще больше такихъ, у которыхъ были бѣглецами отцы и дѣды. По общему говору народныхъ преданій, Черноморія въ разное время приняла и усыновила, какъ родныхъ дѣтей, достаточное количество людей, уходившихъ „изъ подъ пановъ“ и „отъ неволи“. Въ прежнее время, разсказываютъ старожилы, когда, бывало, „прибѣжитъ кто-нибудь изъ Россіи“ и когда Господь Богъ поможетъ ему благополучно переправиться черезъ рѣку Ейску“, т. е. чрезъ р. Ею, служившую пограничною чертою Черноморіи со стороны Россіи, „то уже и бувъ свій чоловікъ“. Это, по разсказамъ, вошло даже въ обычай. Преслѣдовали бѣглеца только до р. Еи, и если онъ успѣвалъ перейдти эту рѣчку прежде, чѣмъ нагоняла его погоня, то преслѣдовавшіе сами прекращали свое дальнѣйшее преслѣдованіе, на виду бѣглеца, „побачивши, що вінъ уже на козачій земли“.

Разъ бѣглецъ попадалъ въ Черноморію, онъ или сразу же здѣсь становился козакомъ, или находился нѣкоторое время въ переходномъ положеніи, служа въ качествѣ рабочей силы на хуторахъ, зимовникахъ и въ особенности „въ заброді“, т. е. въ рыболовныхъ ватагахъ. Надо полагать, что первый способъ усыновленія бѣглецовъ практиковался черноморцами на первыхъ порахъ заселенія края, а второй—впослѣдствіи. Такъ или иначе, но, по народному преданію, въ былое время въ Черноморіи многіе козаки во всякомъ случаѣ „выростали изъ падалицы“ [1]); войско жало, не сѣявши, и всякіе бѣглецы считались не плевелами, а настоящею пшеницею. Мѣстная, ближайшая и самая побудительная причина такого порядка дѣлъ носила чисто экономическій характеръ. Черноморцы искони чувствовали настоятельную нужду въ рабочихъ рукахъ не только вслѣдствіе постоянной убыли въ мужскомъ населеніи, благодаря губительной войнѣ съ черкесами, но и по причинѣ безпрерывнаго отвлеченія рабочихъ силъ этою войною и пограничною службою. Дома жили почти исключительно одни казачки да мало пригодные для труда старики и негодные къ службѣ „граж-

[1]) Попка, «Черномор. козаки», стр. 185.

дане", т. е. лица, не могшія по физическимъ недостаткамъ выполнять военную службу. При такихъ условіяхъ всякій бѣглецъ цѣнился прежде всего, какъ рабочая сила. Если онъ былъ одинокъ, то шелъ въ забродъ, если же у него на прежней родинѣ оставалась семья, то въ такомъ случаѣ онъ „приставалъ" къ какому-нибудь хозяину-хуторянину, наживалъ здѣсь добро въ видѣ „худобы" и изыскивалъ средства къ тому, чтобы увезти въ темную ночь отъ помѣщика и семью. Замѣчательно, что изъ лицъ этого втораго рода, предпочитавшихъ заброду хуторское хозяйство, вышли впослѣдствіи богачи-хуторяне и даже паны. Черноморцы и въ настоящее время назовутъ вамъ еще такія фамиліи и разскажутъ, какъ такой-то за пару воловъ получилъ урядника, а такой-то за жеребца и нѣсколько кобылицъ—пана.

Недобрую память оставило по себѣ на этотъ счетъ панство. Въ бѣглыхъ оно видѣло прежде всего матеріалъ, годный для того, чтобы обзавестись на манеръ малороссійскихъ пановъ „подданствомъ". Уже въ своемъ знаменитомъ „Порядкѣ общественной пользы", письменномъ актѣ 1 января 1794 г., оно въ лицѣ войсковой старшины постановило, что „въ отмѣнное воздаяніе старшинамъ, яко вождямъ, наставникамъ и попечителямъ общихъ сего войска благъ, при своихъ хуторахъ сродственниковъ и вольножелающихъ людей поселить дозволяется и опредѣлить имъ землю по прилагаемой штатной росписи". Правда, оно тутъ же оговорило, что „старшины поселенныхъ въ своихъ хуторахъ людей да почитаютъ не подданными своими, а вольноживущими подъ ими козаками, и выходить онымъ изъ старшинскихъ хуторовъ на войсковыя земли, куда пожелаютъ, вольно, *кромѣ долговъ*, коими ежели кто будетъ обязанъ, *не имѣетъ воли* выйтить, дондеже долгъ хозяину возвратитъ" [1]). Послѣдствія показали, куда гнуло панство. Имѣя въ виду захватить часть войсковыхъ земель въ вѣчно-спокойное владѣніе", оно очевидно стремилось образовать изъ себя помѣстный классъ и обзавестись крѣпостными, какъ это велось на Дону. И дѣйствительно, изъ рескрипта Александра I на имя Ермолова видно, что въ 1820 г. генералъ Киселевъ доносилъ о томъ, „что нѣкоторые изъ чиновниковъ войска черноморскаго *учредили изъ земель онаго частныя владѣнія и по-*

[1]) Короленко, Прил. XXVII, стр. 36.

селили на оныхъ крестьянъ". „Предусматривая, говорится далѣе, что изъ сего произойдти могутъ стѣсненія козаковъ въ земляхъ ихъ и другія злоупотребленія, предположено: сіе, несообразное съ существованіемъ войска черноморскаго и по единому послабленію допущенное установленіе уничтожить, крестьянъ же на войсковыхъ земляхъ поселенныхъ, коихъ чиновники ими владѣющіе не пожелаютъ перевезти на земли, или въ имѣнія въ другихъ губерніяхъ имъ принадлежащія, обратить въ козаки, сдѣлавъ имъ надлежащее за нихъ удовлетвореніе". [1]) Тѣмъ не менѣе прошло со времени изданія этого рескрипта около 8 лѣтъ, а никто, и даже самъ рьяный Ермоловъ, не думалъ приводить его въ исполненіе. По собраннымъ, по распоряженію графа Паскевича, свѣдѣніямъ въ это время считалось по 7-й ревизіи 453 д. крѣпостныхъ, жившихъ у черноморскихъ пановъ въ качествѣ „дворовыхъ людей", какъ политично поясняется въ доставленныхъ Паскевичу свѣдѣніяхъ. Впослѣдствіи эти крѣпостные были наконецъ зачислены въ козаки.

Съ своей стороны и бѣглые были не такіе люди, чтобы, избавившись отъ помѣщичьей „пуги" (кнута), добровольно подпасть подъ козачій „малахай" (нагайку). Въ число бѣглыхъ всегда попадали самые крайніе протестанты и безъ нихъ, разумѣется, не могло обойдтись дѣло и на Черноморіи. Выше мы сказали уже, что часть бѣглецовъ уходила въ забродъ. Тутъ часто скрывались самыя отчаянныя головы. Здѣсь и жизнь сложилась особеннымъ образомъ: для бѣглыхъ всегда были готовые притоны, содержались лавочные товары, съѣстные продукты и устраивались кабаки [2]). Тутъ даже въ наше время имѣютъ обыкновеніе скрываться безпаспортные. И вотъ изъ этихъ-то бѣглыхъ збродчиковъ, разнаго рода табунщиковъ и др. темныхъ личностей, ютившихся въ темныхъ уголкахъ Черноморіи, въ свое время и составлялись шайки бурлаковъ, гайдамакъ, которыя жестоко мстили панамъ и богачамъ. Это былъ слабый отблескъ южно-русскаго гайдамачества, и въ народѣ такъ и называли обыкновенно эти шайки грабителей гайдамаками. Архивные документы вѣроятно въ свое время освѣтятъ, подъ чьими-нибудь умѣлыми руками, это любопытное явленіе, если только такіе

---

[1]) Бентковскій, «Матеріалы» и пр., стр. 91.

[2]) Ф. Щербина. «Очерки южно-русскихъ артелей», стр. 192 и 193.

документы „не покрутили на цыгарки“ писаря и сторожа или не продали „на пудъ лавушникамъ“ для завертыванья мыла и сальныхъ свѣчей своскорыстные „станичные правители“ [1]). Вотъ что говорило между прочимъ въ пятидесятыхъ годахъ самое компетентное изъ лицъ писавшихъ о черноморцахъ по поводу затронутаго явленія: „отъ времени до времени, на большихъ промежуткахъ, (здѣсь въ Черноморіи) вспыхнетъ застрявшая гдѣ нибудь въ глуши искра былого запорожскаго гайдамачества, и составится шайка разбойниковъ. Укрываясь въ камышахъ и захолустьяхъ степныхъ балокъ, они нападаютъ на безпечные хутора, пекутъ растопленною сѣрою денежныхъ людей, чтобы исторгнуть у нихъ завѣтную кубышку съ карбованцами, преслѣдуются вооруженною силою и гибнутъ на висилицѣ“ [2]). Изъ слышанныхъ нами разсказовъ о такихъ шайкахъ, какъ напр. о шайкѣ, ограбившей новоминскаго богача, Клеменчука, явствуетъ, что шайки эти отличались традиціонною гайдамаческою организаціею, имѣли ватажковъ, опредѣленные притоны и дѣйствовали въ теченіе довольно значительныхъ промежутковъ времени. Замѣчательно, что въ самыхъ народныхъ сказаніяхъ о пріобрѣвшихъ въ былыя времена громкую извѣстность разбойникахъ, какъ напр. въ сказаніи объ Яблуковѣ, очень явственно сквозитъ нотка „героической стихіи“. Это были, по устнымъ сказаніямъ, мстители за горе народное, отъ которыхъ круто приходилось „панамъ та дукачамъ“.

Въ архивахъ нѣкоторыхъ станичныхъ правленій сохранился очень интересный документъ, проливающій нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о бѣглыхъ въ Черноморіи и отчасти на ихъ гайдамаческія замашки. Это довольно объемистое дѣло, заключающее въ себѣ свѣденія о бѣглыхъ изъ ростовскаго уѣзда, екатеринославской губерніи. Нижеслѣдующія данныя взяты нами изъ экземпляра уцѣлѣвшаго въ архивѣ новодеревянковскаго станичнаго правленія.

Дѣлая въ 1837 г. распоряженіе о томъ, чтобы прекратить возможность побѣговъ „изъ опредѣленныхъ войсковой земли мѣстъ всякаго рода сомнительныхъ людей“ и пресѣчь бродяжничество,

---

[1]) Къ сожалѣнію, пишущему эти строки недавно приходилось не разъ убѣждаться въ такого рода фактахъ при обзорѣ архивовъ въ нѣкоторыхъ станицахъ.

[2]) Попка, «Черномор. козаки», стр. 70 и 71.

ейское сыскное начальство препроводило въ новодеревянковское куренное управленіе и подробнѣйшее дѣло о бѣглецахъ изъ екатеринославской губерніи, послужившихъ причиною самаго распоряженія. Изъ этого дѣла оказывается, что изъ имѣній помѣщиковъ Шабельскихъ, какъ жаловался объ этомъ ротмистръ Платонъ Шабельскій въ своемъ прошеніи на имя новороссійскаго генералъ-губернатора Воронцова, „съ нѣкотораго времени усилились побѣги крестьянъ, которые увлекаются ложными слухами, будто-бы крѣпость Анапа есть мѣсто, дарующее всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ, туда уходящимъ, вольность и свободу". Опираясь на эти слухи, крестьяне уходили въ Анапу, приписывались здѣсь и, взявши паспорты, проживали потомъ въ сосѣдней Черноморіи, изъ которой дѣлали набѣги на помѣщичьи селенія и подговаривали другихъ крестьянъ къ побѣгу. Такъ крестьянинъ села Шабельскаго Семенъ Семенченко, возвратившись изъ Анапы въ іюлѣ 1836 г., „выкралъ" изъ этого села двухъ своихъ сыновей, „а съ 13 на 14 октября, подговоривъ еще другихъ крестьянъ, отбился съ товарищами вооруженною рукою отъ преслѣдовавшихъ его крестьянъ отца его (Шабельскаго) при рѣчкѣ Еи и, будучи на борзѣхъ и сильныхъ скакунахъ, ушелъ съ товарищами и скрылся въ черноморскихъ степяхъ". Отсюда Семенченко подговаривалъ къ побѣгу еще 6 крестьянъ изъ той-же деревни и 12 изъ деревни Николаевки. Какъ показывалъ впослѣдствіи одинъ изъ бѣглыхъ, Семенченко соблазнялъ крестьянъ тѣмъ, что „яко-бы въ Анапѣ открыта вольница для всѣхъ бѣглыхъ крестьянъ, и что всякій крестьянинъ, явясь туда и записавшись въ Анапѣ, можетъ получить заочно билетъ на все свое семейство, съ которымъ (билетомъ) имѣетъ право слѣдовать для похищенія семейства изъ подъ владѣнія помѣщичьяго". Какъ видно изъ дѣла, Семенченко заварилъ, что называется, „крутую кашу", такъ что крестьяне, по словамъ Шабельскаго, стали уходить изъ имѣній его, жены его и отца „толпами въ Анапу и сопредѣльныя мѣста безъ всякой боязни".

Въ то же время, екатеринославскимъ гражданскимъ губернаторомъ, было поручено ростовскому земскому исправнику Маяковскому произвести слѣдствіе о побѣгахъ вообще въ этой мѣстности помѣщичьихъ крестьянъ. Маяковскій нашелъ, что „крестьяне, по учиненіи побѣговъ, собираются шайками и, наѣзжая на имѣнія за

оставшимися семействами и имуществомъ, вооружаются огнестрѣльнымъ оружіемъ, подъ защитою коего проводятъ цѣлые обозы и идутъ безъ всякаго препятствія чрезъ всю Черноморію за Кубань и въ Анапу". Основываясь на разслѣдованіяхъ Маяковскаго, мѣстный предводитель дворянства причину такого порядка дѣлъ находилъ въ „послабленіи" бѣглецамъ со стороны черноморскаго войска. Такъ онъ два раза просилъ войсковаго атамана генералъ-маіора Завадовскаго сдѣлать зависящія отъ него распоряженія о розысканіи его, предводителя, крестьянъ, бѣжавшихъ въ Черноморію, но „г. наказный атаманъ" по его прошеніямъ „не дѣйствовалъ". А между тѣмъ, благодаря такому бездѣйствію и послабленіямъ, помѣщики лишились 1759 крестьянъ, „изъ коихъ нѣкоторые прописаны въ Анапѣ, а нѣкоторые таскаются по Черноморіи". Бѣгали крестьяне отъ самаго предводителя, изъ имѣній гг. Шабельскихъ (отца, сына и его жены), помѣщика Сарондинаки и генеральши Гостемиловой.

Интересны показанія бѣглыхъ крестьянъ Хапенка и Давиденка, добровольно воротившихся на родину къ помѣщику Шабельскому. Описавъ подробно путь, по которому они бѣжали мимо Щербиновки, чрезъ Деревянковскую, Каневскую, Переяславскую, Брюховецкую, Джереліевскую, Полтавскую, Котелъ и на Темрюкъ, первый изъ нихъ характеризуетъ бѣглыхъ, проживавшихъ въ то время по рыболовнымъ мѣстамъ въ окрестностяхъ Темрюка, какъ людей, которые имѣютъ у себя оружіе—„ружья, пистолеты и пики", а второй присовокупляетъ о крестьянахъ Головковыхъ (они-же Семенченковы), что крестьяне эти „занимаются разбойничествомъ и ходятъ завсегда вооруженные, въ видѣ запорожцевъ". Головковы были настолько опасный народъ, что одинъ изъ бѣглыхъ долженъ былъ ихъ обмануть при побѣгѣ на родину, сказавши, что онъ отправляется въ Анапу для прописки; въ противномъ случаѣ они убили-бы его. Съ своей стороны и помѣщикъ Шабельскій послалъ въ Черноморію и въ Анапу своего довѣреннаго человѣка Винникова для розыска бѣжавшихъ. Винниковъ, побывавъ въ разныхъ мѣстахъ Черноморіи, дѣйствительно нашелъ многихъ крестьянъ своего помѣщика, жившихъ по паспортамъ изъ Анапы. Въ Анапѣ онъ заявлялся къ коменданту графу Цукато, но комендантъ ему сказалъ, что такъ какъ бѣглые крестьяне Шабельскаго приписаны

уже въ Анапѣ, „то возврату имъ изъ Анапы нѣту". Въ это время, по словамъ Винникова, въ Анапѣ было приписано „семьсотъ въ одинъ мѣсяцъ", какъ говорили ему объ этомъ бродяги, получавшіе паспорты для втораго бродяжничества по всей Черноморіи, и какъ убѣдился онъ по другимъ свѣдѣніямъ.

Такимъ образомъ офиціальныя данныя тридцатыхъ годовъ относительно бѣглыхъ въ Черноморіи ни мало не расходятся съ устными разсказами козаковъ на этотъ счетъ. Въ разныхъ мѣстахъ цитируемыхъ нами документовъ упоминается и о рыболовныхъ забродахъ, какъ о главныхъ притонахъ для бѣглыхъ, и о хуторахъ, гдѣ также скрывались бродяги, и о томъ, что бѣглые составляли шайки, занимались разбоями и ходили всегда вооруженными, „въ видѣ запорожцевъ". Въ дѣлѣ поименованы также нѣкоторыя лица, занимавшіяся пристанодержательствомъ. Такъ въ новодеревянковскомъ куренѣ передерживалъ бѣглыхъ козакъ Смагликовъ, въ старощербиновскомъ—Иванъ Супруненко, въ другихъ мѣстахъ—козакъ Гладкій, офицеръ Романъ Сербинъ (на Бейсугѣ), куренной атаманъ Романъ Коржевскій (около Темрюка), козакъ Дубина и друг. Побѣги видимо производились на виду у всѣхъ и ни для кого не составляли секрета въ Черноморіи. То обстоятельство, что комендантъ Анапы отказалъ повѣренному Шабельскихъ въ выдачѣ бѣглыхъ, даетъ понять, что крѣпостные не совсѣмъ ошибались на счетъ Анапы, какъ мѣста, которое даровало помѣщичьимъ крестьянамъ „вольность и свободу". Дѣло въ томъ, что, по проэкту тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ графа Блудова, дѣйствительно было разрѣшено принимать бѣглыхъ въ Анапѣ и другихъ „закубанскихъ владѣніяхъ", но положеніе объ этомъ не велѣно было „публиковать" во избѣжаніе соблазна и смутъ среди помѣщичьихъ крестьянъ. Оно, это положеніе, очевидно не составляло тайны и для крѣпостныхъ крестьянъ.

Впослѣдствіи въ Черноморіи также имѣли мѣсто факты въ родѣ отмѣченнаго. Такъ въ 1848 г., при населеніи города Ейска, бродяги заняли въ немъ не послѣднее мѣсто на ряду съ другими поселенцами. Многіе изъ прежнихъ Ивановъ, не помнящихъ родства, и теперь еще здравствуютъ и состоятъ въ числѣ почтенныхъ представителей этого своеобразнаго города. Въ свое время были сдѣланы также распоряженія о томъ, чтобы нѣкоторыя станичныя

общества зачислили въ свою среду бродягъ и безпаспортныхъ, жившихъ до того большею частію въ рыболовныхъ мѣстахъ. Такъ изъ приговора ст. Бриньковской за 1879 г. видно, что въ 1858 г. было зачислено въ эту станицу 45 семействъ крѣпостныхъ, „освобожденныхъ отъ г.г. чиновниковъ“ черноморскаго войска, и что съ 1865 по 1872 г. разновременно зачислено, „по распоряженію войсковаго правительства, 10 семействъ безпаспортныхъ людей, скрывавшихся по рыболовнымъ заводамъ“. Общество станицы Новонижнестеблієвской приговоромъ 1874 г. просило начальство о томъ, чтобы это послѣднее надѣлило землею тѣхъ изъ бывшихъ бродягъ и безпаспортныхъ, которые были приняты въ станицы послѣ 1865 г., по распоряженію войсковой администраціи. Въ приговорѣ общества ст. Ивановской за 1871 г. упоминается, что въ эту станицу велѣно было зачислить 25 семействъ безписьменновидныхъ; а приговоромъ 1872 г. тоже общество просило администрацію о томъ, чтобы она причислила двухъ бродягъ, приписанныхъ въ Ивановской станицѣ къ другимъ обществамъ, располагающимъ бо́льшимъ земельнымъ надѣломъ. О зачисленіи бродягъ въ ст. Ахтанизовской видно изъ приговора за 1881 г. Жители ст. Курчанской просили въ 1872 г. о дополнительномъ надѣлѣ земли на 147 душъ бродягъ и безпаспортныхъ, зачисленныхъ въ ихъ общество.

Такъ-то медленно и постепенно угасаютъ чуть не на нашихъ глазахъ тѣ явленія, которыя играли такую видную роль въ прошлой соціальной жизни южнорусскаго населенія. Еще и теперь едва ли не въ любой черноморской станицѣ вы встрѣтите какого-нибудь Явтуха или Окатаго Омелька, которые когда-то давнымъ давно зашли изъ Россіи въ Черноморію и, проживъ здѣсь десятки лѣтъ, совсѣмъ забыли и о своей прежней родинѣ, и о паспортахъ; они такъ сжились съ козаками, что сама полиція не тревожитъ ихъ, да и грѣхъ было бы безпокоить этихъ бездомныхъ людей. Это послѣдніе могикане изъ тѣхъ когда-то бродившихъ и неспокойныхъ элементовъ, которые занесены сюда общимъ потокомъ вмѣстѣ съ бѣглыми и бродягами. Но мѣняются времена, мѣняются и обстоятельства. 1861 годъ безповоротно разрѣшилъ вопросъ о бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянахъ. Съ этого времени побѣги оказались излишни. И вотъ, почуявъ свободу, не сдерживаемые больше помѣщичьей опекой, крестьяне дали волю своимъ завѣтнымъ желаніямъ, двинув-

шись въ Черноморію толпами въ качествѣ вольныхъ переселенцевъ и увлекая за собою и другихъ. Результаты получились необычайные, хотя и печальные, въ смыслѣ формулированія класса безземельныхъ арендаторовъ. Въ послѣдніе десять-пятнадцать лѣтъ переселенцы эти дали крупную цифру въ 250.000 душъ обоего пола, т. е. цѣлыхъ 25% мѣстнаго кореннаго населенія. И что же даже теперь оказывается?—Пришла часть переселенцевъ въ ст. Небержаевскую, поселилась на чужихъ земляхъ, сказала: „это наше; не станемъ платить ренды“ (аренды)—и не платитъ, не смотря на всѣ усилія станичныхъ властей. Заняла другая часть переселенцевъ войсковыя земли, арендуемыя мѣстными коневодчиками на Среднихъ Челбасахъ, и по той-же логикѣ отказалась платить аренду коневодчикамъ и уходить съ войсковыхъ земель, не смотря уже въ этомъ случаѣ на вооруженное даже вмѣшательство властей. Отыскала третья часть переселенцевъ пустующія владѣльческія земли за Кубанью — и водворилась на нихъ, какъ дома, считая ихъ Божьими землями, а себя ея ближайшими хозяевами... Видно, въ южно-русской массѣ сильны еще традиціи былаго, видно, по народнымъ воззрѣніямъ, Черноморія искони сулила разнаго рода бѣглецамъ и переселенцамъ не только одну юридическую „вольность и свободу“, но и вольныя, доступныя для труженика земли! Магическое помѣщичьихъ крестьянъ „на Черноморію за волей“ переродилось для теперешнихъ переселенцевъ въ назойливое „на Кубань за землей“.

Ф. Щербина.

Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія харьковской губерніи.

(Матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи).

(Окончаніе)*).

12) Спеціальный законъ о старозаимочныхъ земляхъ.

Спустя годъ послѣ окончанія кадастра, наше законодательство обратило наконецъ спеціальное вниманіе на староизаимочныя земли. Законодательная разработка этого вопроса съ 1854 г. возбуждаема была нѣсколько разъ, длилась въ продолженіи одинадцати лѣтъ и позднѣйшее слово закона по этому вопросу было сказано только въ 1865 году. Начало этихъ законодательныхъ работъ было вызвано однимъ частнымъ дѣломъ по харьковской или воронежской губерніи, причемъ государственный совѣтъ нашелъ, что войсковые обыватели пользовались старозаимочными землями, какъ своею собственностію. Еще раньше, именно въ 1838 году, на разрѣшеніе сената восходилъ вопросъ о земляхъ сего рода, находящихся въ чертѣ г. Харькова; сенатъ также призналъ, что „обыватели этого города землями, принадлежащими имъ по старымъ заимкамъ и крѣпостямъ, могутъ располагать какъ своей собственностью", направленіе сенатской судебной практики по этому вопросу, задолго предупредившее законодательное разрѣшеніе этого вопроса, относясь къ отдѣльнымъ и, быть можетъ, весьма скромнымъ по цѣнности гражданскимъ дѣламъ, не имѣло, какъ видно, никакого вліянія на административную практику, такъ энергично принявшуюся за превращеніе старозаимочныхъ земель въ казенныя и общинныя почти съ самаго

*) См. «Кіев. Ст.» на 1882 г., м. ноябрь и декабрь, и на 1883 г., генв. и мартъ.

начала текущаго столѣтія. Нельзя не цѣнить той правильной постановки этого дѣла, какая впервые дана ему государственнымъ совѣтомъ. „Принявъ во вниманіе, говорится въ мнѣніи его 21 февр. 1865 г., особенную важность сего дѣла, касающагося правъ многочисленнаго сословія войсковыхъ обывателей, и ту осторожность, съ которою должно вообще прикасаться къ древнимъ правамъ владѣнія, государственный совѣтъ, не приступая къ разрѣшенію вопроса о старозаимочныхъ земляхъ, высочайше утвержденнымъ 6 декабря 1854 г. мнѣніемъ предоставилъ II отдѣленію собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи права на упомянутыя земли, какъ войсковыхъ обывателей, такъ и лицъ вышедшихъ изъ этого сословія, сообразить предварительно съ историческимъ ихъ происхожденіемъ и съ постановленіями правительства, въ разное время по сему предмету изданными, и за тѣмъ, снесясь съ министерствами государственныхъ имуществъ и юстиціи, представить свое мнѣніе". Собранныя II отдѣленіемъ свѣдѣнія обнаружили, что „войсковые обыватели, изъ которыхъ образовались бывшіе слободскіе полки (въ дѣйствительности было наоборотъ: козаки слободскихъ полковъ были переименованы въ войсковыхъ обывателей), заселивъ пограничную Украйну по вызовамъ правительства и по собственному желанію, занимали тамъ земли и пользовались ими не на помѣстномъ правѣ, а на правѣ полной частной собственности, сохраняли это право по выходѣ въ иное званіе, могли оставлять старыя заимки и переходить на новыя свободныя земли, вольны были продавать своей же братьѣ, украинскимъ служилымъ людямъ и постороннимъ, могли закладывать, отдавать въ приданое дочерямъ, завѣщать и пр., и такія ихъ права въ теченіи 150 лѣтъ неоднократно были признаваемы правительствомъ".

На основаніи этой оффиціальной разработки вопроса состоялось уже 30 марта 1859 г. новое высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, который принялъ заключеніе министра государстванныхъ имуществъ (вошедшее послѣ въ примѣчаніе къ 861 ст. IX т. зак. о сост. и къ 783 ст. X т. ч. 1 по прод. 1863 г.), состоявшее въ томъ, что „войсковые обыватели могутъ отчуждать, кому они пожелаютъ, только тѣ старозаимочныя земли, которыя пріобрѣтены покупкою до 30 марта 1859 г." Такая странная редакція закона заключала въ себѣ уже новыя готовыя недоразумѣ-

нія, ибо, во 1-хъ, въ ней говорилось о земляхъ пріобрѣтенныхъ только покупкой и ничего не упоминалось о массѣ старозаимочныхъ земель, которая съ незапамятныхъ временъ переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе по наслѣдству; а, во 2-хъ, неизвѣстно почему право отчужденія старозаимочныхъ земель признано только за землями купленными до 1859 г. Поэтому вполнѣ естественно, что изложенное выше мнѣніе государственнаго совѣта возбудило на практикѣ недоразумѣніе, давшее поводъ ко вторичному пересмотру сего дѣла, при которомъ II отдѣленіе, между прочимъ, объявило: „во 1-хъ, что старозаимочныя земли всегда состояли во владѣніи войсковыхъ обывателей на правѣ не помѣстной, а полной частной собственности, и во 2-хъ, что войсковымъ обывателямъ харьковской губерніи слѣдовало-бы предоставить лично и въ составѣ обществъ право отчуждать не только войсковымъ-же обывателямъ, но всякаго званія лицамъ старозаимочныя земли, перешедшія къ нимъ по наслѣдству отъ предковъ и составляющія ихъ собственность, какъ скоро эти земли принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не даны лишь въ пользованіе отъ казны". Государственный совѣтъ призналъ такое заключеніе правильнымъ и на семъ основаніи высочайше утвержденнымъ 24 февраля 1864 г. мнѣніемъ онаго, въ замѣну закона 30 марта 1859 г., постановилъ: „всѣ вообще старозаимочныя земли войсковыхъ обывателей харьковской губерніи, коль скоро они принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не даны имъ лишь въ пользованіе отъ казны, дозволяется симъ обывателямъ отчуждать лично и въ составѣ обществъ людямъ всякаго званія. Въ случаѣ-же неимѣнія у кого либо законнаго документа о полной принадлежности ему таковой земли въ собственность, для совершенія акта о ея отчужденіи требуется представленіе удостовѣренія харьковской палаты государственныхъ имуществъ о томъ, что отчуждаемая земля не принадлежитъ къ разряду казенныхъ".

Послѣ краткаго историческаго обзора прежнихъ законодательныхъ мѣръ по этому вопросу, цитируемое нами послѣднее мнѣніе государственнаго совѣта (1865 г.) говоритъ, что его мнѣнія 1859 и 1864 годовъ „вовсе не установляли закона новаго, а только изъясняли и подтверждали смыслъ прежняго закона" (какого—неизвѣстно), и поэтому въ послѣднемъ своемъ мнѣніи 1865 г. государственный совѣтъ призналъ, что сила законоположеній 1859 и

1864 годовъ „должна обнимать вполнѣ старозаимочныя земли не только въ харьковской губерніи, которыя собственно при этихъ мнѣніяхъ имѣлись въ виду, но даже и въ воронежской губерніи и во всѣхъ прочихъ губерніяхъ, гдѣ-бы таковыя земли могли оказаться“, а потому „всѣ вообще старозаимочныя земли войсковыхъ обывателей, коль скоро они принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не даны имъ лишь въ пользованіе отъ казны (?), дозволяется симъ обывателямъ отчуждать лично и въ составѣ обществъ людямъ всякаго званія. Въ случаѣ-же неимѣнія у кого либо законнаго документа о полной принадлежности ему той земли въ собственность, для совершенія акта о ея отчужденіи требуется представленіе удостовѣренія палаты государственныхъ имуществъ въ томъ, что отчуждаемая земля не принадлежитъ къ разряду казенныхъ; во 2-хъ, предоставить правительствующему сенату пояснить, что сила настоящаго постановленія распространяется и на всѣ возникшія до обнародованія онаго дѣла о старозаимочныхъ земляхъ, а потому судебныя мѣста должны пріостановить теперь-же производство всѣхъ таковыхъ дѣлъ, препроводить оныя въ подлежащія палаты государственныхъ имуществъ, съ тѣмъ, чтобы сіи послѣднія по надлежащемъ удостовѣреніи въ томъ, что означенныя земли не принадлежатъ къ разряду казенныхъ, сдѣлали отъ себя распоряженіе объ окончательномъ прекращеніи всѣхъ дѣлъ сего рода“. Таково было послѣднее слово спеціальнаго закона о старозаимочныхъ земляхъ.

Что-же положительнаго внесъ этотъ послѣдній законъ въ сферу старозаимочнаго крестьянскаго землевладѣнія, уже почти до основанія потрясеннаго цѣлою массою болѣе или менѣе извѣстныхъ намъ „реформъ“ и „улучшеній быта“?

Прежде всего скажемъ, что столь важный по своему предмету законъ явился слишкомъ поздно; ошибочныя или произвольныя административныя мѣропріятія, тянувшіяся болѣе столѣтія, уже сдѣлали свое дѣло, превративъ почти повсюду исконное личное землевладѣніе въ общинное и лишивъ массы населенія и цѣлыя ихъ поколѣнія достоянія ихъ предковъ, обращеніемъ ихъ личной собственности въ собственность казны. Не только впрочемъ по этой, но и по другимъ причинамъ, этотъ крайне важный законодательный актъ остался безъ всякихъ послѣдствій, если не считать дан-

ной имъ юридической основы для нѣсколькихъ исковъ къ казнѣ изъ-за старозаимочныхъ земель, и оставилъ по себѣ такія-же почти недоразумѣнія, какъ и мѣропріятія предшествовавшія. Въ самомъ дѣлѣ, что гласитъ начальныя строки этого закона? „Всѣ вообще старозаимочныя земли войсковыхъ обывателей, коль скоро они принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не даны имъ лишь въ пользованіе отъ казны, дозволяется отчуждать" и т. д. Тутъ недоумѣніе въ первыхъ-же строкахъ: старозаимочныя земли, какъ показываетъ самая этимологія слова,—это именно тѣ земли, которыя занимались вольной заимкой и потому никоимъ образомъ уже не могли даваться „лишь въ пользованіе отъ казны"; въ виду этого простаго соображенія не легко понять истинный смыслъ этой послѣдней оговорки, если только не видѣть въ ней простой уступки въ пользу будущихъ административныхъ благоусмотрѣній, въ томъ или другомъ частномъ случаѣ.

Далѣе въ томъ-же законѣ говорится, что въ случаѣ отсутствія документовъ на старозаимочныя земли (а это отсутствіе было почти повсемѣстное) владѣльцы этихъ земель, для осуществленія своего права собственности, должны были получать „удостовѣренія" палаты государственныхъ имуществъ „въ томъ, что отчуждаемая земля не принадлежитъ къ разряду казенныхъ", т. е., говоря иначе, владѣльцы этихъ земель отсылались за признаніемъ своихъ правъ къ тому вѣдомству, которое само, по меньшей мѣрѣ, не имѣло основательныхъ свѣдѣній по этому предмету, поэтому сперва вызывало многочисленныя дѣла „о розысканіяхъ казенныхъ земель", а впослѣдствіи подвергло кадастру всю харьковскую губернію, примѣненіе-же кадастра прямо показывало, что администрація не признавала за старозаимочными землями частной собственности, смѣшивала ихъ съ казенно-общественнымъ землевладѣніемъ однодворцевъ и другихъ государственныхъ крестьянъ и всегда видѣла во всякомъ крестьянскомъ владѣніи одну только казенную землю.

Практическая безслѣдность закона 1865 года могла обусловливаться и современнымъ ему нравственнымъ состояніемъ крестьянскаго населенія изъ бывшихъ войсковыхъ обывателей: къ этому времени оно уже значительно утеряло идею права на свои земли, права, которое всегда неразлучно съ возможностію его защиты; населеніе это путемъ длинныхъ пертурбацій могло убѣдиться

въ существенномъ значеніи только идеи милости начальства, которое вольно карать и миловать, а на этой ступени развитія, или, правильнѣе говоря, нравственнаго приниженія, идея права не имѣетъ для себя никакой подходящей почвы. Самое введеніе кадастра въ харьковской губерніи, занесшее почти всю массу старозаимочныхъ земель въ разрядъ казенныхъ, и на этомъ основаніи значительно измѣнившее самую систему податей, представляло слишкомъ серьезную преграду для полнаго и откровеннаго примѣненія къ жизни закона 21 февраля 1865 года. Безпрепятственное признаніе за старозаимочными землями правъ частной собственности и поэтому значительное измѣненіе цифры поземельныхъ налоговъ измѣнило-бы установленныя при введеніи кадастра строго опредѣленныя цифры налоговъ всей губерніи. Наконецъ вполнѣ справедливое отношеніе къ этому вопросу со стороны спеціальной администраціи осложнилось еще введеніемъ въ кадастръ такъ называемыхъ сомнительныхъ земель, т. е. такихъ, которыя впослѣдствіи могли-бы оказаться частной собственностію крестьянъ: съ этихъ земель подати также поступали, собираемымъ деньгамъ велись особые счеты, а образующіяся отъ сего суммы отсылались въ кредитныя установленія съ тѣмъ, „дабы, по мѣрѣ разбора дѣлъ, обращать сіи деньги или въ пользу владѣльцевъ земель, если они присуждены будутъ въ крѣпостную собственность, или-же въ пользу казны, если земля будетъ признана казенною". Понятно, что возвратъ въ частное владѣніе неправильно окадастрованныхъ земель, который неизбѣжно вынуждалъ измѣненіе въ переустановленныхъ цифрахъ поземельнаго налога по всей губерніи, а также возвратъ крестьянамъ условно собранныхъ съ нихъ суммъ, не могли иначе послѣдовать, какъ только путемъ судебныхъ процессовъ. Но вѣдомство государственныхъ имуществъ не брало на себя почина въ вызовѣ судебной оцѣнки такъ называемыхъ сомнительныхъ земель; а сами крестьяне лично и въ составѣ обществъ также не могли съ особой надеждой обращаться по этимъ вопросамъ въ прежнія судебныя мѣста, уже и потому, что сами они находились въ попечительномъ распоряженіи того же вѣдомства государственныхъ имуществъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ законъ 1865 г. остался, можно сказать, мертвымъ, безо всякихъ замѣтныхъ практическихъ послѣд-

ствій и могъ служить формальнымъ основаніемъ развѣ только для отдѣльныхъ случаевъ въ позднѣйшей судебно-гражданской практикѣ по дѣламъ крестьянскаго старозаимочнаго владѣнія, при чемъ свое исконное добро крестьяне должны были возвращать себѣ всею тягостію трудныхъ гражданскихъ процессовъ. Понятно, почему о такихъ процессахъ, можетъ быть за весьма ничтожнымъ исключеніемъ, почти до самаго послѣдняго времени не было даже и слышно: старозаимочныя земли по прежнему спокойно оставались за казной, а собиравшіяся съ уцѣлѣвшихъ у крестьянъ харьковской губерніи старозаимочныхъ земель поземельныя подати, установленныя простымъ административнымъ распоряженіемъ, спокойно оставались въ кассѣ спеціальныхъ средствъ министерства государственныхъ имуществъ.

Въ заключеніе скажемъ, что если мнѣніе государственнаго совѣта совершенно игнорировало кадастровую инструкцію, то за то и кадастровая инструкція въ свою очередь игнорировала законъ, ибо до сихъ поръ, не смотря на давнее введеніе владѣнныхъ записей, внутреннее положеніе и судьба крестьянскаго землевладѣнія въ старозаимочныхъ дачахъ осталась обусловленной и регламентированной именно различными параграфами кадастровой инструкціи, главнымъ образомъ относительно внутренней раскладки и способа взысканія поземельныхъ налоговъ.

---

13) Нѣкоторыя особенности бывшаго строя южно-русскаго землевладѣнія.

Полное изученіе отличительныхъ свойствъ и внутренней организаціи старозаимочныхъ дачъ и земель харьковской губерніи не возможно безъ параллельнаго изученія особенностей и порядковъ землевладѣнія въ бывшей гетманщинѣ, т. е. нынѣшнихъ полтавской и черниговской губерніяхъ; но какъ тотъ, такъ и другой предметъ остаются у насъ въ полномъ забвеніи. Намъ, южанамъ, позволительно даже удивляться, какъ много было говорено и писано объ общинномъ владѣніи въ Россіи, порой даже при нашемъ горячемъ либеральномъ участіи, и какъ мало намъ вѣдома судьба и организація мелкаго поземельнаго владѣнія въ нашихъ южныхъ губерніяхъ. Большинство мыслящихъ людей юга предвзято увлеклось

принципомъ общинности въ аграрномъ устройствѣ, безъ знанія исторіи происхожденія и реальнаго положенія этихъ общинъ великорусскихъ губерній; точно также это большинство a priori предубѣдилось противъ начала индивидуальности въ крестьянскомъ и козачьемъ поземельномъ владѣніи юга, мало обращая вниманія на то, что въ дѣйствительной жизни явленія бываютъ нерѣдко гораздо сложнѣе, заключаютъ въ себѣ такіе разнородные элементы, что сущность ихъ трудно исчерпать какимъ нибудь абстрактнымъ началомъ. Не касаясь вопроса, на сколько великорусская община въ существѣ своемъ вызвана и обусловлена началомъ взаимной заботы всѣхъ за каждаго и каждаго за всѣхъ, мы позволимъ себѣ сказать, что и индивидуализмъ южнаго землевладѣнія не былъ выраженіемъ односторонняго, анти-соціальнаго личнаго эгоизма. Религія была всепроницающимъ началомъ въ жизни южно-русскаго народа: она была для него закономъ нравственнымъ и политическимъ, опредѣляла его ежедневный бытъ, все его житейское міровоззрѣніе; отсюда то огромное число различныхъ религіозно-благотворительныхъ учрежденій, которыми на пространствѣ цѣлыхъ вѣковъ покрыта была вся территорія южной Руси, каковы церковныя братства, встрѣчающіяся и теперь въ малорусскихъ поселеніяхъ харьковской губерніи. Они имѣли свои подраздѣленія по возрастамъ, поламъ и даже профессіямъ и давали жизнь цѣлому ряду другихъ учрежденій, какъ школы, богадѣльни, больницы, типографіи и дворы „братерскіе". Не говоримъ о церкви и ея причтѣ, которые всегда и вездѣ составляли предметъ общественнаго попеченія. Все это высшія формы соціальнаго общенія въ народной жизни, тѣмъ болѣе примѣчательныя, что въ нихъ объединялись лица всѣхъ классовъ и общественныхъ положеній, и одно ихъ существованіе способно удостовѣрить каждаго, что въ южнорусскомъ народѣ, не смотря на сильное развитіе личнаго права, высоко было сознаніе нуждъ общественныхъ, и оно примѣчалось не только въ сферѣ высшихъ интересовъ, но и въ кругѣ такихъ дѣйствій, изъ которыхъ слагается и которыми поддерживается обыкновенная жизнь, и даже въ той спеціальной области землевладѣнія, разъясненію которой посвященъ нашъ настоящій трудъ. Лучшимъ доказательствомъ сего можетъ служить существованіе въ поселеніяхъ какъ гетманщины, такъ равно и Слобожанщины, на ряду съ личнымъ участково-наслѣдственнымъ зем-

левладѣніемъ, земель общественныхъ, бывшихъ предметомъ пользованія всѣхъ и каждаго. При прежнемъ обиліи земель, какъ это было въ особенности при заселеніи Слобожанщины, изъ огромной заимки, сдѣланной группою поселенцевъ, за удовлетвореніемъ земельно-хозяйственныхъ нуждъ каждаго изъ ея членовъ, оставались иногда обширныя пространства, которыя и становились потому общественнымъ достояніемъ, находившимся въ распоряженіи всей поселившейся общины. Изъ этихъ общественныхъ земель, кромѣ пользованія ими по общему согласію и распредѣленію, выдѣлялись участки для церквей и состоящихъ при нихъ членовъ причта, равно религіозно-благотворительныхъ учрежденій, переходившіе нерѣдко во всегдашнюю собственность тѣхъ и другихъ. Эти-то общественныя земли, существовавшія на ряду съ личными наслѣдственными и получавшія то или другое назначеніе, въ общемъ составѣ и въ отдѣльныхъ частяхъ, не иначе, какъ по общему укладу и распредѣленію, и вводятъ, кажется, въ заблужденіе нашихъ общинниковъ; не умѣя справиться съ попадающимися имъ фактами общественнаго пользованія землею, на основаніи невѣрно понятыхъ частныхъ случаевъ такого рода, они силятся подорвать столь очевидный и цѣлымъ рядомъ офиціальныхъ данныхъ удостовѣряемый фактъ личнаго участково-наслѣдственнаго нашего землевладѣнія. Указанія на существованіе земель общественныхъ и общинное ими пользованіе можно находить во множествѣ актовъ прежняго времени, относящихся къ различнымъ пунктамъ южно-русской территоріи. Намъ нѣтъ надобности приводить ихъ; это дѣлаютъ и сдѣлаютъ за насъ наши противники, мы-же ограничимся указаніемъ здѣсь, какъ на обще-извѣстное явленіе въ минувшей жизни южно-русскаго народа, на такъ называемыя „малороссійскія вольницы". Теперь они представляютъ, скажемъ словами автора одной статьи о нихъ [1]), „жалкіе остатки нѣкогда обширныхъ недвижимыхъ имуществъ, составлявшихъ собственность городскихъ и сельскихъ корпорацій старой Малороссіи". По мнѣнію этого автора, „малороссійскія вольницы составляютъ категорію земель, совершенно соотвѣтствующую англійскимъ open fields"... Онъ приводитъ въ примѣръ одно село, гдѣ эта вольница является общиннымъ

---

[1]) «Новое Время» на 1880 г., № 1452, ст. «Малорусскія вольницы».

имуществомъ не однихъ только крестьянъ, но также и всѣхъ другихъ живущихъ здѣсь сословій, и затѣмъ продолжаетъ: „почти каждое старинное малороссійское село имѣло въ древности свою вольницу. Эти вольницы оставлены намъ прошедшими поколѣніями, какъ готовое рѣшеніе вопроса о народномъ образованіи, о призрѣніи, объ общественныхъ сооруженіяхъ и т. п. въ тѣхъ селеніяхъ, которымъ принадлежатъ вольницы. Распространеніе великорусскихъ взглядовъ на общественныя отношенія Малороссіи и неразлучное съ ними уничтоженіе самоуправленія отдѣльныхъ всесословныхъ общинъ еще въ XVIII вѣкѣ способствовали расхищенію вольницъ, этого имущества всесословной малороссійской общины. На долю текущаго столѣтія осталось уже немного изъ этого нѣкогда великаго общественнаго капитала... По межевымъ законамъ, сохранившіяся по настоящее время вольницы дѣлятся между владѣльцами пропорціонально... владѣемому ими недвижимому имуществу“... „Теперь, говоритъ тотъ-же авторъ, намъ трудно судить, въ какой мѣрѣ эти вольницы восполняли тѣ или другіе недостатки начала личнаго землевладѣнія и служили-ли они какимъ-либо фондомъ для безземельныхъ“; мы же прибавимъ отъ себя, что принципъ общественности относительно этихъ земель выдерживался строго и существованіе въ самой Слобожанщинѣ людей безземельныхъ, на что мы въ свое время указывали, служитъ лучшимъ тому доказательствомъ. Категорія земель общественныхъ существовала еще въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія даже въ черниговской губерніи, гдѣ, какъ говоритъ авторъ статьи того времени, кромѣ небольшаго количества собственно козачьихъ общественныхъ земель, „они имѣютъ еще и такія общественныя земли, въ коихъ участвуютъ обыватели другихъ сословій, вмѣстѣ съ ними жительствующіе въ селеніяхъ, которые по большей части не допускаютъ козаковъ наравнѣ съ собой пользоваться оными землями. Прежде козаки имѣли пространныя общественныя земли, такъ называвшіяся вольницы, но онѣ всѣ почти перешли во владѣніе другихъ сословій“ [1]).

---

[1]) Общее обозрѣніе мѣста жительства козаковъ въ черниговской губерніи, составленное въ 1838 году черниговскою попечительною надъ козаками конторою. «Земскій Сборникъ черниговской губерніи», 1877 г., №№ 5—8.

Особенности характера и порядка южнорусскаго землевладѣнія вызывали особыя трудности въ примѣненіи къ южно-русскимъ мѣстностямъ общихъ межевыхъ инструкцій и требовали, да и нынѣ требуютъ, особыхъ правилъ межеванія, строго согласованныхъ съ историческимъ характеромъ южно-русскаго землевладѣнія. Мы представимъ здѣсь нѣсколько данныхъ изъ области прошлаго, относящихся къ указанному сейчасъ обстоятельству. Въ своемъ мѣстѣ мы говорили объ обмежеваніи нѣсколькихъ старозаимочныхъ дачъ харьковской губерніи, еще въ 1770—1780 годахъ. Какъ ни трудно давалось тогда генеральное межеваніе этой губерніи, но оно окончилось еще при Екатеринѣ II. Иначе было съ землями бывшей гетманщины; межеваніе ихъ, не смотря на всю объединительную энергію центральнаго правительства, замедлилось почти до позднѣйшаго времени. Мы не можемъ представить себѣ другой причины для объясненія этого факта, какъ то, что правительство того и послѣдующаго времени имѣло неодинаковый взглядъ на одинъ и тотъ-же предметъ въ двухъ смежныхъ мѣстностяхъ: въ мѣстности бывшихъ слободскихъ полковъ оно не усмотрѣло, какъ мы въ своемъ мѣстѣ указывали, особенностей аграрнаго строя и нашло возможнымъ при обмежеваніи оной примѣнить къ ней вполнѣ межевую инструкцію, составленную для земель казенно-общественныхъ вообще и для четвертнаго владѣнія великорусскихъ однодворцевъ въ частности,—въ территоріи бывшей гетманщины оно поступаетъ съ большею осмотрительностію, быть можетъ по настоянію тамошнихъ чиновъ, и отъ того дѣло межеванія здѣсь затягивается и ведется на другихъ основаніяхъ. Еще въ 1781 г., въ указѣ тогдашнему малороссійскому генералъ-губернатору графу Румянцеву-Задунайскому, императрица Екатерина возвѣщала: „о межеваніи въ губерніяхъ кіевской, черниговской и новгородъ-сѣверской для успокоенія цѣлости имѣній тамошняго дворянства и прочихъ чиновъ народныхъ, соизволеніе наше въ свое время послѣдуетъ“. Но только въ началѣ царствованія Александра I, по представленію малороссійскаго генералъ-губернатора князя Куракина, объ учрежденіи въ малороссійскихъ губерніяхъ генеральнаго межеванія, указомъ 1803 г. 10 апрѣля, повелѣно было учредить особый комитетъ для обсужденія вопроса и составленія инструкціи, „мѣстному того края положенію соотвѣтствующей“, генеральнаго межеванія Малороссіи.

Въ числѣ существенныхъ основаній для межеванія этихъ земель было между прочимъ признано необходимымъ: межевать земли не къ именамъ владѣльцевъ, а къ именамъ мѣстечекъ, селъ и деревень, разрѣшать поземельные споры, кромѣ различныхъ письменныхъ документовъ (между прочимъ и на основаніи гетманскихъ универсаловъ), также и по свидѣтельскимъ показаніямъ и по десяти-лѣтней давности владѣнія, на основаніи статута литовскаго не требовать документовъ отъ землевладѣльцевъ, владѣнія которыхъ не подвергались спору при межеваніи губерній... размежевать поземельную собственность: дворянъ, гражданъ, людей духовнаго званія, козаковъ и прочихъ, какъ бы мало ни состояло за ними земель [1])...

Проэкты, инструкціи и правила межеванія были предметомъ разновременныхъ канцелярскихъ обсужденій и справокъ въ продолженіе болѣе полувѣка, между тѣмъ объединеніе Малороссіи въ административномъ отношеніи ушло такъ далеко впередъ, что новое обсужденіе межеваго вопроса въ 1853 г. привело правительство къ убѣжденію, что „мѣры, изложенныя въ прежней инструкціи при настоящемъ устройствѣ малорусскихъ губерній, примѣнены быть не могутъ“.

Начались новыя соображенія о размежеваніи черниговской и полтавской губерній, а спустя пять лѣтъ указаны были новыя основанія этого дѣла отъ бывшаго въ то время управляющаго межевымъ корпусомъ, впослѣдствіи графа М. Н. Муравьева. Эти основанія заключались въ слѣдующемъ: „межеваніе Малороссіи производить согласно высочайшему повелѣнію (отъ 27 января 1858 года) по настоящему безспорному владѣнію; при разрѣшеніи споровъ принимать главнымъ основаніемъ десятилѣтнюю давность владѣнія до состоянія указа объ открытіи межеванія; казенную и частную собственность, съ небольшими исключеніями, подчинить одинаковымъ условіямъ; въ одно время съ генеральнымъ производить и спеціальное межеваніе, сообразно мѣстнымъ условіямъ края и дѣйствующимъ законамъ, принимая за главное основаніе полюбовное межеваніе; а такъ какъ оно, при дробности владѣній и по особенной привязанности владѣльцевъ къ своимъ угодьямъ въ Малороссіи, будетъ затруднительно и большею частію почти невоз-

---

[1]) Прибавленіе къ 15 № «Черн. Губ. Вѣд.», 1864 г., апрѣля 12.

можно, то установить правила для обязательнаго межеванія, опредѣливъ поземельныя единицы, при которыхъ землевладѣльцы обязаны будутъ вымеживаться въ отрубныя дачи единственнаго владѣнія, и при которыхъ они могутъ остаться въ общихъ смѣнахъ, и наконецъ проэктировать межевыя учрежденія для веденія межеванія и наблюденія за правильнымъ его ходомъ, составивъ ихъ изъ представителей разныхъ сословій и межевыхъ чиновъ, при чемъ губернскія и межевыя учрежденія должны быть судебными и вмѣстѣ административными мѣстами, а уѣздныя—только административными"[1]). 19 октября 1859 года было высочайше утверждено положеніе о размежеваніи Малороссіи на вышеизложенныхъ началахъ. Положеніе это не коснулось харьковской губерніи, въ которой землевладѣніе, такъ много сходное по своему историческому происхожденію и характеру, имѣло свою особую, намъ уже извѣстную судьбу.

Эта вообще малоотрадная, какъ мы видѣли, судьба представляетъ еще одну особенность, которой не можемъ не отмѣтить въ заключеніе нашего о ней изслѣдованія. Какъ можемъ примѣчать по судьбѣ крестьянскаго землевладѣнія въ послѣдніе годы въ ахтырской дачѣ, вѣковая путаница понятій въ этомъ жгучемъ жизненномъ вопросѣ, хотя успѣла выдѣлить въ самомъ крестьянскомъ обществѣ извѣстный процентъ, недоброжелательно относившійся къ участково-наслѣдственному землевладѣнію и видѣвшій свой прямой интересъ въ общемъ раздѣлѣ всей крестьянской земли на души, но не убило въ немъ окончательно традиціоннаго и фактическаго представленія объ исконномъ въ здѣшней мѣстности характерѣ и порядкѣ землевладѣнія, а только внесла въ самую сердцевину крестьянскаго общества аграрный антагонизмъ, пробуждающійся при каждомъ новомъ случаѣ столкновенія двухъ противуположныхъ теченій. Любопытный и поучительный фактъ этой внутренней борьбы представляетъ намъ „заявленіе" нѣсколькихъ десятковъ крестьянъ, владѣльцевъ старозаимочныхъ земель, поданное въ ахтырское волостное правленіе въ 1869 г., когда начались приготовительныя работы по выдачѣ владѣнныхъ записей на крестьянскія земли. Вотъ фактъ, какъ онъ изложенъ въ этомъ заявленіи. По распоряженію мироваго посредника 1-го участка ахтырскаго уѣзда, 1 іюня 1869 г. было собрано крест-

---

[1]) Приб. къ 15 № «Черн. Губ. Вѣд.».

янское общество при ахтырскомъ волостномъ правленіи въ числѣ 607 человѣкъ; мировой посредникъ предложилъ собравшимся составить приговоръ о согласіи крестьянъ на выкупъ своихъ земель и получить владѣнныя записи... Бывшіе въ сборѣ, преимущественно безграмотные и безземельные, изъявили согласіе на выкупъ земель и другихъ угодій, раздѣливъ земли на души, о чемъ и написанъ того числа приговоръ. Легко понять, какую бурю долженъ вызвать этотъ приговоръ въ душахъ тѣхъ, которые владѣли землями по наслѣдственному праву, и какую борьбу они должны были пережить, пока написали и представили слѣдующія простыя строки: „какъ-же владѣемыя нами на правѣ собственности земли и прочія угодья есть предковскія, старозаимочныя, переходящія изъ роду въ родъ по наслѣдству и пріобрѣтенныя покупкою отъ разныхъ лицъ... слѣдовательно земли наши не составляютъ ни казенной, ни общественной принадлежности... и сего-же рода землями владѣютъ черезполосно съ нами дворяне, чиновники, купцы, мѣщане и цеховые на правахъ собственности, и таковыя земли выкупу не подлежатъ, какъ составляющія собственность того, кто ими владѣетъ..., а потому и приговоръ, составленный бывшимъ въ сборѣ 1 іюня 1869 г. обществомъ изъ 607 душъ есть неправильный"... Потянулась борьба на долгіе годы и трудно въ ней безусловно оправдывать или обвинять какую-либо сторону: на сторонѣ земельныхъ были исторія и право, а незадолго передъ этимъ высказался за нихъ и законъ (783 ст. 2 прим. по продолж. 1868 г. X т., I ч.); но за то на сторонѣ безземельныхъ была, можно сказать, вѣковая административная практика и цѣлый рядъ мѣръ, прямо или косвенно вводившихъ или вызывавшихъ общинное землевладѣніе. Первоначальный исходъ борьбы имѣлъ двойственный характеръ: крестьянскія земли ахтырской дачи остались фактически „на прежнемъ основаніи", т. е. въ видѣ участково-наслѣдственнаго владѣнія, но ахтырское сельское общество все таки получило общую владѣнную запись на свои старозаимочныя земли. Не смотря на то, оно продолжало, чрезъ избранныхъ изъ своей среды повѣренныхъ, ходатайство въ административномъ порядкѣ объ исключеніи старозаимочныхъ его земель изъ оклада кадастровой и государственной оброчной подати, и хотя ходатайство это вначалѣ не было удовлетворено и мѣстное управленіе государственныхъ имуществъ предоставило ему

отыскивать свои права на земли, находящіяся въ оцѣнкѣ (т. е. въ кадастрѣ) судебнымъ порядкомъ, но въ концѣ это громкое дѣло, подъ названіемъ ахтырскаго, было рѣшено гражданскимъ кассаціоннымъ департаментомъ сената въ пользу крестьянъ.

---

14) Нѣкоторыя общія черты козачьяго землевладѣнія полтавской и черниговской губерніи и старозаимки въ губерніи харьковской.

По общности происхожденія и прежней судьбы козачьяго землевладѣнія бывшей гетманщины съ старозаимочными землями харьковской губерніи считаемъ умѣстнымъ закончить сводъ матеріаловъ для исторіи послѣднихъ нѣкоторыми общими чертами въ судьбѣ первыхъ.—Здѣсь также, какъ и въ исторіи старозаимки, ярче выступаютъ заботы объ упорядоченіи землевладѣнія и обезпеченіи поступающихъ съ земли государственныхъ доходовъ, чѣмъ судьба самаго землевладѣнія. Тѣ немногіе факты, которыхъ мы хотимъ здѣсь коснуться, относятся къ позднѣйшему времени, но они дорисовываютъ общую картину пертурбацій въ южно-русскомъ землевладѣніи и уясняютъ нѣкоторыя изъ перипетій, которыя прошло старозаимочное землевладѣніе харьковской губерніи. „Попеченіе о благосостояніи малороссійскихъ козаковъ“ появляется въ то позднее время, когда главный источникъ ихъ благосостоянія волею судебъ значительно поизсякъ, когда историческій строй ихъ жизни путемъ перемѣнъ въ судьбѣ цѣлаго края былъ расшатанъ и измѣненъ, а земельная собственность ихъ въ большей части перешла въ руки выродившагося изъ ихъ же среды дворянства. Въ 1834 г. учреждена была главная хозяйственная контора для малороссійскихъ козаковъ и изданъ особый уставъ для управленія ими, подъ главнымъ надзоромъ черниговскаго, полтавскаго и харьковскаго генералъ-губернатора. Главная контора находилась въ Полтавѣ; ей подчинены были мѣстныя попечительныя конторы, которыхъ въ одной черниговской губерніи было четыре. „Записки“ этой конторы [1]) и даютъ намъ нѣкоторое понятіе о по-

---

[1]) См. Земск. Сборникъ черниг. губ. 1877 г.

рядкахъ козачьяго землевладѣнія въ эту и ближайшую къ ней эпоху. Изъ нихъ мы видимъ, что хотя законъ признавалъ поземельное владѣніе козаковъ на правахъ собственности, но особымъ указомъ 25 іюня 1832 г. право распоряженія наслѣдственными землями было для нихъ ограничено запрещеніемъ продавать эти земли лицамъ другихъ сословій, „дабы эти потомственныя земли навсегда оставались козачьими, даже и въ томъ случаѣ, если-бъ владѣльцы ихъ службой или инымъ образомъ пріобрѣли права другаго сословія“... „Земли козаковъ, говорится въ названномъ источникѣ, составляющія частную отдѣльную собственность каждаго изъ нихъ, доселѣ не были приводимы въ извѣстность никакимъ измѣреніемъ, и пространство ихъ опредѣлялось самымъ первобытнымъ способомъ: количествомъ высѣваемаго хлѣба, или числомъ косарей“. Общій хозяйственный порядокъ въ козачьихъ земляхъ былъ такой-же, какъ и въ старозаимочныхъ дачахъ харьковской губерніи: они дѣлились на 3 руки, или поля—озимое, яровое и толоку или паръ. „По неприведеніи въ извѣстность количества земли, состоящей во владѣніи козаковъ, и по невозможности отъ сего разложить подати между козаками съ большей уравнительностію, по мѣрѣ земли каждымъ владѣемой, для облегченія ихъ тѣмъ же указомъ велѣно было взимать и здѣсь съ каждой ревизской души по 2 р. с., включая въ сію сумму 55 коп. сер. за право вольной продажи вина. Полный же окладъ съ ревизской души, считая тутъ и другія повинности, а также погашеніе податной недоимки, былъ опредѣленъ въ 12 руб. 2 коп. ассигн.“. Такіе мотивы системы налоговъ на козачье сословіе черниговской и полтавской губерніи значительно уясняютъ и причины принудительнаго дѣлежа старозаимочныхъ земель харьковской губерніи по ревизскимъ душамъ. Тамъ администрація имѣла еще передъ собой наличный фактъ—особое козачье сословіе, характеръ землевладѣнія котораго на правѣ собственности ясно былъ указанъ закономъ. Здѣсь-же козачье сословіе давно было упразднено, а между тѣмъ его личное и потомственное землевладѣніе также не было опредѣлено ни фактически, ни количественно у каждаго владѣльца; вотъ почему душевая система податей въ Харьковщинѣ, падая на полное имущественное неравенство населенія, и влеча за собою постоянно возраставшую массу недоимокъ, вызвала такъ рано соблазнъ простаго противоядія—уравнительный раздѣлъ земель.

Внутренняя раскладка общаго сбора въ населеніи козаковъ полтавской и черниговской губерній до 1833 г. предоставлена была, какъ и у крестьянъ—старозаимочныхъ владѣльцевъ харьк. губерніи, самимъ обществамъ, а съ 1833 г. козачьи общества обязаны были распредѣлять подати соотвѣтственно количеству земли у каждаго члена и „сообразно другимъ принятымъ между козаками мѣстнымъ правиламъ", при чемъ за всѣхъ почему-либо выбывшихъ, но изъ оклада не исключенныхъ, а также и за несостоятельныхъ, подати должны были разлагаться „согласно тѣмъ-же правиламъ и обычаямъ на наличныхъ плательщиковъ". Такимъ образомъ круговая порука въ извѣстной степени не миновала даже и козацкихъ обществъ.

Окладные листы составлялись на цѣлыя общества, а иногда на каждое село отдѣльно. Отсюда видно, что ни распредѣленіе податей по отдѣльнымъ статьямъ, ни внутренняя ихъ раскладка въ самыхъ обществахъ не были вполнѣ согласованы съ началомъ личной собственности, ибо допускалась круговая порука и благоусмотрѣніе большинства членовъ общества.

На сколько далека была даже признанная закономъ личная собственность малорусскихъ козаковъ отъ того опредѣленія, которое сдѣлано ей въ X т., можно видѣть изъ того, что не только всѣ общія земскія натуральныя повинности отбывались одними только козаками и казенными крестьянами черниговской губерніи, но даже „самые сѣнокосы козаковъ отдавались въ распоряженіе командъ проходящихъ съ лошадьми безо всякаго вознагражденія", а въ случаяхъ пожаровъ погорѣвшіе козаки, по распоряженію главной хозяйственной конторы, помѣщались квартирами у своихъ сосѣдей.

Черезполосность козачьихъ земель съ землями другихъ сословій—явленіе и здѣсь повсемѣстное, такъ какъ козачьи земли были большею частію одного происхожденія съ старозаимочными землями харьковской губерніи, и одинаковую съ ними испытывали судьбу, то отъ вторженія элемента пришлаго, то отъ выдѣленія членовъ козачей среды въ другія сословія.

Одинаково и здѣсь, не смотря на прежнее обиліе земли, примѣчается постепенное увеличеніе въ козачьемъ населеніи процента безземельныхъ. Въ концѣ 30 годовъ всѣхъ козаковъ черниговской губерніи считалось по даннымъ послѣдней ревизіи 197,800 душъ мужескаго пола, изъ нихъ безземельныхъ числилось 16,546 душъ

(8,273 семьи), что составляетъ около 8% на все населеніе. И причины обезземеленія и вообще обѣдненія козаковъ были въ большей части тѣ-же, что привели къ обѣдненію населенія б. слободскихъ полковъ и постепенному превращенію свободныхъ войсковыхъ обывателей въ крѣпостныхъ людей. Тотъ-же источникъ, изъ котораго мы заимствуемъ всѣ эти свѣдѣнія, довольно откровенно говоритъ о той борьбѣ, какая существовала тогда между мѣстными органами общей администраціи, бывшей подъ сильнымъ вліяніемъ крѣпостныхъ интересовъ, и спеціальными вѣдомствами козаковъ и казенныхъ крестьянъ, и которая тяжело отзывалась на положеніи этихъ послѣднихъ,—не скрываетъ и того, что само попечительное о козакахъ вѣдомство не приносило имъ никакой пользы. Чрезвычайные расходы по снаряженію козачьихъ полковъ въ 1812 г., простиравшіеся, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, по одной черниговской губерніи, до 16 милліоновъ и вызвавшіе усиленную продажу козаками своихъ земель, были конечно явленіемъ исключительнымъ, какъ и наступившій голодъ 1820 и 1821 года; въ обыкновенное-же время дѣйствовали постоянныя причины, которыя „Записки" конторы, послѣ повсемѣстнаго давленія крѣпостнаго права, указываютъ въ самой системѣ податей и способѣ ихъ взысканія, которые съ одной стороны увеличивали пролетаріатъ, а съ другой заставляли самыхъ богатыхъ козаковъ, въ виду круговой поруки, выселяться въ другія мѣстности, что еще болѣе обременяло платежныя средства оставшихся на мѣстѣ людей средняго и малаго достатка.

Всѣ эти и многія другія, еще невѣдомыя намъ данныя, общія какъ б. гетманщинѣ, такъ и харьковскому старозаимочному землевладѣнію, необходимо брать въ расчетъ, дабы при опредѣленіи теперь % безземельныхъ, хотя-бы въ козачьемъ сословіи бывшей гетманщины, а также и въ тѣхъ старозаимочныхъ дачахъ харьковской губерніи, гдѣ еще сохранилось мелкое личное землевладѣніе крестьянъ, не отнести причину нарожденія этой безземельной массы исключительно на счетъ начала самой природы мелкой земельной собственности. Психическая сторона вліянія на массоваго человѣка личнаго и общиннаго землевладѣнія при данныхъ условіяхъ происхожденія, исторіи и обстановки того и другаго, у насъ еще совсѣмъ не выяснена. Если мы не можемъ слишкомъ тѣсно понимать „зоологическую мораль" человѣка, всецѣло состоящаго во власти

земли на общинномъ порядкѣ, то мы также не должны обходить вниманіемъ и прямаго указанія даже сухой офиціальной записки на многія симпатичныя стороны въ характерѣ людей, которые привыкли имѣть свое добро и ясно отличать его отъ добра ближняго.

На этомъ оканчиваемъ нашъ, можетъ быть, очень длинный, но, смѣемъ думать, не безполезный сводъ матеріаловъ для исторіи землевладѣнія въ харьковской губерніи. Дополнительныя свѣдѣнія объ этомъ весьма важномъ предметѣ, какія частію собраны нами, по окончаніи настоящей статьи, частію имѣются еще въ виду, а равно и заключительные изъ всего сказаннаго выводы, мы надѣемся въ послѣдствіи представить, если позволятъ обстоятельства.

А. Л. Шимановъ.

УКРАИНСКІЯ ЖЕНЩИНЫ *).

(Переводъ съ польскаго).

ВСТУПЛЕНІЕ.

Жизнь польской женщины въ глубокой, коренной Польшѣ достаточно изслѣдована въ бытовомъ отношеніи; весьма подробно говорятъ объ этомъ Гурницкій, Бѣльскій, Папроцкій, подъчасъ довольно интересныя частности сообщаютъ Кохановскій, Рей, Кленовичъ и другіе польскіе писатели...

Совсѣмъ иначе шла жизнь ея на окраинахъ, у границъ татарскихъ. Женщина располагала здѣсь гораздо большею свободой, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Правда, обязательные для нея законы на Руси были тѣ-же, что и въ Литвѣ: какъ здѣсь, такъ и тамъ литовскій статутъ считался кодексомъ, съ которымъ нужно было согласовать свою жизнь; но иное дѣло законъ, и иное обычай.

*) Niewiasty kresowe. Историческіе разсказы д-ра Антонія I. Warszawa. 1883 г. — Вслѣдъ за выходомъ этой книги въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» на 1883 г. данъ былъ о ней обстоятельный отчетъ. Теперь мы рѣшились передать нашимъ читателямъ въ возможно точномъ переводѣ тѣ очерки изъ этой книги, которые представляютъ намъ типы русской женщины XVI и XVII в., выросшіе на русской-же землѣ, но въ предѣлахъ бывшей Рѣчи Посполитой и подъ неотразимымъ польскимъ вліяніемъ. Читатели, надѣемся, по достоинству оцѣнятъ почтенный трудъ польскаго историка - беллетриста, который талантливо воспроизводитъ типы нашихъ женщинъ, по нашимъ преимущественно источникамъ, давая лишь самое незначительное мѣсто своей національной точкѣ зрѣнія. Они съ интересомъ, при томъ въ первый разъ, увидятъ эти живые образы русской женщины въ западной половинѣ Россіи, создавшіеся подъ иными вліяніями и представляющіе совершенный контрастъ типу женщины того-же времени въ московской

Здѣсь, въ мѣстности полной опасностей, въ положеніи всегда угрожаемомъ, женщинѣ часто приходилось становиться на защиту семейнаго очага, на оборону домашняго скарбу... Вотъ почему, при болѣе близкомъ изученіи событій XVI-го и даже XVII-го столѣтія на окраинахъ Польши, и той выдающейся роли, какую занимала въ нихъ нерѣдко принимавшаяся за оружіе, закованная въ тяжелыя латы украинская женщина, невольно вспоминаются тѣ сказочныя амазонки, мѣсто поселенія которыхъ опредѣлялось историками между Днѣпромъ и Балтійскимъ моремъ. Не отъ этихъ-ли, въ туманѣ вѣковъ теряющихся, прототиповъ унаслѣдовали любовь къ войнамъ и наши украинскія героини?... Мягкость нравовъ внесла въ эти края лишь жена князя Василія Острожскаго, урожденная Тарновская; вмѣстѣ съ нею нахлынуло порядочное число польскихъ дворянъ и надворной шляхты, и они-то исподволь стали распространять въ волынской землѣ утонченность въ обращеніи, любовь къ музыкѣ, танцамъ, нарядамъ. Женщины, проживавшія въ укрѣпленныхъ жилищахъ, разбросанныхъ среди обширныхъ дикихъ полей, не имѣли ни малѣйшаго представленія о менестреляхъ и трубадурахъ; старикъ-лирникъ, этотъ единственный степной пѣвецъ, не любовныя пѣсни приносилъ съ собою, но легенды о давнихъ битвахъ, подъчасъ предостереженіе о близкой опасности, иногда измѣну,—высматривалъ, замѣчалъ слабыя стороны на-скоро укрѣпленнаго двора съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи сообщить объ этомъ гайдамакамъ или инымъ своевольнымъ наѣздникамъ. Романъ не произрасталъ въ степи; жизнь летѣла стрѣлой; завтрешній день не принадлежалъ никому и менѣе увѣренности въ немъ было здѣсь, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

И въ самомъ дѣлѣ: какая разница въ нравахъ и обычаяхъ какой-либо богатой пани, жившей на равнинахъ Великой Польши, и владѣтельницы многочисленныхъ имѣній на окраинѣ! Та любила изысканность, изящество. Вотъ для подтвержденія хотя бы ея сборы

Руси, и убѣдится, что, говоря о русской женщинѣ прежняго времени, что составляетъ у насъ любимый предметъ, надо строго различать ее въ двухъ отдѣльно тогда жившихъ половинахъ Россіи и нельзя мѣрять женщину южно-русскую по масштабу московскому, по чертамъ Домостроя и «Быта русскихъ царицъ XVII в.». Быть можетъ, мы передаемъ не совсѣмъ точно заглавіе подлинника, употребляя слово *украинскія*, которое понимается теперь нѣсколько иначе; но мы принимаемъ его здѣсь въ его прежнемъ, болѣе общемъ историческомъ смыслѣ.—Ред.

къ утреннему одѣванію. „Передъ комнатою такой нарядницы стоялъ мальчикъ—пажъ, обязанностью котораго было носить шлейфъ своей госпожи и оберегать двери ея уборной, чтобы во время одѣванія никто не могъ туда войти, кромѣ ея комнатной прислуги. Когда приближалось время одѣванія, изъ дѣвичьей выходили панны-прислужницы, неся каждая, что къ ней принадлежало: одна пузырьки съ пахучими пижмами, цибетами, дорогими духами, другая зеркало, третья румяны и бѣлила, флакончики съ душистыми водами, розовымъ и бальзаминовымъ масломъ, мускусомъ, амброй. Три другія дѣвушки несли кувшинъ и тазъ, рушникъ и покрывало; еще двѣ иныя слѣдовали за ними, чтобы, когда госпожа станетъ одѣваться, развлекать ее пріятными разсказами" [1]).

Совершенно иначе въ концѣ XV ст. глядѣла „свѣтличка" волынской княгини, хотя-бы даже знатнѣйшаго рода. Небольшой альковъ, незатѣйливая и твердая кровать, стекла въ окнахъ, какъ особая роскошь, стѣны, увѣшанныя иконами, а богатыя матеріи, альтембасовые златоглавы и среброглавы [2]), бархаты, канифасы, дорогія куньи и собольи шубы — спрятаны подъ замками въ кипарисовыхъ сундукахъ, готовыхъ въ далекую дорогу въ минуты опасности, всегда ожидаемой... Одна изъ наиболѣе богатыхъ владѣтельницъ Волыни, урожденная княжна Гольшанская, вторая жена князя Курбскаго, обладавшая, кромѣ обширныхъ помѣстій, милліонами дохода и наличнаго капитала, довольствовалась однимъ, притомъ небольшимъ зеркальцемъ, штатъ-же прислуги ея состоялъ изъ четырехъ дѣвушекъ, занимавшихся шитьемъ. А вѣдь имѣла средства не отказывать себѣ; но она предпочитала содержать и разводить табуны лошадей, хотя очень заинтересована была возбужденіемъ любви къ себѣ въ своемъ мужѣ и для этой цѣли, по совѣту знахарки, держала въ кровати мѣшечекъ, наполненный пескомъ и лошадинымъ волосомъ!...

Набожность, отличающая польскихъ женщинъ, не имѣла какъ-то времени развиться на окраинахъ; къ религіознымъ вопросамъ

---

[1]) Maciejowski: Polska i Ruś. II. 260.

[2]) Альтембасъ (отъ турецкихъ словъ: *алтынъ*—золото и *басъ*—ткань)—парча, въ которой основа шелковая, а ткань золотая или серебряная. Златоглавы и среброглавы—это головныя шапочки золотой или серебряной парчи.

Примѣч. переводчика.

относились тамъ равнодушно и только у насъ религіозное новаторство проявлялось съ такою легкостію, а главными пропагандистками онаго были женщины.

Особыя условія жизни на окраинахъ неотразимо вліяли на способности и характеръ женщины, вырабатывали изъ нея энергичную, полу-мужскую натуру, готовую на скорби и самыя ужасныя испытанія и не падающую предъ ними безъ борьбы. Пассивное противодѣйствіе нерѣдко переходило въ активное вмѣшательство: неразъ жена отправлялась вмѣстѣ съ мужемъ на развѣдки за непріятелемъ, совершала съ нимъ походы, лично командовала „заѣздами", оканчивавшимися нерѣдко кровавой схваткой; настолько-же хорошо пользовалась собственною силою, какъ и мужчина, умѣла стрѣлять, ловко вскакивала на коня, безъ усталости и отдыха совершала дальніе переѣзды, словомъ, пріобрѣтала настоящій боевой закалъ.... Борзобогатая Красинская, Хмѣлецкая, воеводина кіевская, княгиня Ружинская, о жизни которыхъ будемъ говорить здѣсь, не составляютъ исключеній: онѣ занимаютъ только болѣе видное положеніе въ современномъ имъ обществѣ; на протяженіи полутора столѣтій можно бы насчитать много другихъ, какъ Мыльская, Тышкевичъ, Стрибылова, Трипольская и т. д. и т. д., жизнь которыхъ переполнена заѣздами и тяжбами. А мелкота, глядя на женщинъ высокостоящихъ, увлекалась ихъ отвагою; и дѣйствительно, въ овручскихъ „застѣнкахъ" [1]) женщины продѣлывали то-же въ маломъ масштабѣ, на нѣсколько миль въ окружности, что первыя на территоріи цѣлой Волыни или Кіевщины.

Но не одна только женщина виновата въ этой разгульности и грубости нравовъ; довольно значительная часть этой вины падаетъ и на половину мужскую: слѣдуетъ признаться откровенно, что мы почитали женщину лишь на столько, на сколько послѣдняя импонировала намъ не только нравственною, но и физическою силою. Женщина рѣшительная, смѣлая пользовалась большимъ почетомъ, легко снискивала себѣ сторонниковъ, общество снисходительно смотрѣло на ея продѣлки. Къ молодой дѣвушкѣ относились, правда, съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, нѣсколько по-козацки, а съ жен-

[1]) «Застѣнками» въ Литвѣ назывались мелкіе, строго отграниченные земельные участки, которые обработывала сама шляхта, поселенная на нихъ.

щины, неспособной постоять за себя, мужчина въ ссорахъ частенько срывалъ „головную повязку“ (podwikę—чепчикъ), что считалось на Руси страшнѣйшею обидою; но съ другой стороны и дѣвушки поступали по своему, сами себѣ избирали мужей по вкусу, не очень-то слѣдуя совѣтамъ и наставленіямъ старшихъ. Если-же этотъ старшій имѣлъ достаточно силы, чтобы заставить своевольную дѣву стать съ немилымъ сердцу на подвѣнечномъ коврѣ, то она имѣла возможность и послѣ брака получить свободу,—ей оставался еще разводъ („rozpust“), въ формѣ юридической всегдашней разлуки съ мужемъ, и возможность вступить въ новый бракъ уже по собственному выбору и вкусу. Скажете, что разводы случались не особенно часто? Напротивъ, они были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Унія, а подъ конецъ латинская обрядность только затруднили, но не искоренили разводовъ; болѣе доказательствъ, болѣе расходовъ нужно было, а потому только болѣе зажиточныя семьи прибѣгали къ нимъ; между тѣмъ въ средѣ простаго народа, исповѣдывавшаго восточную не унитскую вѣру, разводы удержались до конца XVII столѣтія.

Но возвратимся къ рыцарскимъ наклонностямъ украинскихъ женщинъ. Только этими свойствами можно объяснить себѣ выносливость этихъ женщинъ, когда ихъ угоняли въ „ясыръ“ по пустыннымъ, знойнымъ степямъ. Ужъ конечно не въ люлькахъ транспортировали ихъ „поганцы“! Болѣе человѣчный изъ нихъ, или, можетъ быть, болѣе заботливый о томъ, чтобы его живой товаръ не сдѣлался непригоднымъ, помѣщалъ плѣнную за собой на конѣ; обыкновенно-же пѣшкомъ, на привязи, нужно было совершать эту дальнюю дорогу. А потомъ въ ясырѣ ее, когда-то богатую и привыкшую повелѣвать барыню, ожидала тяжелая и унизительная доля невольницы гаремной. Тѣмъ не менѣе подобная участь была еще сноснѣе тяжелыхъ работъ, невольныхъ странствованій въ Азію или Африку,—сноснѣе, но безнадежнѣе: ибо такая женщина, если она умѣла снискать себѣ любовь и расположеніе татарской семьи, съ которою связала ее судьба, теряла чрезъ это надежду когда-либо получить свободу, хотя-бы цѣною относительно громаднаго выкупа. Татаринъ или турокъ подобную находку считалъ за особый родъ благословенія Божія и вмѣстѣ съ тѣмъ за капиталъ, который въ случаѣ бѣдствія можетъ быть ему возвращенъ

съ излишкомъ. Несчастная *бранка* принуждена была выжидать дипломатическихъ соглашеній между Крымомъ, Портою и Польшею, въ силу которыхъ могла-бы добиться свободы. Выкупы, производившіеся обществами тринитаріевъ, являются только въ концѣ XVII вѣка и наиболѣе дѣйствовали въ прошломъ столѣтіи. Многое дѣлалось для той-же цѣли и до появленія этого ордена, при посредствѣ договоровъ съ взаимнымъ обмѣномъ плѣнныхъ; часто происходили такіе обмѣны, но ни одинъ изъ нихъ не достигалъ такихъ размѣровъ, какъ славный обмѣнъ невольниковъ между Москвой и Запорожьемъ съ одной и татарами съ другой стороны, продолжавшійся пять лѣтъ (1681—1685 г.) и производившійся подъ Переволочною. Происходилъ этотъ обмѣнъ ежегодно лѣтомъ; сюда пріѣзжали: царскій окольничій, полковникъ и правитель гетманской канцеляріи отъ заднѣпрянъ, а съ противной стороны мурзы и султаны; „бранцевъ", какъ магометанъ, такъ и христіанъ, бывало по нѣсколько тысячъ; обмѣнъ шелъ голова за голову, хотя знатнѣйшихъ бояръ татаре утаивали; такъ Шереметьева, взятаго въ плѣнъ еще подъ Чудновымъ 1660 года, освободили только двадцать лѣтъ спустя, послѣ полученія 40,000 руб. выкупа. Вотъ на этихъ-то поляхъ подъ Переволочною можно было видѣть не одну землянку украинскихъ провинцій; заручившись письмомъ Яна III къ старшинѣ запорожской, среди которой славный король пользовался большимъ почетомъ, и захвативъ съ собою набитый золотомъ мѣшекъ, она поспѣшала въ степь, чтобы при посредствѣ Кошеваго выкупить изъ неволи родную „бранку"... А много, много ихъ попадало въ плѣнъ, особенно во второй половинѣ XVII столѣтія; на всемъ пространствѣ земли украинской не было такой семьи, которая не оплакивала-бы стонущаго въ неволѣ, близкаго и дорогаго сердцу существа... Несравненно легче было освободить изъ рукъ татарскихъ мужчину, чѣмъ женщину: послѣдняя, въ особенности молодая, предоставлена будучи сама себѣ, нерѣдко становилась женою своего господина; но и она, овдовѣвъ, съ значительнымъ числомъ дѣтей съ плоскими восточными чертами лица, возвращалась на родину,—на столько дорого было для нея родной земли воспоминанье!...

Въ XVII столѣтіи происходятъ коренныя измѣненія. Русь уже совершенно ополячена; польскій языкъ, латинская религія господствуютъ въ домахъ землевладѣльцевъ; ксёндзъ дѣлается учителемъ

и наставникомъ въ дѣтствѣ, становится впослѣдствіи другомъ и совѣтникомъ въ семьѣ, нерѣдко угождающимъ хозяйкѣ дома, такъ какъ она имѣла перевѣсъ надъ своимъ разгульнымъ супругомъ, предававшимся пьянству и забавамъ. Женщина, оставленная самой себѣ, не только внимательно слѣдитъ за „бабьимъ„ хозяйствомъ, но правитъ всѣмъ имѣніемъ; усваиваетъ себѣ вкусы женщинъ запада, обучается игрѣ на арфѣ, гитарѣ, мелодиконѣ и клавикордѣ, изучаетъ пѣсни не только духовнаго, но и свѣтскаго содержанія; подобное направленіе распространяется такъ далеко и такъ широко охватываетъ даже бѣднѣйшіе шляхетскіе кружки, что уже къ концу прошлаго столѣтія боярскія дочери въ овручскихъ „застѣнкахъ“ и помѣщичьи дѣвушки (panienki) въ многочисленныхъ поселеніяхъ, разбросанныхъ по обширныхъ равнинамъ, входившимъ когда-то въ составъ барскаго староства, поютъ „Филона“ [1]), сложеннаго Карпинскимъ, а въ то-же время по хуторамъ, среди украинскихъ полей, тамъ—близъ Черкасъ и Чигрина, гдѣ процвѣтала козацкая слава, услаждаются пѣснями хотя народными, но сочиненными гербовнымъ мѣщанствомъ и съ напѣвомъ на манеръ польскихъ пѣсенъ.

Прежде всего въ наиболѣе зажиточные шляхетскіе дома проникаетъ европейская роскошь, постепенно отодвигая на второй и заднiй планъ господствовавшую до того времени восточную обстановку: палатки, добытыя у турокъ подъ Вѣной, идутъ на обои спальныхъ комнатъ, на занавѣски, за которыми скрываются кровати, нагруженныя мягкими пуховиками и множествомъ подушекъ, доходящихъ почти самаго потолка, для оружія является оружейная, для любителей табаку—курительная (fajkarnia), вмѣсто избъ для гостей—салоны, вмѣсто разныхъ лавъ—мебель краснаго дерева, которой остатки уцѣлѣли до настоящаго времени и за которые любители старины платятъ столь баснословныя цѣны. Въ салонѣ царствуетъ женщина разодѣтая, раздушéнная, напудренная, съ искуственнымъ румянцемъ на щекахъ,—точно такая-же на окраинѣ, какъ и въ Великой Польшѣ и въ Литвѣ. Своимъ чередомъ приходитъ страсть къ политикѣ; „мудриху“, подражающую каменецкой каштеляновой, можно встрѣтить чуть-ли не въ каждомъ уѣздѣ, да къ

---

[1]) «Филонъ»—это любимый въ ту пору романсъ.

тому-же и не одну. Онѣ принимаютъ участіе въ конфедераціяхъ, въ совѣщаніяхъ на сеймикахъ, въ съѣздахъ сельскихъ хозяевъ, проникаютъ наконецъ въ трибуналы, въ сеймъ; любезничаютъ нерѣдко съ предводителями союзныхъ армій, тоже ради пользы „застѣнковой" дипломатіи... однимъ словомъ, верховодничаютъ въ краѣ.

И однако, рядомъ съ этими, на видъ непривлекательными чертами, съ этими проявленіями легкомыслія и распущенности,—простите, не умѣю идеализировать, пишу по источникамъ, на основаніи фактовъ,—часто встрѣчаются прекрасные примѣры и глубокой привязанности, и безграничнаго самопожертвованія, и терпѣнія въ несчастіи,—такомъ великомъ несчастіи, котораго ты, прелестная читательница, и вообразить не можешь,—ты, бѣдное, слабое существо, воспитанное въ нѣгѣ, окруженное роскошью и достаткомъ, или по меньшей мѣрѣ тѣми мелочными удобствами, которыя дѣлаютъ для тебя жизнь пріятною и безъ которыхъ ты не въ состояніи и представить себѣ эту жизнь. Но нѣтъ, прости! погруженный въ воспоминанія о прошломъ, я совершенно забылъ, что и ты, когда полюбишь, когда рѣшишься на жертву,—съумѣешь отречься отъ всего и, выброшенная изъ колеи жизни потрясеніями, съ достоинствомъ сносишь недолю! Челомъ бью тебѣ и твоимъ предшественницамъ, хотя такъ не похожи вы другъ на друга!

Доселѣ вступленіе; теперь начерчу, одинъ за другимъ, нѣсколько типовъ.

АННА ИЗЪ КНЯЗЕЙ СОКОЛЬСКИХЪ

Борзобогатая-Красинская.

(вторая половина XVI столѣтія).

Было то въ началѣ сентября 1565 года.

Въ епископскомъ дворцѣ, во Владимірѣ-Волынскомъ, жилъ панъ Василій Борзобогатый-Красинскій, королевскій секретарь, вмѣстѣ съ женою своею Анною, изъ князей Сокольскихъ, а жилъ тамъ по той простой причинѣ, что его отецъ незадолго передъ этимъ получилъ „отъ господаря" привиллегію на владимірское епископство и въ то время, съ котораго начинается нашъ разсказъ, находился при королѣ въ Гроднѣ.

Всего только два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ поселилась здѣсь семья епископа; она еще не получила въ свое пользованіе всѣхъ епархіальныхъ имѣній, такъ какъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ тяготѣли давнишнія обязательства, оставшіяся послѣ предшественника Красинскаго, епископа Іосифа.

И вотъ совершенно неожиданно является къ молодому Борзобогатому королевскій посланецъ, Петръ Семенóвичъ, съ грамотой Сигизмунда-Августа, и говоритъ:

— Вотъ грамота „господаря", которою владыка холмскій, Ѳеодосій Лазовскій, назначается епископомъ владимірскимъ; а потому спрашиваю тебя, панъ Василій, угодно-ли тебѣ названное епископство уступить новопоставленному святителю восточной церкви?

Натурально, онъ получилъ отвѣтъ отрицательный. Читатель не мало конечно удивится тому, какъ сталось, что король одинъ и тотъ-же епископскій престолъ отдаетъ одновременно двумъ кандидатамъ. Тѣмъ не менѣе это случалось нерѣдко, притомъ вслѣдствіе причинъ, распутать которыя, слѣдуетъ сознаться, мы не умѣемъ съ достаточною полнотою. По мнѣнію Бартошевича, подобныя явленія происходили будто-бы вслѣдствіе неточныхъ справокъ, находившихся въ распоряженіи королевской канцеляріи (*ad malam informationem cancellariae*) [1]... Обыкновенно въ столицѣ и послѣ люблинской уніи немного знали о томъ, что происходило на окраинахъ, а что-жъ до уніи?.. Иногда король давалъ на одинъ случай двѣ привиллегіи, зная хорошо положеніе дѣла, но тогда послѣдняя привиллегія получала значеніе только послѣ того, какъ первая почему-либо теряла свою силу. Кажется, что въ данномъ случаѣ именно было такъ, хотя могли существовать и другія побудительныя причины: нужно знать, что Красинскій тогда не получилъ еще посвященія и оставался свѣтскимъ, а въ то-же время, и уже нѣсколько лѣтъ, на луцко-острожскомъ епископскомъ престолѣ сидѣлъ шляхтичъ Маркъ Журавницкій, который торжественно обѣщалъ, что, принявъ епархію, облечется въ святительскія ризы, но слова не сдержалъ и до конца жизни оставался владыкою, употреблявшимъ вмѣсто рясы —ферязь, вмѣсто креста—саблю. Роптала на это шляхта грече-

---

[1]) Encyklop. powszechna Orgelbranta. T. XVII, стр. 569.

скаго исповѣданія, роптало и кіевское духовенство; быть можетъ, именно эти уклоненія имѣя въ виду, король и склонился на сторону Лазовскаго, который уже издавна священствовалъ.

Послѣ этого краткаго разъясненія, возвратимся опять къ прерванному разсказу.

Василій Красинскій, какъ уже знаемъ, далъ королевскому посланцу отрицательный отвѣтъ, и именно въ такихъ словахъ:

— Пока ты, мости-шляхтичъ, не перешлешь грамоты „господаря" моему отцу, и я не получу отъ него инструкцій, какъ мнѣ быть, до тѣхъ поръ не допущу никого на епископскій престолъ.

Тогда Петръ Семеновичъ заявилъ, что къ насилію прибѣгать не намѣренъ, пригласилъ только вознаго и вмѣстѣ съ нимъ подалъ объявленіе о происшедшемъ во владимірскій гродскій судъ.

Прошло дней десять; молодой Красинскій приготовлялся къ оборонѣ, но какъ для этого средства у него были не большія, то оборона не обѣщала успѣха.

Между тѣмъ новый владыка подступилъ къ городу съ большою вооруженною свитою; онъ привелъ съ собою двѣсти конныхъ и триста человѣкъ пѣхоты, привезъ пушки, орудія для осады и занялъ старостинскій замокъ.

Прежде чѣмъ приступить къ штурму епископіи, Лазовскій еще разъ пытался покончить дѣло миромъ; онъ послалъ къ пану Василію парламентеровъ, а именно: упоминаемаго уже выше Петра Семеновича, холмскаго подсудка Яна Верещинскаго, Яроша Тура и нѣсколько другихъ мѣстныхъ земянъ. Подъ воротами епископскаго дворца произошла встрѣча враждующихъ сторонъ. Красинскій стоялъ на своемъ, требовалъ грамоты „господаря", твердилъ особенно, что безъ отца ничего начать не можетъ.

Тогда Верещинскій вспылилъ и закричалъ:

— Владыка холмскій не станетъ посылать королевской грамоты твоему отцу, или просить у тебя уступки; онъ отберетъ это епископство, какъ свое собственное, а ты за то, что не хочешь добровольно уступить, уплатишь 10,000 копъ грошей штрафа. Пропадете вы оба съ отцемъ, такъ какъ пастырь нашъ будетъ твердо настаивать на взысканіи...

Стороны разошлись, а на другой день начался уже формальный штурмъ. 14 сентября, на разсвѣтѣ раздался звонъ колоколовъ

въ „ляцкомъ костелѣ“, а вслѣдъ за тѣмъ заиграли орудія. Было девять пушекъ у Лазовскаго: четыре подкатили подъ епископскую резиденцію, четыре помѣстили въ старостинскомъ замкѣ и одну на плотинѣ. Ядра направлены были на русскій каѳедральный соборъ и на дворецъ владыки, въ которомъ проживала семья Красинскихъ. При звукѣ выстрѣловъ собралось изъ окрестныхъ селъ до полуторы тысячи простаго народа; подохоченный водкой, онъ тѣмъ смѣлѣе шелъ въ огонь съ гаковницами и рушницами, что осажденные защищались слабо. Это былъ настоящій день страшнаго суда: гулъ выстрѣловъ не прекращался до сумерекъ; всѣ, кто жилъ въ епископской резиденціи, попрятались въ погреба, деревянныя строенія обрушились отъ дѣйствія ядеръ; каменная каѳедральная паперть превратилась въ мусоръ; найболѣе пострадали колокольня и украшавшія святыню разноцвѣтныя окна. Василій потерялъ надежду отбить нападеніе, но, что важнѣе, и храбрая его супруга Анна упала духомъ; первый разъ ей пришлось быть въ боевомъ огнѣ. Рѣшили они съ наступленіемъ темноты ночной уйти изъ замка. И дѣйствительно въ два часа ночи, предъ разсвѣтомъ, они безъ шума ушли верхомъ, безъ свиты и слугъ, и направились къ Соколю, родовому имѣнію князей Сокольскихъ, все свое имущество оставляя въ рукахъ непримиримаго врага.

На другой день утромъ новый владыка съ тріумфомъ въѣзжалъ въ свою столицу и вступалъ на престолъ по ступенямъ, обагреннымъ кровію вѣрныхъ, ибо эта своевольная расправа не обошлась безъ жертвъ: во рвахъ замка лежало нѣсколько труповъ, раненныхъ было вдвое больше; но стоны этихъ послѣднихъ заглушались привѣтственнымъ трезвономъ каѳедральныхъ колоколовъ и благодарственными пѣснями за побѣду надъ врагомъ. Понятно, движимое имущество этого врага стало собственностію тріумфатора.

Красинскій подалъ жалобу королю; поднялся гвалтъ, обыкновенный впрочемъ въ эту эпоху. Уже не въ первый разъ пастыри приступомъ добывали свои епископіи. Въ данномъ случаѣ и Сигизмундъ-Августъ очевидно далъ предпочтеніе Лазовскому; онъ и не винилъ его за насильственный захватъ владимірской каѳедры, а только за разрушеніе святыни и ограбленіе Борзобогатаго. Только въ октябрѣ этого-же года, т. е. мѣсяцъ спустя послѣ описаннаго произшествія, прибылъ на Волынь новый королевскій посланецъ,

Янъ Богухвалъ, въ сопровожденіи луцкаго вознаго и нѣсколькихъ слугъ пострадавшаго, и отправился къ Лазовскому. Прибывшіе застали пастыря въ церкви,—это ободрило ихъ; они смѣло отправились въ храмъ въ увѣренности, что въ его стѣнахъ не встрѣтятъ дурнаго пріема. Но они сильно ошиблись въ разсчетѣ: епископъ Ѳеодосій, узнавъ о непріятномъ посѣщеніи, ускорилъ заутреню и съ посохомъ въ рукѣ выбѣжалъ изъ олтаря; тогда Богухвалъ подалъ ему королевское посланіе, но раздраженный владыка оттолкнулъ его и, бросившись на старшаго изъ слугъ Красинскаго, Ермолая Сѣнницкаго, избилъ его до крови, остальныхъ-же троихъ—Севастіана Осинскаго, Василія Костія и Яна Ястрембскаго повалилъ на землю, топталъ ногами, метался въ бѣшенствѣ, а подъ конецъ закричалъ:

— „Если-бы сюда явился самъ Красинскій, то я велѣлъ-бы изрубить его въ куски и бросить собакамъ на съѣденіе"!

Обращаясь-же къ Богухвалу, прибавилъ:

— „Я и не думаю являться „на роки" [1]) не только въ двѣ, но и въ двѣнадцать недѣль; не зачѣмъ мнѣ ѣхать; письмо, которое ты мнѣ показываешь, должно быть поддѣльное, на немъ нѣтъ подписи короля... Уходи-же, чтобъ и тебя не постигло что-нибудь недоброе"...

Этимъ и кончилось дѣло. Могло статься, что Сигизмундъ и не зналъ о сопротивленіи, оказанномъ владыкою, а можетъ быть онъ и зналъ, но молчаливо снесъ обиду; только Лазовскій, не смотря на все безправіе, какое онъ допускалъ, до самой кончины своей, т. е. до 1588 года, возсѣдалъ на владимірской каѳедрѣ.

Все это весьма походитъ на вымыселъ расходившейся фантазіи, и тѣмъ не менѣе все это, отъ начала до конца, истинная правда, даже болѣе,—вполнѣ точная передача содержанія двухъ актовъ, извлеченныхъ изъ книгъ луцкаго гродскаго суда [2]).

Но въ настоящее время намъ нѣтъ дѣла ни до владимірской епархіи, ни до пастыря, распоряжающагося въ ней слишкомъ своевольно; онъ введенъ нами въ разсказъ потому только, что имѣлъ

[1]) Роки—судебные, судебныхъ сессій сроки.

[2]) Акты, относящіеся къ исторіи православной церкви въ юго-западной Россіи. Кіевъ. 1859 г., т. I, ч. 1, стр. 7—15.

столкновеніе съ Красинскимъ, а этотъ послѣдній былъ мужемъ Анны Сокольской, съ похожденіями которой и желаемъ поближе ознакомить нашихъ благосклонныхъ читателей.

Анна, урожденная княжна Сокольская, принадлежала къ обѣднѣвшему и захудалому роду. Сокольскіе вымерли уже въ XVI в.; хотя Несѣцкій утверждаетъ, что въ Литвѣ они превратились въ Сокульскихъ, но намъ кажется это басню [1]). О волынскихъ предкахъ Анны знаемъ немного. Подъ 1518 годомъ находимъ трехъ князей Сокольскихъ: Андрея, Солтана и Юрія. Двадцать лѣтъ спустя, при описи луцкаго замка, выступаютъ съ этою фамиліею еще двое „земянъ“ [2]), Богданъ и Иванъ, оба изъ Соколя, небольшаго сельца, лежащаго въ окрестностяхъ города Луцка; но они владѣли и въ предѣлахъ замка домами, въ которыхъ содержали большое число прислуги, ибо мѣщане жаловались ревизорамъ, что прислуга Сокольскихъ не исполняетъ городскихъ повинностей [3]). Опять другіе три Сокольскіе подписали люблинскую унію: Максимъ изъ Схолинева, Остафій, подсудокъ земскій луцкій, и Маркъ изъ Соколя [4]). Этотъ послѣдній, сынъ вышеназваннаго Солтана [5]), жилъ во второй половинѣ XVI столѣтія и состоялъ посломъ на избирательномъ сеймѣ 1573 года [6]). Онъ былъ родной братъ Анны и часто пособлялъ ей въ спорахъ съ сосѣдями. Кто былъ матерью нашей героини, намъ совершенно неизвѣстно; не можемъ такъ-же сказать, въ которомъ именно году она сдѣлалась женою Василія Борзобогатого-Красинскаго; одно только вѣрно, что въ періодъ только-что описанной борьбы двухъ владыкъ ей было лѣтъ тридцать съ лишнимъ.

Кто-же были Борзобогатые, въ семью которыхъ вступила Анна? —Въ царствованіе Сигизмунда-Августа они начинаютъ уже преобра-

---

[1]) Korona, VIII, 447.

[2]) Земянинъ—владѣлецъ земельной собственности, что давало ему право голоса на сеймахъ,—помѣщикъ.

[3]) Źródła dziejów. V. Przedmowa. стр. XXXI и 61. Памятники, издаваемые временною коммисіею. IV, 2, 146.

[4]) Postanowienia prowinc. sejmików. Стр. 3, 7. 14.

[5]) Жизнь князя Курбскаго. Кіевъ, 1849 г., I, 41.

[6]) Тамъ же, стр. 49.

жаться по типу польской шляхты и получаютъ гербъ „Jelita" [1]), но въ то-же время теряютъ имѣнія. Имъ принадлежала Заборольская волость, расположенная въ луцкомъ уѣздѣ; но они принуждены были отдать ее за долги Малинскому, волынскому маршалку [2]). Въ ихъ владѣніи остался только небольшой клочекъ земли, называвшійся Краснымъ, Красинкомъ или Красникомъ; отсюда и стали они называть себя Красинскими. Въ памятный годъ люблинской уніи въ Рыканахъ жили ихъ родичи или однофамильцы [3]).

Янъ Борзобогатый, какъ самъ себя уже по-польски называлъ, сынъ Яцка, русинъ, обѣднѣвши, выпросилъ себѣ у Боны 1548 года луцкое войтовство, но на немъ состоянія не сдѣлалъ [4]), а семью имѣлъ, именно дочь и двухъ сыновей. Дочь сперва вышла замужъ за Добрыльчицкаго, но вскорѣ развелась съ нимъ и вторично вступила въ бракъ съ Александромъ Журавницкимъ, ключникомъ и городничимъ, а впослѣдствіи старостой луцкимъ. Одинъ изъ братьевъ, Петръ, скончался холостякомъ, а второй, по имени Василій, женился на княжнѣ Аннѣ Сокольской. Послѣдняя не принесла въ приданое мужу ничего, или-же весьма мало принесла; она была совсѣмъ бѣдная дѣвушка и развѣ только ея энергія и готовность дѣлить съ мужемъ хорошую и дурную долю могли снискать ей расположеніе семьи Красинскихъ.

Всѣ надежды представителя этой семьи, т. е. отца, сосредоточились теперь на дочери и на сближеніи, за ея посредствомъ, съ домомъ Журавницкихъ, которые пользовались большимъ почетомъ и обладали не малымъ состояніемъ. Имъ принадлежали тогда Журавницы и Жабокрики; правда, эти имѣнія были у нихъ куплены княземъ Богушемъ Корецкимъ за 4,000 копъ литовскихъ грошей, но случилось это уже значительно позже [5]). Отецъ Александра, мужа Красинской, былъ епископомъ луцкимъ и острожскимъ [6]). Но истинѣ удивительный то былъ владыка! Съ именемъ только „нареченнаго",

---

[1]) Niesiecki. II, 257.

[2]) Памятники, изд. врем. ком. III, 2, 174, 187.

[3]) Postanowienia szlach. prow. sejmików. Стр. 14.

[4]) Polska starożytna, II, 825.

[5]) Архивъ юго-западной Россіи. I, 1, 107.

[6]) Script. rerum polonicarum IV. (Ostatnie Stebelskiego prace), стр. 288.

не принимая посвященія, онъ управлялъ епархіей цѣлыхъ десять лѣтъ, вплоть до самой кончины своей [1]). Естественно, о благосостояніи и процвѣтаніи церкви совершенно не заботился, въ обращеніи съ священниками былъ суровъ; иногда занимался съ ними диспутами; непонятливыхъ билъ кіями, и хотя имѣлъ нѣкоторую начитанность въ книгахъ церковныхъ, но святительскихъ ризъ на себя не возлагалъ; не обращая вниманія на частыя напоминанія кіевскаго митрополита и предостереженія короля, жилъ и умеръ шляхтичемъ и велѣлъ даже похоронить себя въ кунтушѣ.

У этого-то Журавницкаго частенько бывалъ въ гостяхъ Янъ Борзобогатый. Прежде ихъ соединяла дружба, теперь—родство. Владыка горячо любилъ своего старшаго сына, а было ихъ у него четыре. Этотъ первенецъ, полагать должно, найболѣе умѣлъ угодить отцу и жилъ при немъ постоянно, когда прочіе искали хлѣба по бѣлу-свѣту. Красинскій въ свою очередь любилъ единственную дочь больше прочихъ дѣтей, и вотъ любовь къ дѣтямъ соединила отцовъ еще болѣе тѣсными узами. Легко могло статься, что Борзобогатый, насмотрѣвшись на полную довольства, панскую жизнь епископа Марка, или, быть можетъ, по его-же совѣту обратился къ королю съ просьбой пожаловать ему владимірскую епархію, которая оставалася вакантною послѣ недавно умершаго Іосифа. Король принялъ просьбу благосклонно, но скоро пожалѣлъ о своей поспѣшности и обратилъ свою милость на другаго; впрочемъ, и это послужило Борзобогатому въ пользу, такъ какъ онъ, въ видѣ удовлетворенія за вышеописанную обиду, получилъ жидичинскую архимандрію (въ декабрѣ 1569, или-же въ январѣ 1570 года) [2])... Онъ ждалъ терпѣливо, дождался смерти Журавницкаго и втиснулся въ Луцкъ, не смотря на соперничество Андрея Русина, владыки пинскаго. На этотъ разъ перевѣсъ оказался на сторонѣ перваго, такъ какъ теперь помогали ему и сыновья, и племянники,

---

[1]) Назначеніе получилъ 10 января 1561 г. (Жизнь кн. Курбскаго, II, 244).

[2]) Script. rer. polon. 1878. (Ostatnie Stebelskiego prace). Въ спискѣ архимандритовъ слѣдуетъ исправить ошибку (стр. 366). Красинскій сдѣлался жидичинскимъ архимандритомъ не въ 1551 г., но въ 1569 г. (можетъ быть, сейчасъ же послѣ подписанія люблинской уніи). Ѳеофанъ Грекъ былъ только *de jure* пять лѣтъ архимандритомъ, но *de-facto* почти не жилъ въ Жидичинѣ: его выгонялъ оттуда Красинскій, а послѣ его смерти Гедеонъ Балабанъ.

и зять—ключникъ и городничій луцкій, уже давно, за плечами только теперь умершаго отца, хозяйничавшій въ имѣніяхъ епархіи. По канонамъ церкви православной, шансы обоихъ владыкъ были одинаковы: оба они были только „нареченными". Красинскій началъ съ того, что удовлетворилъ требованію митрополита Протасевича: принялъ посвященіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и имя Іоны [1]). Все значитъ было въ порядкѣ. Совершена была инсталяція [2]), а послѣ нея и вводъ во владѣніе имѣніями, приписанными къ епископіи. Бѣднякъ шляхтичъ сдѣлался магнатомъ. Но и его также нимало не занимали судьбы церкви, и онъ также доходы съ имуществъ церковныхъ пряталъ въ свой собственный карманъ или раздавалъ дѣтямъ и родственникамъ.

Въ нашихъ рукахъ имѣются доказательства, что эти доходы были значительны. Луцко-острожская епархія по богатству уступала, правда, владимірской, но ее совершенно невозможно сравнивать съ имѣніями, находившимися въ распоряженіи латинскихъ епископовъ, управлявшихъ католическою церковью въ украинскихъ діецезіяхъ. Красинскому принадлежали каѳедральный соборъ въ луцкомъ замкѣ, построенный еще великимъ княземъ Любартомъ, каѳедральная церковь въ Острогѣ, церковь св. Владиміра во Владимірѣ,—всѣ обезпеченные значительными доходными статьями, да сверхъ того четыре мѣстечка и тридцать четыре села, разбросанныя по двумъ смежнымъ уѣздамъ—луцкому и владимірскому.

И чего тутъ недоставало человѣку, хотя бы даже привыкшему къ большимъ удобствамъ? Прекрасная резиденція въ верхнемъ луцкомъ замкѣ, въ которой владыка проводилъ зиму; здѣсь удобно было отсидѣться отъ нападеній и опасностей, здѣсь именно, за замковыми дверями, хранилъ онъ болѣе цѣнныя свои сокровища. Наиболѣе красивымъ дачнымъ мѣстомъ было Ружище, неподалеку отъ города. Еще князь Любартъ, строитель соборной церкви во имя Іоанна Богослова, отписалъ Ружище на содержаніе владыкъ на вѣчныя времена, и возлѣ села бобровые гоны надъ Стыромъ, съ пущами и лѣсами, сверхъ того селенія Жолобовъ, Чудинъ, Теремецъ, Ры-

[1]) Акты, относящіеся къ исторіи правосл. церкви. Стр. 29.

[2]) Инсталяція—офиціальный актъ опредѣленія на должность.

ловъ-Боръ,—вообще говоря, прекрасный, всѣмъ изобилующій кусокъ земли [1]).

Именно здѣсь поселился новый пастырь, въ обширномъ изъ дерева modrzew дворцѣ; здѣсь была у него домовая церковь, богатая дорогою утварью; здѣсь даже подписалъ онъ актъ люблинской уніи, доставленный ему сюда королевскимъ дворяниномъ Вольскимъ, такъ какъ самъ лично по болѣзни не могъ явиться въ городъ [2]). И одинъ-ли онъ не явился по приглашенію? Чуть-ли не всякій волынскій панокъ ждалъ, пока ему принесутъ этотъ документъ на домъ; несчастный Вольскій рыскалъ по Волыни въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока собралъ эти подписи.—Далѣе, кромѣ Ружищъ съ окрестностями, луцко-острожскому владыкѣ принадлежали еще два оборонительные небольшіе замки, выстроенные въ принадлежащихъ епископіи мѣстечкахъ: одинъ въ Харлупѣ, другой въ Жабчѣ. Первый изъ нихъ, подаренный Свидригайломъ, расположенъ былъ на возвышенности, окруженъ крѣпкою стѣною съ бойницами и, во время перехода его во владѣніе Красинскаго, имѣлъ достаточное количество амуниціи: три литыя и двѣ желѣзныя пушки, въ цехгаузѣ 20 гаковницъ, 56 ружей, порохъ, ядра и пули; селенія же Покощевъ, Бакоринъ и Новоселка поставляли нужное число способныхъ къ оборонѣ людей. Замокъ въ Жабчѣ высматривалъ еще красивѣе, былъ бо́льшихъ размѣровъ и на случай обороны имѣлъ пять орудій, пятьдесятъ гаковницъ и сто двѣнадцать ружей. Впрочемъ владыка Іона засталъ здѣсь своего затя Александра Журавницкаго, сына предшественника Красинскаго, засталъ и оставилъ его въ той-же волости безплатнымъ арендаторомъ, прибавивъ ему еще два села: Губинъ и Колодіевъ. Журавницкіе уже привыкли къ владѣнію этою мѣстностью; переходила она отъ дѣда—епископа къ отцу—старостѣ, отъ отца къ сыновьямъ, такъ что одинъ изъ этихъ послѣднихъ, Маркъ, луцкій старостичъ, считалъ ее уже своею собственностію и, когда Кириллъ Терлецкій, сдѣлавшись луцкимъ епископомъ (1585 г.), силою выгналъ оттуда Марка, этотъ послѣдній жаловался на Кирилла въ судъ, какъ на грабителя [3]). Но, пока

[1]) Акты, относящіеся къ исторіи правосл. церкви. Стр. 206.

[2]) Postan. szlach. prowin. sejmików. Стр. 14.

[3]) Акты къ ист. правосл. церкви. Стр. 197.

это случилось, Александръ былъ самовластнымъ господиномъ въ Жабчѣ, какъ и въ родовомъ своемъ Блудовѣ. Такимъ-же точно образомъ найстаршій сынъ Красинскаго, Василій, хозяйничалъ во всѣхъ епархіальныхъ имѣніяхъ, наблюдая одновременно и за доставшимся ему въ наслѣдство Красникомъ.

Такъ сложились отношенія въ луцко-острожской епископіи къ концу 1570 года.

Собственно говоря, ни епископъ Красинскій, ни сынъ его Василій, ни даже зять его, ключникъ и городничій луцкій, не управляли епископіей: всѣмъ распоряжалась здѣсь Борзобогатая, жена Василія, женщина желѣзнаго характера, буйнаго нрава, обладавшая всѣми достоинствами и недостатками свойственными *непрекрасной* половинѣ человѣческаго рода. И дѣйствительно, ничего не было женственнаго въ этой волынской амазонкѣ: заѣзды и тяжбы поглощаютъ все ея время; не хватаетъ у ней свободной минуты на ласки для дѣтей, а потому она возитъ ихъ за собою, они сопутствуютъ ей въ походахъ на сосѣдей и настолько успѣшно воспитываются въ этой школѣ, что, едва достигши юношескаго возраста, помогаютъ матери въ ограбленіи крестьянъ, населяющихъ епископскія земли, участвуютъ въ схваткахъ съ Курбскимъ, Пронскимъ, Бокіями и даже съ княземъ Острожскимъ, который является здѣсь правительственнымъ лицомъ, какъ маршалокъ Волыни и королевскій делегатъ.

Слѣдуетъ признать, что это была незаурядныхъ способностей женщина, ибо она съумѣла сгруппировать вокругъ себя людей вліятельныхъ. Прежде всего она подчинила себѣ мужа. Панъ Василій, обладавшій только однимъ, да къ тому-же безсодержательнымъ титуломъ королевскаго секретаря, былъ надежнымъ и вѣрнымъ въ рукахъ жены орудіемъ. Мужнинымъ отцемъ еще легче было завладѣть: старый, изжившійся, до страсти любившій пирушки и удобства жизни, онъ легко поддавался вліянію каждаго, кто только могъ ему обезпечить все это; Анна заботилась о тестѣ, а потому пользовалась у него большимъ значеніемъ; по ея старанію младшій братъ ея мужа, Петръ, получилъ отъ отца въ безплатную аренду жидичинскую архимандрію, шурину Журавницкому она обезпечила Жабче, и вотъ сторонники уже готовы; если-же сюда прибавимъ

еще нѣсколькихъ родственниковъ, людей чѣмъ либо обязанныхъ, пріятелей, то получится довольно внушительная партія.

Какимъ однако образомъ выработался въ женщинѣ столь несвойственный ея полу характеръ? И на этотъ вопросъ легко найти отвѣтъ, стоитъ только внимательнѣе присмотрѣться къ тогдашнему волынскому обществу, ближе познакомиться съ окружавшей Анну средой. Весьма интересно, хотя и не совсѣмъ пріятно это изслѣдованіе; но такъ какъ безъ него нашъ разсказъ былъ-бы не полонъ, то мы сдѣлаемъ это хотя вкратцѣ, ибо послѣ того намъ легче будетъ понять воинственныя и сутяжническія наклонности Василевой Красинской.

Волынь въ половинѣ XVI столѣтія пользовалась можетъ быть большею свободой, чѣмъ остальныя провинціи Рѣчи-Посполитой; это было какъ бы удѣльное княжество, съ немалымъ числомъ князей, соединенное съ Литвой только слабыми административными узами, зависимое отъ короля лишь на столько, на сколько этотъ послѣдній былъ великимъ княземъ литовскимъ не только *de jure*, но и *de facto*,—слѣдовательно, почти совершенно независимое. Жители этого уголка не знали, что дѣлать со своею свободой: ея было столько, что, на подобіе пѣнистаго напитка, она проливалась черезъ край, а проливаясь нерѣдко переходила въ своеволіе.

Русины по крови и кости, порвавши связь съ давними традиціями, они не успѣли еще приспособиться къ новому порядку жизни; извѣстно, какъ надменно принимали они королевскихъ посланцевъ, какъ пренебрежительно относились къ люстраторамъ, осматривавшимъ замки въ 1545 году, какъ потомъ, значительно позже, послѣ люблинской уніи, могущественный и энергичный Стефанъ Баторій не былъ въ состояніи укротить дерзкаго своеволія нѣкоторыхъ „земянъ“ и даже „земянокъ“ волынскихъ.

И не мало ихъ и было: однихъ княжескихъ родовъ было около тридцати; большинство изъ нихъ уже сходило со сцены, бѣднѣло, но и до могилы не оставляло прежняго высокомѣрія. Пріобрѣтали силу и значеніе: коширскіе и ковельскіе Сангушки, Вишневецкіе, Чарторыжскіе, Заславскіе, Четвертинскіе, Пронскіе, Корецкіе, а надъ всѣми возвышался славный родъ Острожскихъ; по состоянію громаднымъ значеніемъ пользовались вымирающіе Гольшанскіе. Но въ гордости не уступали предъидущимъ и „ходачковые“ князья,

какъ напр.: Порицкіе, Курцевичи, Крокотки, Козики, Ероговицкіе, Дубровицкіе, Воронецкіе, Соколинскіе, Любецкіе, Ружинскіе, Масальскіе, Острожецкіе, Соломерецкіе, Велицкіе, Боремельскіе и Землицкіе. Подлѣ нихъ, на территоріи трехъ волынскихъ замковъ, группировалось сто съ лишнимъ шляхтичей средней руки, въ числѣ которыхъ были и финансовые потентаты, какъ напримѣръ: Загоровскіе, Сенюты, Гойскіе.

О колонизаціи польской шляхты еще не было рѣчи въ это время; королевскіе ревизоры внесли въ списки только одну чистокровную польскую семью, именно Стадицкихъ, поселившихся во владимірскомъ уѣздѣ.

Восточная церковная обрядность господствовала въ полной силѣ; король ей покровительствовалъ, духовенство пользовалось большими преимуществами, а высшіе сановники церкви—громадными имѣніями. Но, вообще говоря, клиръ стоялъ довольно низко: низшіе чины—малограмотные, темные, „омужичившіеся" (schłopiały), а въ верху—владыки проникнутые болѣе рыцарскимъ, чѣмъ религіознымъ духомъ. А потому справедливо замѣчаетъ Бартошевичъ, что „церковь упала; управлялъ ею, кто хотѣлъ; русскіе паны находящіеся въ ихъ имѣніяхъ монастыри обратили въ староства, о службѣ Божьей не заботились" [1]). Дошло до того, что эти паны испрашивали себѣ у короля епископства, не получивъ еще посвященія въ духовный санъ; подобный владыка конечно не заботился о поднятіи подвластнаго ему духовенства; напротивъ, темные священники были ему на-руку, такъ какъ ихъ легче было обдирать безнаказанно.

Вотъ почему съ такою легкостью принялось здѣсь новаторство; ему помогалъ индиферентизмъ мѣстныхъ жителей.

При такихъ обстоятельствахъ и общественная и семейная жизнь имѣли видъ далеко не привлекательный. Мы готовы были-бы сказать, что подражаніе западу дало здѣшней женщинѣ слишкомъ много свободы, если-бы у насъ не было доказательствъ, что женщина на Волыни несравненно раньше пользовалась черезъ-чуръ большой свободой; она была окружена почетомъ, чуть-ли не поклоненіемъ, имѣла доступъ на совѣщанія, раболѣпно, съ покорностью ее слу-

[1]) Encyklop. powszechna. XV, стр. 963.

шали,—все это въ концѣ концевъ отозвалось ущербомъ на ея нравственной сторонѣ. Отсюда разводъ сдѣлался обыкновеннымъ явленіемъ, что доказываетъ расшатанность семейныхъ основъ. Эти разводы, какъ уже было сказано ранѣе, получались судебнымъ порядкомъ, помимо церкви: неудачно подобранная пара поправляла дѣло въ судѣ; иногда не обращались и къ посредничеству суда: супруги при свидѣтеляхъ выдавали другъ другу акты развода или „роспуста", и тѣмъ кончалось дѣло.

Не думайте, впрочемъ, что это были исключительныя явленія; въ доказательство приведемъ здѣсь нѣсколько такихъ случаевъ, которые имѣли мѣсто въ средѣ, окружавшей Анну Борзобогатую,—чуть-ли не съ ея сверстницами и сосѣдками. Прежде всего нужно упомянуть о Маріи Красинской, родной сестрѣ мужа пани Василевой: вступивъ въ бракъ съ Яцкомъ Стуковичемъ Добрыльчицкимъ, жила она съ нимъ нѣсколько лѣтъ, а можетъ и десятки лѣтъ; у нихъ было уже четверо дѣтей—двѣ дочери и два сына. Но вотъ женщинѣ подвернулся на глаза Александръ Журавницкій; начала капризничать, доходить до ссоры, затѣмъ до развода, который и совершился въ 1564 году передъ рѣшеткою луцкаго суда: „поелику Богу угодно было, говорится въ соглашеніи, за грѣхи наши порвать брачныя наши узы, то, преклоняясь предъ волею Божіею, дозволяю пану Яцку жениться, на комъ захочетъ, а я также вольна выйти замужъ по желанію". Сыновей взялъ отецъ, дочери остались при матери, и—дѣлу конецъ. Не забудьте, что этотъ разводъ происходилъ въ семьяхъ владыкъ: владимірскаго Іоны Красинскаго и луцкаго Марка Журавницкаго; обязанностью ихъ было охранять каноны церкви, хотя-бы даже съ ущербомъ для близкихъ имъ, и однако они не только не протестовали противъ новаго союза, но не безъ радости благословили оный [1]). Еще болѣе интересенъ случай съ Василіемъ Загоровскимъ, каштеляномъ брацлавскимъ и городничимъ владимірскимъ: этотъ богатый и образованный панъ женился было на Марусѣ Збараской; имѣлъ отъ нея дѣтей, но не имѣлъ счастья, разошлись поэтому въ силу частнаго „роспуста"; Маруся не искала уже лучшей доли въ новомъ бракѣ, а онъ вторично вступилъ въ

[1]) «Русская Старина», 1880 г., XI, 561. — Жизнь Курбскаго. I. Предисловіе, стр. XVII.

бракъ съ княжною Катериною Чарторижскою, отъ которой имѣлъ двухъ сыновей. Отецъ попалъ въ руки татаръ, четыре года провелъ въ плѣну и умеръ среди варваровъ въ тоскѣ по родинѣ. Тогда жены заводятъ между собою процессъ объ имуществѣ: одна другой доказывала незаконность брака съ покойникомъ; много шума и соблазна произвелъ этотъ процессъ. По канонамъ церкви право было на сторонѣ Збараской, но духовный судъ, подъ предсѣдательствомъ Ѳеодосія Лазовскаго, тогдашняго владимірскаго епископа, рѣшилъ дѣло въ пользу Чарторижской; впрочемъ, обѣ женщины до смерти называли себя по фамиліи супруга [1]). И съ княземъ Курбскимъ, поселившимся въ ковельскомъ староствѣ, случилась такая-же исторія: женился онъ на Маріи Гольшанской; но скоро супруги разошлись; изгнанникъ вторично пригласилъ къ совмѣстной жизни Александру Сѣмашковну; тогда первая стала ему надоѣдать продолжительнымъ процессомъ, который окончился только со смертью пришельца [2]).

Легкость полученія развода вела за собою деморализацію, и намеки на это проглядываютъ даже въ актахъ тогдашнихъ судовъ, хотя сдѣлки о разводахъ принимались къ записи въ судахъ весьма неохотно. Правда, законъ строго наказывалъ супружескую невѣрность и еще строже распутство женщины, несвязанной таинствомъ брака; но законъ, очевидно, имѣлъ силу лишь для темнаго люда; въ слояхъ высшихъ можно было безнаказанно грѣшить,—деньги и связи обезпечивали снисходительность. Вотъ, для примѣра, хотя-бы таже, только-что упомянутая Марія Гольшанская: трижды возобновляла она супружескія связи—первый разъ съ Монтолтомъ, второй съ Тышкевичемъ-Козинскимъ и третій разъ съ княземъ Курбскимъ; отъ перваго брака имѣла двухъ сыновей, взрослыхъ уже юношей въ ту пору, когда сама съ московскимъ выходцемъ стояла на вѣнчальномъ коврѣ; отъ втораго супружества осталась у нея дочь, въ то время уже замужняя... Пожилая, должно полагать, была женщина; на это указываютъ практиковавшіяся сю набожныя привычки: шагу не дѣлала она изъ дому безъ алтарика, искусно

---

[1]) «Русская Старина», 1880 г., XI, 568.—Акты, относящіеся къ исторіи правосл. церкви. Стр. 165—181.

[2]) Жизнь кн. Курбскаго, I, 234.

вырѣзаннаго изъ кипарисоваго дерева и заключавшаго въ себѣ мощи и изображенія святыхъ угодниковъ; всегда носила съ собой евангеліе въ изящномъ переплетѣ, псалтирь, октоихъ, сборникъ,— словомъ цѣлую духовно-нравственную библіотеку [1]); но, рядомъ съ этими святостями, нашелъ доступъ къ сердцу набожной женщины молодой воспитанникъ ея, Жданъ Мироновичъ, исправлявшій при ней обязанности секретаря. Вступивъ въ бракъ съ княземъ-выходцемъ, вмѣстѣ съ громаднымъ приданымъ она ввела въ домъ его, какъ особо важную часть инвентаря, и своего фаворита. Можно себѣ представить, какую жизнь уготовила несчастному человѣку; не даромъ онъ жалуется, что судьба его бросила „межъ людей черствыхъ и весьма негостелюбивыхъ“ [2]). Впрочемъ, за этотъ адъ онъ отплачивалъ супругѣ съ наддачей: держалъ ее по восточному обычаю подъ замками, часто пускалъ въ дѣло кулаки... Однако, не могъ одолѣть сыновей своевольной жены, молодыхъ Монтолтовъ: забавлялись они грабежами и разбоемъ, принялись было и за князя; послѣдній вынужденъ былъ выпустить ихъ мать изъ заключенія [3]). А старуха, хотя и припрятывала въ кровати „мѣшечекъ, наполненный пескомъ, конскимъ волосомъ и другими чарами“ [4]), съ цѣлію будто пробудить въ мужѣ расположеніе къ себѣ, никогда однако не забывала Ждана: онъ оставался при ней до конца, закрылъ распутницѣ глаза и заслужилъ признательное упоминаніе въ завѣщаніи вдовы по трехъ мужьяхъ, приплащенное записью 200 копъ грошей литовскихъ [5]). И другая жена Курбскаго, Александра Сѣмашковна, по смерти князя, утѣшала себя, выдавая балы, на которыхъ безобразничала съ „товарищами польскихъ хоругвей“, квартировавшихъ въ окрестности Миляновицъ [6]). Что ужъ... Анна Зелинцинская, урожденная Монтолтъ, созналась публично въ судѣ, что позволила себя увезти (wykraść) прежде рядовому Ковнацкому, а второй разъ гайдуку Андрюшкѣ Манькү... Эта веселая и своевольная женщина утверждала, что ее подговаривали къ этому дво-

[1]) Жизнь кн. Курбскаго, I, 160.

[2]) Жизнь кн. Курбскаго, II, 303.

[3]) L. c. I, предисловіе, стр. XIII. Księga grodzka-łucka, листъ 37.

[4]) L. c. I, 95.

[5]) L. c. I, 274.

[6]) L. c. I, 256.

юродные братья, сыновья княгини Гольшанской; даже болѣе, наивнѣйшимъ образомъ созналась, что хотѣла отравить мужа, подмѣшивая къ его купаньямъ порошокъ, приготовленный изъ высушенной черной ящерицы... и послѣ всего этого волосъ съ головы ея не палъ... Подумаете конечно, что мужъ заточилъ невѣрную въ монастырь, пожалуй меньше, выгналъ изъ дому?... Совсѣмъ нѣтъ! Приголубилъ ее, обласкалъ, съ покорностію просилъ, чтобы его въ третій разъ не бросала [1]). Наивность, доведенная до крайнихъ предѣловъ! По истинѣ, въ этой плеядѣ распутницъ мужья имѣютъ видъ жертвъ, не возбуждающихъ, впрочемъ, сочувствія къ себѣ...

Если Анна Красинская, постоянно вращаясь въ обществѣ женщинъ, немногимъ отличавшихся отъ веселыхъ виндзорскихъ кумушекъ, не пошла по той-же дорогѣ, за то тѣмъ съ большимъ увлеченіемъ устремилась по пути сутяжничества и грабительства... кстати и здѣсь она имѣла образцы для подражанія, хотя, къ счастію, не съумѣла поравняться съ ними. Все время хозяйничанья Анны въ луцко-острожской епископіи тянулась ссора между дочерьми князя Гольшанскаго, на столько постоянная, что сдѣлалась общеизвѣстною, и на столько задѣвшая самолюбія людскія, что изъ-за нея забывались нерѣдко обязанности относительно края. Это—весьма интересная, характеризующая эпоху исторія, а потому для полноты картины сообщимъ ее вкратцѣ.

Князь Семенъ Юрьевичъ Гольшанскій, женатый на Сангушковнѣ, умирая въ 1558 году, громадныя свои имѣнія оставилъ пяти дочерямъ, такъ какъ не было у него мужескаго потомства.

По завѣщанію все имущество раздѣлено было между наслѣдницами по-ровну: Марія получила половину Дубровицы и 11 селъ; Анна, средняя—вторую половину Дубровицы и 17 селеній; остальныя три сестры получили соотвѣтственныя части. Старшая, какъ извѣстно, имѣла трехъ мужей (Монтолта, Тышкевича и Курбскаго), изъ которыхъ первые два надѣлили ее значительными имѣніями; вторая вышла за Олизара Кердея Мыльскаго. На сколько мужъ этой послѣдней былъ спокойнымъ человѣкомъ и покорнѣйшимъ слу-

---

[1]) Жизнь кн. Курбскаго, I, 182—189.

гою своей жены, на столько сама она пылала тщеславіемъ, завистью и жаждою стяжанія. Сестру она никогда не любила и прежде, что-жъ теперь, когда та получала наслѣдство за наслѣдствомъ и хотя не особенно наблюдала за ходомъ хозяйства, но, по особому счастью, наживала несмѣтныя богатства.

Дѣйствительно, болѣе чѣмъ состоятельна по тѣмъ временамъ была Марія, урожденная княжна Гольшанская; для доказательства достаточно привести длинный списокъ драгоцѣнностей, которыя вмѣстѣ съ земельными имѣніями, принесла она третьему своему мужу. Величественный видъ имѣлъ поѣздъ немолодой возлюбленной, когда она переѣзжала въ Милановицы къ мрачному изгнаннику-мужу. Впереди въ коляскѣ, запряженной шестерней, сидѣла сама госпожа, окруженная тридцатью придворными; за ней слѣдовали двѣ небольшія коляски, обитыя внутри лунскимъ [1]) сукномъ, рыдванъ [2]), обитый внутри алымъ сукномъ (шарлахомъ), длинный рядъ возовъ, наполненныхъ драгоцѣнностями: на первомъ находился желѣзный сундукъ, въ которомъ хранились ожерелья, цѣпи, золотыя манели [3]), украшенныя рубинами, алмазами и сапфирами, кольца, серьги и другія украшенія; на второмъ возу—буфетъ (kredens), а въ немъ масса серебрянныхъ, вызолоченныхъ кубковъ различной величины, изящной нюренбергской работы,—кружекъ, поставцевъ, чарокъ и „рострухановъ", всего пятьдесятъ четыре штуки, ложекъ золоченныхъ и украшенныхъ искусною рѣзьбой четыре дюжины, солонки, тарелки, блюда и т. д. Далѣе, сундукъ съ гербами и документами на отдѣльномъ возу. На слѣдующихъ возахъ: цинковая посуда, выписанная изъ Англіи, погребцы, коробки, ящики съ данцигскими фляшками различной величины; кухня, снабженная всякою посудою и другими принадлежностями, приспособленная ко всѣмъ кулинарнымъ требованіямъ того времени; гардеробъ самой хозяйки и наконецъ возъ со всѣми святостями—алтарикомъ, иконами, молитвенниками и богослужебными книгами; вокругъ этого воза толпилась дворня, преимущественно женская прислуга, состоящая изъ разнаго рода швей. Поѣздъ замыкалъ вооруженный отрядъ гайдуковъ, чисто

---

[1]) Лунское сукно или лундышъ—обыкновенное, недорогое сукно.

[2]) Рыдванъ—большая, длинная телѣга съ кибиткою.

[3]) Манель—браслетъ.

и красиво одѣтыхъ. Въ колясках, возахъ, подъ всадниками, составлявшими милицію, кони красивые, на подборъ, собственныхъ заводовъ; княгиня любила лошадей и имѣла два конскихъ завода: одинъ въ Дубровицѣ въ 296, другой въ Болтеницѣ въ 252 головы, а въ обоихъ однихъ матокъ было 135, все породистыхъ, славившихся по всей Волыни [1]).

Такія богатства и роскошь возбуждали сильную зависть въ Мыльской, значительно менѣе состоятельной, чѣмъ ея сестра; она и не скрывала своей ненависти къ Маріи, и какъ у нихъ были счеты по дубровицкому имѣнію, находившемуся въ ихъ общемъ владѣніи, то нетрудно было дойти до судебнаго процесса и вооруженнаго, по тому времени, столкновенія; въ томъ и другомъ жена Кердея доказала свою желѣзную настойчивость. Споры по имѣніямъ начались вскорѣ послѣ смерти отца, но только спустя 18 лѣтъ полюбовный судъ рѣшилъ дѣло въ пользу Курбской. Судьями были: Александръ Чарторижскій, волынскій воевода, и Гаврило Бокій Печихвоскій; послѣ тщательной провѣрки счетовъ, они пришли къ заключенію, что Анна Мыльская должна уплатить сестрѣ 3,000 копъ грошей [2]) литовскихъ, а такъ какъ она не въ состояніи была уплатить этой суммы, то присудили Курбской другую половину Дубровицы. Дѣло пошло на утвержденіе короля; тѣмъ временемъ Мыльская вмѣстѣ съ мужемъ понукала заѣздами сестру, а сыновья этой отъ перваго брака, извѣстные нахалы Монтолты, мстя за мать, выдѣлывали теткѣ всякія проказы (figle płatali)...

Дошло до того, что взбѣшенная Анна дѣлала по дорогамъ засады на Курбскую; 1570 года, на челѣ вооруженнаго отряда, она напала на сестру и ограбила ее дочиста, причемъ не обошлось безъ раненыхъ и убитыхъ... Двѣ разъяренныя женщины боролись между собою съ необычайнымъ озлобленіемъ: три сосѣдніе уѣзда— луцкій, владимірскій и пинскій сдѣлались ареною ихъ печальныхъ подвиговъ. Жители съ любопытствомъ смотрѣли на эти довольно многочисленные отряды всадниковъ, снующіе по дорогамъ и бросающіеся въ огонь по мановенію закованной въ сталь женщины:

---

[1]) Жизнь кн. Курбскаго, I, 182—189.

[2]) Копа грошей литовскихъ во второй половинѣ XVI столѣтія составляла цѣнность отъ 3 р. 75 коп. до 3 р. 35 коп.

Мыльская всегда выступала въ походъ въ панцырѣ; бѣдный сельскій людъ покорно сносилъ постои ошалѣлой и безпардонной барыни, выбирала-же она пункты для остановокъ, какъ-бы уполномочена была на это правительственными чинами и какъ будто-бы эта шайка вооруженныхъ людей явилась сюда для защиты страны, а не для защиты личныхъ интересовъ одной только женщины, неумолимой въ гнѣвѣ и до бѣшенства отважной, такъ отважной, что даже внушительный и храбрый конвой князя Курбскаго избѣгалъ встрѣчи съ нею...

Наконецъ Стефанъ Баторій утвердилъ рѣшеніе третейскаго суда и написалъ длинное письмо къ Кердею и его супругѣ, рекомендуя имъ уступчивость и примиреніе. Но не скоры были эти люди на уступки: Кердей, какъ-бы въ отвѣтъ на королевское письмо, подалъ жалобу на Чарторижскаго и Бокія, обвиняя ихъ въ пристрастіи, Мыльская-же попрежнему не переставала понукать сестру. Съ поля бранныхъ подвиговъ дѣло перешло предъ форумъ мѣстныхъ судовъ; жалобъ, исковъ, протестовъ образовался изрядный архивъ; въ регистрѣ, составленномъ княгинею Курбскою, они даютъ солидную цифру, превышающую двѣсти двадцать номеровъ—и все это за одинъ лишь годъ [1]).

Только смерть одной изъ сестеръ положила конецъ соблазнительной ссорѣ.

Итакъ, Анна Красинская имѣла предъ собою примѣръ, а что она была ученицею понятливою, въ этомъ читатель убѣдится, если пожелаетъ дослушать разсказъ нашъ до конца.

И хозяйничать въ епископскихъ имѣніяхъ она легко могла научиться раньше, чѣмъ самой пришлось примѣнять эту науку въ владычествѣ луцко-острожскомъ. Мы знаемъ, что тесть ея сталъ епископомъ владимірскимъ еще въ 1563 г. послѣ смерти Іосифа, который тоже дѣлалъ много злоупотребленій. Покойникъ любилъ Борзобогатыхъ и позволилъ имъ не только проживать въ селахъ, принадлежавшихъ къ епископскимъ имѣніямъ, но и пользоваться доходами съ нихъ, на что даже подавались жалобы королю еще 1551 года [2]). Два года сидѣлъ Красинскій на владимірскомъ престолѣ,

---

[1]) Жизнь кн. Курбскаго. I, 152—156.

[2]) Bartoszewicz. Encyklop. powszechna. XV, 963.

неустанно пируя со шляхтою. Хотя онъ и не былъ богатъ,—любилъ однако удобства, да и семья у него была не малая. На первыхъ порахъ какъ-то не дошло до того, чтобы невѣстка взяла на свои плечи всѣ дѣла по дому. Но когда владыка, возвращаясь однажды изъ Янушполя отъ княгини Анны Острожской, осенью 1563 года, на дорогѣ между Плисовкою и Дедеркалами встрѣтился съ московскимъ выходцемъ, Владиміромъ Заболоцкимъ, и задрался съ нимъ (кажется, оба они были немного подъ хмѣлькомъ), когда разсвирѣпѣвшій бояринъ бросился на владыку, разрубилъ его гайдука, другихъ изранилъ, а сына Василія и племянника Степана взялъ въ плѣнъ, захвативъ при этомъ шкатулку епископа съ 500 таллеровъ и 200 червонцевъ, какъ трофеи побѣды [1]); тогда Анна, видя, что дѣло плохо, что все состояніе тестя въ одно мгновеніе погибло, объявила, что управленіе имѣніями беретъ въ свои руки. Однако-же весьма медленно принималась за приведеніе дѣлъ епископіи въ порядокъ; не успѣла еще оглянуться вокругъ себя, какъ уже епископъ Ѳеодосій Лаговскій выгналъ ее вмѣстѣ съ мужемъ изъ Владиміра.

Пришлось опять возвращаться въ Красникъ, бѣдную, едва хватающую на содержаніе деревушку; тесть проживалъ то въ жидичинскомъ монастырѣ, то у княгини Острожской, то у Збараской, то у владыки Журавницкаго; братъ мужа тоже шатался по свѣту... даже мужъ часто уходилъ изъ дому. Женщина, оставленная самой себѣ, пережила не одну горькую минуту. Сыновья приходили въ возрастъ, а тутъ неначто снарядить ихъ въ свѣтъ; нищета глядитъ въ глаза, а чрезъ межу, какъ-бы для издѣвательства,—узурпаторъ, ибо такимъ въ глазахъ Анны былъ владыка Лазовскій, безнаказанно тянувшій въ свою пользу всѣ доходы епархіальныхъ имѣній... Что онъ грабилъ по дорогамъ „по райтарскому обычаю",—это малость; кто-же въ эту эпоху, особенно на окраинахъ, не отстаивалъ подобнымъ способомъ своихъ правъ? Но ограбленіе церквей своей епархіи онъ первый довелъ до такой степени, онъ первый сталъ выжимать изъ всего доходы съ подобною жадностью. И вотъ, когда старикъ Красинскій, по смерти Марка Журавницкаго, занялъ луцкоострожскую каѳедру, невѣстка сейчасъ-же взяла въ свои руки бразды правленія и въ теченіи пятнадцати лѣтъ была самовластною гос-

---

[1]) Жизнь кн. Курбскаго. II, 243—255.

пожею въ епархіи, подражая во всемъ своему сосѣду и не обращая никакого вниманія на жалобы и протесты духовенства и на королевскія напоминанія.

Сдѣлавшись распорядительницею имѣній епархіи, Анна оглянулась кругомъ. Жабче съ окрестностями, составлявшее треть епископскихъ имѣній, находилось въ безплатной арендѣ у шурина ея, ключника и городничаго луцкаго, Журавницкаго; поэтому пани Василева избрала другое мѣсто жительства, именно Харлупу. И здѣсь плодородная земля, и здѣсь изрядное ея количество, благоустроенныя деревни и много людей; но все это—чужое, рано или поздно, со смертью тестя придется передать его преемнику, а потому она исподоволь принялась за очищеніе харлупскаго замка отъ наиболѣе цѣнныхъ его принадлежностей, какъ цейхгаузъ, пушки, всякаго рода оружіе. А потомъ, когда ея сосѣдъ князь Радзивиллъ, съ цѣлью округленія своихъ владѣній, предложилъ обмѣнъ харлупскихъ имѣній на двѣ деревушки — Фамиличе и Иванчицы, Анна охотно согласилась на это, съ условіемъ, что покупатель исходатайствуетъ королевскую привилегію, подверждающую эту сдѣлку и... передастъ въ руки ея, пани Василевой, 1,500 золотыхъ. И то, и другое было исполнено княземъ: король Генрихъ, „яко подавца, фундаторъ и обронца хлѣба духовнаго", согласился на обоюдное желаніе сторонъ, а епископъ Іона особымъ документомъ скрѣпилъ ихъ договоръ, а какъ подобныя сдѣлки не дѣлались безъ свидѣтелей, то пригласилъ въ свидѣтели повѣтовыхъ чиновниковъ, членовъ собственной многими родственными узами связанной семьи. Первое мѣсто между ними занималъ ключникъ и городничій луцкій, Александръ Журавницкій, зять епископа; второе — мостовничій Иванъ Борзобогатый, племянникъ и сборщикъ „мостового" вмѣстѣ; третье—владимірскій войскій, Василій Гулевичъ, женатый на внучкѣ владыки; наконецъ Маркъ Солтановичъ Сокольскій, родной братъ невѣстки. Происходило это въ 1574 году [1]).

Съ тѣхъ поръ Борзобогатые уже постоянно жили въ Красномъ, неусыпно заботясь объ увеличеніи состоянія; и дѣйствительно,

[1]) Акты, относящіеся къ исторіи правосл. церкви. 40 и 209.

вскорѣ пріобрѣли два села: Кольнатычи и Ставровъ [1]). Ихъ дѣла шли хорошо, тѣмъ болѣе, что отецъ, желая прійти въ помощь дѣтямъ, притѣснялъ духовенство, налагалъ на него „значные податки", а когда нѣкоторые изъ священниковъ не хотѣли или не могли исполнить его требованій, преспокойно закрывалъ церкви, въ которыхъ обязанности приходскихъ пастырей исполняли неисправные священники, и до такой степени простеръ свою безцеремонность, что въ 1583 году, въ одномъ Луцкѣ, въ семи церквахъ разомъ прекратилъ богослуженіе [2]). Дѣлалось-ли это съ вѣдома Анны,—доискаться въ актахъ невозможно, хотя не надо забывать, что Іона Красинскій въ это время былъ старцемъ немощнымъ, значитъ, вполнѣ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ семьи.

За-то въ спорѣ съ Курбскимъ главная секретарша съиграла знатную роль, даже болѣе—учинила *батагію* съ Стефаномъ Баторіемъ, разумѣется, только чрезъ „прокурацію" [3]), и изъ этой войны вышла побѣдительницею.

Увы! Изъ лавровъ, вѣнчавшихъ короля-героя, мы принуждены изъять одинъ листикъ, но—историческая правда важнѣе всего.

Князь Курбскій уже издавна тягался съ Красинскими: захватилъ Туличевъ, принадлежавшую имъ деревушку, и не хотѣлъ возвратить, не смотря на письма короля, предписывавшія повиновеніе обязательнымъ въ краѣ законамъ [4]). Теперь въ свою очередь Василій Борзобогатый задѣлъ князя-выходца: поводъ къ ссорѣ, какъ обыкновенно, былъ ничтожный, но распря вышла долгая и горячая.

Дѣло было такъ.

Князь Курбскій въ 1579 году на зовъ короля явился въ обозъ подъ Полоцкомъ съ вооруженнымъ отрядомъ въ сто коней (86 козаковъ и 14 гусаровъ), принималъ участіе въ походѣ, несъ службу боевую цѣлыхъ три мѣсяца; причиталось ему за это денежное вознагражденіе, именно 1,070 золотыхъ польскихъ.

---

[1]) Жизнь кн. Курбскаго, II, 77.

[2]) Акты, относ. къ исторіи правосл. церкви. 162.

[3]) «Przez prokuracyą» — чрезъ успѣшное хожденіе по дѣлу и искусное веденіе онаго въ судахъ, съ помощію изворотовъ, задабриваній, угощеній и т. под.

[4]) Жизнь кн. Курбскаго. I, 39 и 307.

Правительство (stany) предписало сборщику податей на Волыни, чтобы тотъ удовлетворилъ князя, т. е. снялъ со счетовъ слѣдуемый съ князя сборъ, а недостающее доплатилъ наличными изъ суммъ, находящихся въ его распоряженіи. А сборщикомъ на Волыни былъ тотъ самый панъ Борзобогатый-Красинскій; онъ не исполнилъ предписанія и, слѣдуетъ сказать, имѣлъ на этотъ разъ нѣкоторое основаніе.

Панъ Василій неоднократно уже занималъ почетныя должности. Въ былое время, до 1577 года, одинъ сборщикъ податей былъ избираемъ и для Волыни, и для Кіевщины [1]), а съ 1578 года эта обязанность была раздѣлена между двумя изъ „земянъ": послѣдняя досталась Павлу Солтану, а первая мужу энергической Анны [2]). Нужно замѣтить, что каждый сборщикъ находился въ зависимости отъ шафаря [3]), назначеннаго для всей Руси, а былъ имъ въ это время каштелянъ перемышльскій, Станиславъ Дрогоевскій, и сверхъ того, отъ шафаря Малой Польши, гдѣ исполнялъ тогда эту обязанность Андрей Голуховскій [4]).

Сборщики украинскихъ провинцій и деньги, и счеты представляли въ Перемышль. Отправился туда въ 1579 году и Василій; но каково было его удивленіе, когда каштелянъ не принялъ отъ него податей съ Ковельщины, на томъ основаніи, что счетъ ихъ былъ не вѣрный,—на половину меньше того, какъ опредѣлила люстрація [5]).

Ковельщиною межъ тѣмъ владѣлъ князь Андрей Ярославовичъ Курбскій. Красинскій намоталъ это себѣ на усъ. Годъ спустя, когда ему приказано было изъ вознагражденія князю за полоцкій походъ вычесть тотъ-же годичный съ него сборъ, панъ Василій принялъ за основу сумму, опредѣленную люстраціей, а не ту, какую вносилъ досели ковельскій владѣтель.

И вотъ первый шагъ къ недоразумѣніямъ.

— Мнѣ слѣдуетъ столько-то и столько-то доплаты, кричитъ князь.

---

[1]) Volum. leg. II, 180.

[2]) Volum. leg. II, 196.

[3]) Шафарь—правитель, завѣдывавшій финансовой частью.

[4]) Volum. leg. II, 204.

[5]) Люстрація—ревизія.

— Именно нѣтъ, возражаетъ панъ Василій: далеко меньше, ибо ваша милость долженъ болѣе внести, чѣмъ вносилъ доселѣ.

Скиталецъ протестовалъ: твснулъ письмо къ шафарямъ; тѣ, желая отвратить (zażegnać) бурю,—такъ какъ знали уже, что князь изъ-за нѣсколькихъ сотъ злотыхъ готовъ поднять па ноги всю Рѣчь-Посполитую, дали знать Красинскому, чтобы онъ удовлетворилъ требованіямъ московскаго боярина.

— Частнаго отзыва мнѣ недостаточно, сказалъ волынскій сборщикъ прибывшему къ нему возному; я требую формальнаго „квиту" отъ пановъ шафарей.

Присланъ былъ и „квитъ", уже отъ имени короля; но, видно, былъ не въ порядкѣ, потому что Василій его не принялъ.

Когда было сообщено объ этомъ Курбскому, онъ съ огорченнымъ видомъ воскликнулъ: „вотъ уже въ третій разъ посылаю пану Борзобогатому королевскій приказъ и „квиты" пановъ Дрогосвскаго и пановъ Голуховскаго; но панъ Борзобогатый не обращаетъ на это никакого вниманія, продолжаетъ упорствовать и приводитъ меня къ неизбѣжной потерѣ.

И поспѣшилъ съ жалобою къ Стефану Баторію. Король,—желалъ-ли онъ угодить пришельцу, или выказать предъ нимъ дѣятельность и подвижность судовъ,—самъ занялся этимъ дѣломъ. Сейчасъ-же отправилъ въ Луцкъ люблинскаго стольника, Петра Черниховскаго, съ предписаніемъ предъявить искъ противъ Красинскаго. Сталось по волѣ короля: судъ рѣшилъ спорную сумму взыскать съ имущества сборщика; стольникъ съ вознымъ отправились въ Красное, но подстаростій, завѣдывавшій селомъ отъ лица пани секретарши, не допустилъ исполнить *декрета*...

Непослушаніе и сопротивленіе повлекли за собою непріятныя послѣдствія, именно—внутреннюю (domową) войну. Баторій отдалъ приказъ луцкому старостѣ, князю Пронскому, на челѣ всеобщаго ополченія, составленнаго изъ шляхты подвѣдомственнаго ему уѣзда, отправиться въ имѣнія Василія и удовлетворить требованіямъ справедливости. Королевскій приказъ отданъ былъ 10 октября 1581 года, но только къ концу февраля слѣдующаго года выступилъ отрядъ вооруженныхъ земянъ въ походъ на Красное; предводительствовалъ имъ подстаростій луцкій. Фаланга пресловутыхъ рыцарей остановилась въ окрестности деревушки, на полянкѣ подъ лѣсомъ, а нѣ-

сколько знатнѣйшихъ обывателей отправились ко двору съ вопросомъ: должны-ли они употребить вооруженную силу, или-же добровольно будутъ удовлетворены?

Депутацію приняла Анна Красинская съ гнѣвомъ и запальчивостію. Она объявила, что Красное съ прилегающими къ нему землями составляетъ ея собственность, что она пріобрѣла это имѣніе въ видѣ залога отъ мужа за сумму 1,200 копъ грошей литовскихъ, и вмѣстѣ какъ обезпеченіе приданаго; а потому никто не имѣетъ права въ немъ распоряжаться, „если-жъ кто рѣшится вторгнуться въ ея владѣнія, она сама отобьетъ нападеніе и будетъ защищаться, пока не падетъ".

Шляхта осмотрѣлась кругомъ: морозно на дворѣ, въ теплыхъ бекешахъ они чувствовали холодъ, а воинственная женщина, въ легкой одеждѣ, стоя на совершенно открытомъ крыльцѣ, глядѣла какъ-бы согрѣваемая внутреннимъ пламенемъ; она опиралась на мечъ; въ глубинѣ сѣней виднѣлось нѣсколько хорошо вооруженныхъ надворныхъ шляхтичей; по двору сновало вдвое больше верховыхъ; ничего, значитъ, не оставалось дѣлать депутатамъ, какъ воротиться къ своимъ. Не успѣли они отдать отчетъ, какъ среди ихъ явился панъ Василій Красинскій. Онъ счелъ своею обязанностью объяснить предъ „братьями-земянами" свои резоны и поблагодарить ихъ за вниманіе, оказанное ими его супругѣ; подъ конецъ, представилъ счеты, по которымъ слѣдовало князю Курбскому 420 злотыхъ, и уже вынулъ деньги съ готовностью вручить ихъ противнику. Но въ свитѣ подстаростія находились дворяне ковельскаго владѣльца; они не приняли денегъ, претендуя на сумму значительно большую. Послѣ нѣсколькихъ часовъ пререканій и спора панки (drobiazg) стали разъѣзжаться; послѣднимъ сошелъ со сцены возный. Къ вечеру на полянкѣ воцарилась тишина.

И такъ, посполитое рушенье, собранное со всего уѣзда для усмиренія одного дерзкаго земянина, кончилось ничѣмъ; его остановила женщина, пригрозивъ, что будетъ защищаться до послѣдняго.

Все это однако не повліяло на дальнѣйшій ходъ дѣла.

Къ слѣдуемой князю суммѣ судъ прибавилъ гривны, и въ мартѣ опять выступила новая экспедиція на Красное, требуя съ волынскаго сборщика 920 копъ грошей королевскихъ въ пользу потерпѣвшаго ковельскаго владѣльца. Дошло даже до стычки: панъ

Василій, закованный въ сталь, „какъ будто-бы шелъ противъ непріятеля“, вмѣстѣ съ вооруженной щитомъ и бронею женой, разогналъ нападавшихъ...

Борьба принимала все болѣе и болѣе грозные размѣры; воинственный король разгнѣвался не на шутку: издалъ универсалъ ко всей волынской шляхтѣ, призывая ее къ посполитому рушенью; Луцкъ былъ назначенъ сборнымъ пунктомъ. Въ августѣ три уѣзда стали подъ ружье, а луцкій, владимірскій и кременецкій старосты приняли начальство надъ этимъ гербовымъ легіономъ.

Василій совѣтовалъ окончить дѣло миромъ, епископъ-отецъ тоже былъ на сторонѣ полюбовной сдѣлки, но Анна и слышать объ этомъ не хотѣла; съ необыкновенною энергіей она начала собирать пріятелей. Не мало ихъ было у Красинскихъ; на призывъ явились съ довольно сильными отрядами: Францишекъ Крушъ, Янъ Игриновскій, Янъ Мнишковскій, два князя Воронецкіе, два Гулевича, Александръ Заборовскій, Федоръ Рудецкій и многіе другіе; а Бѣлявскій и Василій Журавницкій, племянникъ Борзобогатаго, прислали двѣ наемныя роты.

Стычка произошла 11 августа. На разсвѣтѣ сынъ луцкаго епископа раздѣлилъ все сборище на три отряда: во главѣ одного сталъ самъ, защищая проходъ въ Кольнатычи и Ставровъ, двумя другими предводительствовала его супруга, одѣтая въ блестящій панцырь и имѣя при себѣ своихъ юныхъ сыновей, которые развозили ея приказы. Эти два отряда состояли изъ конницы и гайдуковъ и были расположены на долинѣ вблизи дороги къ Красному. Для большаго эффекта, на возвышенномъ мѣстѣ поставлены были орудія, пущены въ дѣло гаковницы. Прежде всего загремѣли пушки: мелкіе волынскіе панки, составлявшіе ополченіе, съ любопытствомъ смотрѣли на женщину, представлявшую изъ себя *Беллу*; но, когда по знаку этой женщины открыли огонь, когда пало нѣсколько раненыхъ, когда ополченцы замѣтили въ колоннахъ пани Василевой готовность перейти въ атаку... тогда, не долго думая, съ позоромъ оставили поле битвы, а по прибытіи въ городъ составили объ этомъ саженный отчетъ! [1])

---

[1]) Жизнь кн. Курбскаго. II, 54—79.

И опять могущественный король, гроза враговъ отечества, не смогъ одолѣть зазнавшагося шляхтича, проигралъ баталію съ бабой, потерпѣлъ пораженіе на поляхъ какого-то Красника, хотя не разъ одерживалъ побѣды надъ болѣе сильнымъ и болѣе могущественнымъ противникомъ.

Пани секретарша торжествовала.

Князь-принцъ, имѣвшій столь возвышенное представленіе о „самодержавіи Божіею милостію", испугался человѣка, который далъ столь смѣлый отпоръ самому „господарю", а потому безъ противорѣчій согласился на предъявленныя имъ условія.

Такимъ образомъ, взысканіе нѣсколькихъ сотъ злотыхъ, раздутыхъ въ сумму 920 копъ грошей литовскихъ, стоило заспорившимъ сторонамъ немного крови, немного дыма и значительно болѣе денегъ. Но за-то удовлетворена была фантазія...

И какъ послѣ всего этого не гордиться было шляхтѣ? Вѣдь Анна, дочь бѣдныхъ князей, болѣе имѣла вѣса и силы на окраинѣ, чѣмъ могущественный, сильный и энергическій Стефанъ Баторій! Или вы полагаете, что панъ Василій утратилъ милость короля, что оскорбленное королевское величество лишило его титуловъ, собственности, осудило его на *банишію* [1])? И во снѣ даже не померещилось ему это.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того (6-го октября 1582 г.), онъ опять вступилъ въ подобную-же схватку съ Клодзинскимъ, который имѣлъ противъ него всѣ законныя основанія. И теперь король предписалъ Красинскому уплатить слѣдуемый долгъ; и теперь Красинскій съ оружіемъ въ рукахъ воспротивился королевскому приказанію, запугалъ противника... тотъ отступилъ, умолкъ, а въ столицу послали донесеніе, что справедливость восторжествовала. Никто не протестовалъ и король этимъ удовлетворился [2]).

Борзобогатый преспокойно, въ качествѣ королевскаго секретаря, прожилъ въ своемъ замкѣ до самой кончины, только принужденъ былъ отказаться отъ званія волынскаго сборщика податей; но и это послѣдовало еще до окончанія борьбы съ княземъ Курбскимъ: сеймъ еще въ 1581 году избралъ въ эту должность Михаила Линевскаго [3]).

---

[1]) Баниція—лишеніе покровительства законовъ.

[2]) Книга гродская-луцкая, 1582 г., листь 1089.

[3]) Volum. leg. II, 218.

Но что сходило съ рукъ въ столкновеніяхъ съ частными лицами, то не такъ легко кончалось въ дѣлахъ общественныхъ, особенно если противною стороною являлся высокопоставленный вельможа.

Въ подтвержденіе того, что мы выше сказали, приведемъ здѣсь одинъ, уже послѣдній, эпизодъ изъ жизни Красинскихъ, который окончился не столь благополучно, какъ всѣ предъидущіе. Его можно озаглавить—борьба за Жидичинскій монастырь. И здѣсь Анна выступаетъ на первый планъ, защищая интересы рода, которые она такъ близко къ сердцу принимала. Должно полагать, необходимость выдвинула ее на первый планъ картины, такъ какъ тесть, уже дряхлый старикъ, позволялъ дѣлать съ собою что угодно, былъ орудіемъ въ рукахъ того, кто хотѣлъ владѣть имъ; мужъ недомогалъ, братъ мужа умеръ недавно, шуринъ—староста луцкій тоже лежалъ въ постели, съ которой не суждено уже было ему подняться; взамѣнъ ихъ внуки владыки энергично помогали старухѣ-матери, безпрекословно повинуясь ея указаніямъ.

Пусть читатель припомнитъ, что послѣ смерти Іоны, жидичинскаго архимандрита, Борзобогатый-Красинскій выпросилъ себѣ у короля осиротѣлую архимандрію. Отправился онъ въ Краковъ, воззвалъ къ сердцу Сигизмунда-Августа, выставилъ ему на видъ свое горькое положеніе—владыки безъ владычества,—и въ концѣ концовъ получилъ разрѣшеніе пользоваться монастырскими доходами до тѣхъ поръ, пока не будетъ издано новое распоряженіе.

Жидичинъ былъ кусочкомъ, которымъ нельзя было брезгать. Хотя и не богатое мѣстечко, но отстоящее отъ Луцка всего только на одну милю, расположенное на возвышенномъ берегу рѣчки Стырь, окруженное лѣсами,—какъ лѣтняя резиденція оно представляло много удовольствія; а близлежащія села: Боржемицы, Боголюбовъ, Саноговъ и Подгайцы доставляли изрядный доходъ, который предназначался на содержаніе архимандрита и нѣсколькихъ монаховъ, состоявшихъ при церкви св. Николая. И церковь эта была доходною статьею,—въ ней находился чудотворный образъ, славившійся уже нѣсколько столѣтій: такъ по словамъ лѣтописи, уже въ 1227 году князь Даніилъ Галицкій совершалъ путешествіе въ Жидичинъ, чтобы поклониться святителю Николаю [1]). Два раза въ годъ со всѣхъ концовъ

[1]) Полное собраніе русск. лѣтописей. II, 167.

волынской земли стекался въ эту пустынь простой народъ и не скупясь приносилъ свою лепту. Красинскій водворился въ архимандріи 1570 года и началъ по-своему хозяйничать. Прежде всего разогналъ монаховъ, оставивши только одного, престарѣлаго и послушнаго его приказаніямъ; въ имѣніяхъ назначилъ подстаростія; о церкви не заботился, все свое вниманіе обращая лишь на то, чтобы получить какъ можно болѣе дохода отъ земли. Сынъ владыки, Петръ, чаще всего проживалъ здѣсь; ему-же принадлежала и большая половина доходовъ.

Настало управленіе Баторія; и тотъ оставилъ Борзобогатаго на архимандріи. Такъ держалось лѣтъ десять; держалось-бы и долѣе, если бы не князь Василій Острожскій, кіевскій воевода, который обратилъ вниманіе короля на поступки Красинскаго. Какъ представитель восточнаго исповѣданія на окраинахъ въ эту эпоху, князь принялъ „русскую вѣру" подъ особенное свое покровительство: заботился объ изданіи библіи, уговорилъ владимірскаго епископа основать школу, въ которой будущее духовенство получало-бы должное образованіе; только съ однимъ Борзобогатымъ ничего не могъ подѣлать. Этотъ послѣдній лично готовъ былъ сдѣлать нѣкоторыя мелкія уступки, но невѣстка противилась... Отношенія дѣлались натянутыми; старикъ-воевода радѣлъ о храмѣ въ своемъ замкѣ, а владыка распоряжался въ своемъ, тутъ-же въ Острогѣ; подъ конецъ перестали даже видѣться другъ съ другомъ. Раздосадованный князь Василій началъ пробовать счастья въ верху, у трона: обратился къ Баторію, даже кандидата представилъ ему въ лицѣ Өеофана, нареченнаго епископа мглинскаго. Өеофанъ Грекъ прибылъ съ дальняго востока для наблюденія за точностію перевода печатавшейся иждивеніемъ волынскаго маршалка библіи.

Король милостиво согласился на просьбу русскаго вельможи.
— Хорошо, сказалъ, отберите монастырь, если считаете это полезнымъ для вашей церкви.

Жалованная грамота на имя Өеофана сейчасъ-же была изготовлена въ королевской канцеляріи, и уже въ маѣ 1580 года луцкій староста получилъ предписаніе ввести Грека во владѣніе архимандріей.

Но издать приказъ и ввести его въ жизнь—это двѣ вещи розныя, особенно-же въ концѣ XVI столѣтія на Волыни. Опять-же,

если трудно было справиться съ епископомъ луцко-острожскимъ, располагавшимъ значительнымъ числомъ пріятелей и безпокойною, готовою къ борьбѣ невѣсткою, то также трудно было мѣряться и съ княземъ Василіемъ. Послѣдній не медлилъ, хотя и соблюлъ освященный обычаемъ порядокъ: одного изъ своихъ придворныхъ послалъ къ владыкѣ Борзобогатому съ вопросомъ, не захочетъ-ли тотъ по своей волѣ очистить Жидичинъ; но, получивъ отрицательный отвѣтъ, во главѣ сильной дружины, составленной главнымъ образомъ изъ плѣнныхъ татаръ, завладѣлъ въ пользу Ѳеофана и монастыремъ и принадлежащими къ нему угодьями. Одного дня достаточно было для окончанія предпріятія: на разсвѣтѣ, въ праздникъ св. апостоловъ Петра и Павла, князь прибылъ къ монастырю, вечеромъ-же управлявшій здѣсь отъ имени Красинскаго подстаростій спѣшилъ въ Ружище съ донесеніемъ своему господину объ этомъ печальномъ происшествіи. Епископъ вступилъ въ пререканія; предъявилъ искъ противъ князя Острожскаго, требуя съ него 8,000 копъ грошей литовскихъ за причиненные имъ убытки, но совершенно проигралъ дѣло, такъ какъ на право завѣдыванія архимандріею не могъ представить королевской привилегіи, которой и вовсе не имѣлъ.

Не выгорѣло дѣло такъ, можетъ быть удастся иначе: до сихъ поръ епископъ дѣйствовалъ самъ одинъ, застигнутый въ расплохъ; теперь на помощь поспѣшила Анна. Раньше она не могла этого сдѣлать, такъ-какъ мужъ, пораженный тяжкою болѣзнью, догоралъ въ Красникѣ; она закрыла ему глаза, отерла слезы, надѣла вдовье платье и вмѣстѣ съ сыномъ явилась на мѣсто опасности.

И вотъ, не взирая на то, что въ ноябрѣ король поручилъ новопоставленнаго архимандрита особому покровительству князя Острожскаго,—вдовствующая секретарша выгнала его изъ Жидичина. Грекъ уступилъ безъ сопротивленія. Цѣннымъ подаркомъ былъ этотъ уголокъ; но инокъ привыкъ бороться только диспутами и побѣждать молитвою, а тутъ женщина, дышащая дикимъ мужествомъ, не вдается съ нимъ въ диспуты, не приклоняетъ уха къ молитвамъ...—бѣжалъ бѣдняга опять къ своему благодѣтелю въ Острогъ. Послѣдній на этотъ разъ ограничился только извѣщеніемъ короля о всемъ случившемся, самъ уже не принимая непосредственнаго участія въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла. Почему? Это остается

тайною; можетъ быть не хотѣлъ болѣе бороться съ Красинскимъ, или быть можетъ обманулся въ греческомъ выходцѣ.

Епископъ съ невѣсткою и остальнымъ семействомъ поселился въ Жидичинѣ, чтобы защищать его отъ новаго посягательства. Съ этимъ уголкомъ онъ былъ связанъ печальными воспоминаніями: здѣсь онъ потерялъ взрослаго сына Петра, здѣсь похоронилъ жену брата, къ которой питалъ большое почтеніе; не малое число внуковъ, умершихъ еще въ дѣтствѣ, покоилось въ церковныхъ стѣнахъ.

Стефанъ Баторій, узнавши о неповиновеніи Борзобогатаго, сдѣлалъ ему письменно выговоръ, прибавивъ, что до поры до времени будетъ ждать, но наконецъ прикажетъ поступить съ нимъ, какъ съ бунтовщикомъ; въ декабрѣ 1582 года король вновь выдалъ Ѳеофану грамоту на архимандрію [1]), а два мѣсяца спустя приказалъ владыкѣ представить отчетъ о десятилѣтнемъ хозяйничаньи въ Жидичинѣ. Коммисарами по этому дѣлу назначены были волынскій каштелянъ Михаилъ Мышка и луцкій староста Александръ Пронскій [2]).

Но епископъ ничего этого не исполнилъ. Обиженный король прислалъ повѣтовымъ властямъ коротенькій приказъ—выгнать. Однако выгнанный изъ Жидичина владыка вторично туда возвратился...

Стефанъ объявилъ, что развѣ самъ уже лично прибудетъ, чтобы усмирить бунтовщика. Тогда староста князь Пронскій горячо взялся за это дѣло и рѣшилъ не только выжить Красинскаго изъ Жидичина, но въ то-же время лишить его возможности возвратиться туда. Онъ предпринялъ настоящій походъ: кромѣ посполитаго рушенья, составленнаго изъ трехсотъ человѣкъ, собралъ жолнѣровъ изъ роты Сѣнявскаго. Епископъ проигралъ сраженіе: ничего не пособила отвага Анны, постоянно возбуждавшей своихъ воиновъ къ храбрости; они принуждены были оставить поле битвы, гонимые побѣдителемъ. Пронскій обнесъ монастырь палисадомъ, окопалъ глубокимъ рвомъ, оставилъ въ немъ караулъ изъ 100 человѣкъ, а разгулявшіеся солдаты даже бренные останки семейства Красинскихъ вынули изъ могилъ и выбросили за монастырскую стѣну [3]).

---

[1]) Акты, относящіеся къ исторіи правосл. церкви, стр. 157.

[2]) L. c. 159.

[3]) L. c. 189.

Одновременно, въ іюлѣ 1583 года, былъ изданъ новый королевскій актъ, въ силу котораго владыка Борзобогатый и внукъ его Михаилъ Гулевичъ преданы баниціи.

Баторій сдержалъ обѣщаніе. Дѣло приняло серьезный характеръ: стоящій на краю могилы старикъ вдругъ лишился покровительства закона! Прежнихъ помощниковъ не было: сыновья померли; зять, пользовавшійся благосклонностью престола, также покоился въ могилѣ; невѣстка, впрочемъ, подстрекала къ сопротивленію, но владыка уже не внималъ ея совѣтамъ. Измученный, онъ совсѣмъ упалъ духомъ, смирился и просилъ у короля охраннаго листа (gleit) [1]) для себя и родныхъ. Только послѣ долгихъ усилій онъ получилъ его въ февралѣ 1585 года; срокъ *глейта* былъ шестимѣсячный; поводъ—поруганіе святыни, совершенное владыкою надъ церковью св. Николая въ Жидичинѣ, цѣль—соглашеніе съ Ѳеофаномъ Грекомъ, какъ съ стороной въ данномъ случаѣ потерпѣвшей [2]).

Недостало однако епископу Красинскому жизни для полюбовнаго окончанія дѣла, затѣяннаго подъ его именемъ невѣсткою; онъ вскорѣ, кажется, скончался, ибо уже въ сентябрѣ Кириллъ Терлецкій получилъ привиллегію на очистившееся послѣ его смерти луцко-острожское епископство [3]).

Не суждено было и Ѳеофану пользоваться покоемъ въ Жидичинѣ: въ августѣ изгналъ его оттуда Гедеонъ Балабанъ, галицкій и львовскій владыка. Грекъ жаловался, протестовалъ, но напрасно [4]).

Новопоставленный преемникъ Борзобогатаго не легко вступилъ во владѣніе входившими въ составъ епископіи имѣніями. Прежде всего ему пришлось выдержать борьбу съ Маркомъ Журавницкимъ, луцкимъ старостичемъ, по поводу Жабча съ окрестностями; внукъ двухъ епископовъ считалъ уже эти имѣнія своею собственностью и даже возбудилъ противъ Терлецкаго судебный искъ [5]).

Что-же Анна? Не хотѣлось-бы досказывать..., она не забыла о себѣ, да еще какъ не забыла! Въ имѣніяхъ луцко-острожскаго

---

[1]) Глейтъ—королевскій охранный листъ, выдававшійся на срокъ, до заглажденія вины, тѣмъ, которые были осуждены на баницію.

[2]) Акты къ исторіи прав. церкви. Стр. 191.

[3]) L. c., стр. 195.

[4]) L. c., 193.

[5]) L. c., 197.

епископства оставаться она не могла, за то сейчасъ-же послѣ смерти отца опустошила эти имѣнія по татарски. Помогали ей въ этомъ два взрослые ея сына: Константинъ и Василій; помогали сосѣди: князь Янушъ Збаражскій, брацлавскій воевода, и князь Любецкій изъ Козина, помогали тѣмъ, что укрывали въ своихъ имѣніяхъ награбленное имущество. Сознаніе святости церковной собственности было совершенно потеряно; на принадлежащее русской церкви имущество смотрѣли, какъ на доходную аренду, удерживаемую на основаніи королевской привилегіи. Перечитывая отчетъ Николая Рокицкаго, командированнаго королемъ на Волынь для повѣрки имуществъ луцко-острожскаго епископства, приходится удивляться хищнической предупредительности Анны Красинской. Убивалась она, по видимому, надъ умирающимъ отцемъ и тотчасъ послѣ его смерти приступила къ грабежу. Прежде всего опорожнила сундуки, въ которыхъ хранилось церковное имущество, и заурядъ съ золотымъ крестомъ, стоимостію въ 1000 червонцевъ, дорогими епископскими облаченіями, церковными книгами, красовавшимися искусною и дорого стоившею оправою, не забыла о грамотахъ на духовныя имѣнія, объ изящно граненомъ изумрудѣ, украшавшемъ икону Богоматери въ Ружищѣ, за который она получила 600 таллеровъ, выславъ его для продажи въ Данцигъ. Пошли за тѣмъ кухонная посуда, зерновой хлѣбъ, живой инвентарь...

И если-бы только этимъ удовольствовалась! Но нѣтъ, она не пощадила и *кметей*; королевскій коморникъ составилъ длинный перечень обидъ, заявленныхъ мѣстными крестьянами: тотъ требовалъ коня, этотъ корову, иной козу или нѣсколько куръ [1]), и такъ безъ конца. И, знать, было это въ обыденномъ порядкѣ, потому что никто не удивлялся такимъ насиліямъ; напротивъ, въ глазахъ окружавшихъ вдову это придавало ей извѣстную честь.

Анна отправилась въ Красникъ, чтобы тамъ провести остальную свою жизнь; ея пѣсня была спѣта: пережила она близкихъ своихъ, остались только сыновья; на нихъ и обратила свою заботу и любовь.

Впрочемъ, ея сыновья не пріобрѣли себѣ особой извѣстности и болѣе не упоминаются; со смертію дѣда они вмѣстѣ съ матерью схо-

[1]) Акты, относящ. къ исторіи правосл. церкви. 204—212.

дятъ со сцены. Волынь перестаетъ интересоваться ими и они теряются въ расплодившейся массѣ другихъ шляхтичей.

Мы не доискались года смерти Анны; впрочемъ это для насъ имѣетъ второстепенное значеніе. Мы убѣждены, что послѣдніе дни своей жизни она провела покойно, подъ кровомъ хорошо обстроеннаго ея предпріимчивостію двора; сосѣди чтили въ ней женщину, способную помочь себѣ въ бѣдѣ, умѣющую пользоваться благопріятными обстоятельствами; ея энергія и дерзкая отвага не удивляли современниковъ: украинскія женщины этой эпохи на столько-же были воинственны, какъ и мужчины, и подобно послѣднимъ были грубаго нрава. Мягкость нравовъ, повторяемъ, является вмѣстѣ съ западною цивилизаціей. Идеалъ женщины, столь распространенный у насъ въ XVIII вѣкѣ, образовался подъ вліяніемъ татарскихъ набѣговъ, плѣна на дальнемъ востокѣ, а прежде всего, какъ послѣдствіе козацкихъ волненій. Несчастія и смутное теченіе судьбы покрыли пятнами бѣлую одежду ангела-хранителя домашняго очага; не сразу украинская женщина стала на пьедесталъ: прежде нужно было выковать его изъ жертвъ и безграничнаго самозабвенія, а выковавши—обмыть слезами любви и преданности...

Аннѣ Красинской чужды были нѣжныя чувства, какъ чужды онѣ были и другимъ современнымъ ей украинскимъ женщинамъ; многое безнаказанно сходило ей съ рукъ, ибо при видѣ успѣха люди оказываютъ, да и прежде оказывали снисходительность... задача-же историка нравовъ данной эпохи—показывать правду, правду прежде всего.

(Продолженіе будетъ).

Четыре письма Евгенія, митрополита кіевскаго, къ архимандриту Мелетію, ректору кіевской академіи *).

1.

Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ и ректоръ!
Возлюбленный о Христѣ братъ!

Братское письмо ваше отъ 22 февраля я получилъ и усердно вамъ за оное благодарю, равно и за увѣдомленіе. Прошу и впредь увѣдомлять почаще—не рапортами, а письмами по просту; только на пакетахъ надписывайте: *репорты*, подъ академическою печатью.

Пріѣхавъ сюда 13 февраля, я двѣ недѣли дожидался представленія государю, потому что первую недѣлю онъ пробылъ въ Царскомъ Селѣ, а другую дворъ дожидался ежедневно разрѣшенія вел. княгини. 1-го марта потребовалъ онъ меня вечеромъ и милостиво бесѣдовалъ со мною 1½ часа. Послѣ сего вступилъ я въ должности по синоду и по комиссіи духовныхъ училищъ, но особыхъ дѣлъ еще не имѣю.

---

*) Письма эти препровождены намъ священникомъ г. Купянска, о. Іоанномъ Левандовскимъ, при слѣдующемъ его письмѣ:

Милостивый государь,
г. Редакторъ!

Разбирая бумаги, оставшіяся послѣ смерти тестя моего, протоіерея купянскаго покровскаго собора и смотрителя купянскаго духовнаго училища, воспитанника кіевской духовной академіи (выпуска 1825 года), Петра Алексѣевича Протопопова († 1871 г., іюня 29 дня), я нашелъ между ними связку писемъ, числомъ 20, къ Мелетію, бывшему архимандриту и ректору кіевской духовной академіи, впослѣдствіи викарію кіевскому и епископу иркутскому, скончавшемуся архіепископомъ харьковскимъ 29 февраля 1840 года. Въ числѣ сихъ писемъ—9 отъ Евгенія, митрополита кіевскаго (8 писемъ 1825 г. и одно письмо 1828 г.), 6 отъ Евгенія, архіепископа сперва псковскаго, а потомъ тобольскаго (1824, 1828 и 1829 г.), одно отъ Григорія, епископа ревельскаго (1824 г.), одно отъ Моисея,

По представленію вашему о Евгеніѣ [1]), думаю, будетъ сходно рѣшено съ вами. Діаконъ пусть подастъ просьбу преосвященному викарію, а дикастерія со справкою и черновымъ доношеніемъ св. синоду пришлетъ ко мнѣ. Дѣло кажется удобное. Дипломъ Лелявскому пришлите ко мнѣ. Иларій, кажется, рѣхнулся умомъ и потеряетъ всю службу. Но въ коммиссіи не слыхалъ я еще о немъ доклада.

Въ доказательство моей приверженности и доброжелательства къ вамъ увѣдомляю, что я до свиданія еще съ государемъ и до засѣданія въ синодѣ представилъ уже васъ къ ордену св. Анны 2-го класса. Св. синодъ уважилъ же и уже послалъ къ государю представленія. Можетъ быть къ Пасхѣ поздравлю васъ, естьли государь до отъѣзда успѣетъ прочитать, ибо съ фоминой недѣли ѣдетъ въ Варшаву на сеймъ и возвратится въ началѣ уже іюня.

Но съ другой стороны, къ прискорбію моему, открылъ я здѣсь шилонскую [2]) переписку вашихъ академиковъ. Одинъ изъ нихъ, по нашей рекомендаціи въ 1823 г. произведенный, дерзко и злобно писалъ

епископа старорусскаго (1824 г.), одно отъ Е. Лебедева (1826 г.), одно отъ Филарета, митрополита московскаго (1828 г.) и одно письмо отъ Филарета, архіепископа казанскаго (1829 г.). Когда и какимъ образомъ письма эти достались въ руки П. А. Протопопова, объяснить не могу; я даже никогда о нихъ и не слыхалъ отъ него, хотя, повидимому, и были поводы къ этому, такъ-какъ онъ весьма часто и съ особенною любовію и признательностію вспоминалъ о бывшемъ своемъ начальникѣ въ академіи и въ епархіи, преосвященнѣйшемъ Мелетіи, котораго милостями и расположеніемъ всегда пользовался.

Полагая, что нѣкоторыя изъ этихъ писемъ небезполезны, какъ матеріалъ для исторіи кіевской духовной академіи, а всѣ—для біографіи преосвященнаго Мелетія, глубоко чтимаго въ харьковской епархіи, какъ мужа святаго, имѣю честь препроводить вамъ при этомъ, милостивый государь, въ копіи, съ соблюденіемъ орѳографіи подлинниковъ, четыре письма къ Мелетію Евгенія, митрополита кіевскаго, писанныя изъ С.-Петербурга, для напечатанія въ издаваемомъ вами журналѣ. Прошу принять увѣреніе» и проч.

Приносимъ искреннюю нашу признательность достопочтенному о. Левандовскому за сообщеніе этихъ интересныхъ писемъ знаменитаго нашего митрополита, надѣясь, что намъ не будетъ отказано въ полученіи и остальныхъ того-же іерарха писемъ, а равно и другихъ, пригодныхъ для біографіи пр. Мелетія.—Ред.

[1]) Бывшій впослѣдствіи архіепископомъ астраханскимъ.

[2]) Это слово въ подлинникѣ написано чрезвычайно неразборчиво, почему въ правильности передачи его я не увѣренъ.

сюда. Вы узнаете виноватаго по глазамъ. Это отдоенное на матерь свою... Сплетни его и небывалыя лжи повредятъ больше ему, нежели мнѣ. Учите сихъ ребятишекъ незрѣлыхъ благонравію и скромности.

Призывая на васъ благословеніе Божіе, есмь съ почтеніемъ доброжелательнѣйшій вамъ Евгеній М. К.

7 марта, 1825 г.

2.

Получ. 24 мая.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ и ректоръ!

Возлюбленный о Христѣ братъ!

Репортъ вашъ отъ 29 апрѣля съ планами и смѣтами я получилъ, и все сіе теперь же возвращаю съ отвѣтомъ на всѣ пункты вашего письма.

Предписанія комиссскія въ протоколахъ подписаны были и мною. Не смотря на то, продолжайте перечнемъ увѣдомлять меня о полученіи оныхъ.

Воронежская семинарія другой разъ уже самовольствомъ своимъ въ постройкахъ едва-ли нынѣ получитъ другое снисхожденіе, ибо въ коммисіи протоколомъ ей уже запрещено.

Объ удѣленіи бывшему библіотекарю Евгенію изъ жалованья за вычетомъ, поелику отъ коммиссіи не предписано, да и отъ васъ прежде промолчано, то лучше вновь представить, или ему самому прислать прозбу. Вы даже не привели въ ясность и того, на сколько суммы недочету на немъ, и какихъ именно книгъ. Это не значитъ попеченіе о казенномъ.

Іеромонахъ Владиміръ [1]) пусть идетъ, куда ему угодно. Онъ въ Лаврѣ безполезенъ, лѣнивъ, *гордъ*, но требуетъ всего наравнѣ съ служащими и нуждающимися. А по болѣзни своей скоро и въ Орлѣ негодится и паки навяжется въ Лавру на тунеядство, а о смотрительствѣ его въ Орлѣ представьте особый журналъ. Охотно утвержу. Можетъ быть исправится.

Хорошо сдѣлаете, естьли дублеты изъ библіотеки удѣлите семинаріи. Но отецъ ректоръ Кириллъ и мнѣ не присылаетъ копіи ката-

---

[1]) Мусатовъ—кончилъ жизнь въ состояніи помѣшательства. Былъ въ 30-хъ годахъ смотрителемъ богуславскаго духовнаго училища, помѣшался отъ гордости!...

лога книгъ, мною сданныхъ въ семинарскую библіотеку, да и вамъ должно бы представить каталогъ сей коммисіи для показанія моего пожертвованія.

Планъ и фасадъ иконостаса въ вашу большую церковь я утвердилъ и возвращаю при семъ съ планомъ и теплой церкви. Въ верхнемъ этажѣ быть ей не удобно, ибо старикамъ всходить въ оную зимою трудно, да и тѣсно будетъ для народа, а придѣламъ вовсе негдѣ тамъ помѣститься. Въ нижнемъ этажѣ лучше [1]), и церковь сія съ пристройками украситъ весь корпусъ. Въ верхнемъ этажѣ можетъ остаться семинарская библіотека, для трапезы же много мѣста въ смѣжныхъ пристройкахъ. Нѣтъ нужды спѣшить въ одно лѣто отдѣлывать сію церковь; довольно нынѣ отдѣлать ее вчернѣ.

На побужденіе полиціи, по наущенію магистрата, къ сломкѣ и постройкѣ вашей ограды къ площади, отвѣтствуйте ссылкою на указъ св. синода отъ 23 февраля сего года, въ дикастерію отосланный; возьмите копію, изъ коей увидите, что дѣло идетъ о постройкѣ лавочекъ въ оградѣ, а не о простой оградѣ, и гражданское правительство обязано представить онымъ планъ. А о планѣ хорошемъ попросите архитектора. Но дѣло сіе пойдетъ еще на годъ и до рзасмотрѣнія министерства внутренняго полиція принудить васъ не можетъ. А я здѣсь настою. Между тѣмъ теплую церковь вчернѣ отдѣлаете.

Кровлю на братскомъ корпусѣ окрасить можете и безъ доклада.

Еще получилъ я отъ бывшаго вашего учителя Гловацкаго прозьбу о пенсіонѣ. Скажите ему, что коммисія уже рѣшила по прежней его прозьбѣ и перерѣшать не будетъ. А о пенсіонахъ дѣло еще и не рѣшено, но оно касается только до новыхъ профессоровъ.

Кажется на всѣ статьи письма вашего теперь я отвѣчалъ.

Доклады наши отъ государя и о сю пору еще не возвращены. А ждутъ и возвращенія его скорѣе назначеннаго срока.

Желая вамъ найлучшаго успѣха въ дѣлахъ и призывая на васъ благословеніе Божіе, есть всегда доброжелательнѣйшій вамъ Евгеній, м. кіевскій.

12 мая, 1825 г.

---

[1]) Она и устроена была въ нижнемъ этажѣ и соединена съ верхнимъ, съ добавкою боковыхъ пристроекъ, въ 1848—9 году; въ верхнемъ этажѣ помѣща-

Я нашелъ въ синодской архивѣ полное дѣло о кіевской академіи, со всѣми древними и новѣйшими грамматами. Теперь у меня его списываютъ. Справьтесь, пожалуйста, какія у васъ есть грамматы и документы академическіе; а едвали въ пожаръ 1811 г. не сгорѣли они всѣ. Въ синодскомъ дѣлѣ нашелъ я и духовное завѣщаніе Петра Могилы на польскомъ языкѣ. Въ Кіевѣ не могъ я нигдѣ отыскать его. Это любопытный актъ.

3.

Получ. 11 іюля.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ и ректоръ!
Возлюбленный о Христѣ братъ!

Возвращаю вамъ росписаніе порядка вашихъ экзаменовъ; оканчивайте благополучно.

Естьли ваши студенты предложеніемъ коммисіи о представленіи диссертацій, какъ вы пишете, приведены въ уныніе, то это ясное доказательство слабости ихъ въ приготовленіи себя достойными служенія нашей церкви; а естьли трудны имъ кажутся предметы, относящіеся собственно къ православной нашей церкви, то въ этомъ виноваты вы, при преподаваніи имъ общихъ богословскихъ лекцій не показывавшіе имъ источниковъ сихъ нашей церкви предметовъ. Естьли бы вы давно дали имъ въ руки весьма многія уже въ нашей церкви, на защиту ея написанныя, книги, то они давно были бы къ сему и готовы. Но у нашихъ школяровъ давно обычай заглядывать только въ иностранныхъ богослововъ, а не въ своихъ. Естьли бы имъ извѣстны были напримѣръ книги: Камень вѣры Стефана Яворскаго, Пращица Питиримова, Розыскъ Димитріевъ и весьма многія сочиненія, на раскольниковъ изданныя, то бы не отговаривались они трудностію въ предметахъ Россійской церкви. Невскіе студенты воспользовались уже всѣми сими источниками, и мы слышали уже прекрасныя диссертаціи ихъ о почитаніи святыхъ, о постѣ, о крестѣ, о мощахъ святыхъ и проч. Вотъ это то надобно твердить нашимъ православнымъ. Вы не поняли задачи коммисской. Когда

лась сначала библіотека семинаріи, не имѣвшей еще отдѣльнаго помѣщенія, а потомъ окончившіе курсъ студенты академіи, до распредѣленія по мѣстамъ, что также было не удобно.

поймутъ ее и въ семинаріяхъ, то являться будутъ и оттуда студенты, готовые къ полученію усовершенія своего на достоинства пастырскія нашей церкви, а не *всеобщей*, для которой доселѣ вы воспитывали студентовъ. Пріѣзжающихъ же въ академію для полученія только академическихъ степеней безъ достоинства къ онымъ, естьли и мало будетъ, то не вредно ни академіямъ, ни церкви. Стыдно и давать степени недостойнымъ. Публика уже видитъ такихъ, и надобно будетъ придумать дѣло полезное нашей церкви и тѣмъ, кои уже возведены на степени и получили пенсіоны не для тунеядства.

Призывая на васъ и труды ваши благословеніе Божіе, есмь доброжелательнѣйшій вамъ Евгеній, м. к.

1 іюля, 1825 г.

Для ректорства своего и вы должны приготовить какой нибудь Specimen (ученый трудъ).

4.

Получ. августа 5-го.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ и ректоръ!
Возлюбленный о Христѣ братъ!

Двѣ бумаги ваши отъ 12 и 15 іюля получилъ я и на одну отвѣчаю, а другую возвращаю. Комисскія бумаги пойдутъ своимъ чередомъ. Жаль, что преосвященный викарій не кончилъ экзаменовъ, и вы останетесь безъ рекомендаціи. А я послалъ ему и образецъ моего донесенія о первыхъ экзаменахъ, по коимъ академики получили и награжденіе.

При слушаніи донесенія вашего объ увольняемыхъ профессорахъ не забуду вступиться и за вашихъ питомцевъ [1]). Щастье и для васъ, что я здѣсь. А прежніе временщики замышляли даже уничтожить кіевскую академію и обратить въ семинарію, дабы свѣтъ истекалъ только отселѣ и изъ Москвы!!! Но сего стыда не открывайте никому. Homo proponit, Deus disponit.

Здѣшняя академія напечатала уже 2 тома своихъ проповѣдей, не представлявши коммисіи. Слѣдовательно и вы можете тоже сдѣлать. Но, пожалуйте, хорошенько выправьте.

---

[1]) Это была какая-то крупная катастрофа въ академіи, доселѣ еще не выясненная.

При нынѣшнемъ окончаніи курса не худо бы вамъ пожаловать нѣкоторыхъ членами своей академіи, напримѣръ владыкъ казанскаго, астраханскаго, тверскаго, ярославскаго, смоленскаго, курскаго, екатеринославскаго и—довольно пока.

Призывая на васъ благословеніе Божіе, есмь доброжелательнѣйшій вамъ Евгеній, м. кіевскій.

25 іюля, 1825 г.

Сообщ. свящ. І. **Левандовскій.**

Прошеніе малороссійскаго шляхетства и старшинъ, вмѣстѣ съ гетманомъ, о возстановленіи разныхъ старинныхъ правъ Малороссіи, поданное Екатеринѣ II-й въ 1764 году.

Настоящее прошеніе обязательно сообщено намъ достоуважаемымъ профессоромъ университета св. Владиміра, А. Ѳ. Кистяковскимъ, а имъ получено въ современной копіи изъ архива бывшаго малороссійскаго гунернатора, князя Н. Г. Репнина. Въ немъ есть цифровые пропуски, указывающія на то, что, быть можетъ, это черновая прошенія, или первоначальный его проэктъ.

Это прошеніе стоитъ въ тѣсной связи съ помѣщенною въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» на 1882 г. рѣчью неизвѣстнаго малороссійскаго оратора, произнесенною на какомъ-то собраніи малороссійскихъ чиновъ. Въ объясненіи, которое предпослано нами этой рѣчи, мы относили ее къ 50-мъ годамъ XVIII ст., т. е. къ началу гетманства Разумовскаго, такъ какъ на это время есть прямое указаніе въ рѣчи. Было-ли послѣ этой рѣчи и собранія, на которомъ она произнесена, составлено и подано прошеніе, сходное съ настоящимъ, или малороссійская шляхта послѣ многихъ только лѣтъ рѣшилась на представленіе давно задуманнаго проэкта,—сказать трудно; но, въ виду точной даты помѣщаемаго теперь прошенія и большаго сходства его въ общихъ положеніяхъ съ рѣчью, мы склонны и самую рѣчь отнести къ болѣе позднему времени.

Говоримъ, что рѣчь и просьба въ общихъ положеніяхъ сходны и разнятся лишь по частнѣйшей ихъ обработкѣ, которая, какъ само собою понятно, въ прошеніи сдѣлана подробнѣе и обстоятельнѣе. И въ общемъ и въ частностяхъ прошеніе представляетъ собою весьма важный и поучительный историческій документъ, рисующій намъ въ одной картинѣ легальное и фактическое положеніе Малороссіи въ союзѣ съ Польшею и Россіею: оно то подверждаетъ извѣстныя уже историческія данныя, то дополняетъ ихъ новыми неизвѣстными свѣдѣніями. Пресловутыя права и вольности, которыми надѣляли польскіе короли южную Русь, о которыхъ воздыхаетъ и которыхъ возврата желаетъ малороссійское шляхетство, привели однако къ тому, что народъ возсталъ, какъ одинъ человѣкъ, противъ своихъ бла-

годѣтелей и порвалъ всякую связь съ Польшею. Подтвержденіе этихъ правъ и вольностей царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и его преемниками не дѣлаетъ страны счастливою. Продолжительная война съ Польшею, внутреннія междоусобія въ Малороссіи, взаимныя недоразумѣнія двухъ объединившихся послѣ долгаго разрыва половинъ Россіи, тяжело отзывающіяся на положенія слабѣйшей, отдача западной Малороссіи во власть Польши и связанный съ нею длинный рядъ народныхъ возстаній, перешедшій наконецъ въ хроническое волненіе, съ другой стороны военная опека въ восточной Малороссіи и участіе ея въ войнахъ шведской и турецкихъ, въ связи съ огромными военными наборами, постояннымъ квартированіемъ русскихъ войскъ на счетъ мѣстнаго населенія, приниженіемъ козачьяго сословія и ограниченіями его самоуправленія, которыя вызваны были злоупотребленіями козачей старшины, долгое время держали обѣ части южной Россіи въ состояніи крайняго напряженія, непрерывной тревоги, какого-то судорожнаго оцѣпененія, не давали и восточной ея половинѣ, сравнительно болѣе счастливой, даже короткаго промежутка времени для внутренней работы надъ устройствомъ и развитіемъ гражданскаго порядка и общественныхъ отношеній, сообразно новому политическому ея положенію. Составители настоящаго прошенія, эти представители гетманщины, не могутъ, какъ видно, возвыситься надъ общимъ ходомъ событій въ исторіи своей родины, не могутъ понять роковой необходимости переживаемаго ею неустройства и приписываютъ все зло то ограниченіямъ ихъ шляхетскихъ правъ и вольностей, то случайностямъ, въ родѣ тягостей войны, неудачной колонизаціи южныхъ степей, водворенія въ Полтавщинѣ грузинскихъ выходцевъ и т. под Они не додумались до какого-нибудь новаго идеала гражданскаго строя въ органической связи съ новымъ ихъ отечествомъ, мечтаютъ о своей обособленности, о возвращеніи прежняго, исторіею осужденнаго и разрушеннаго строя. Ихъ идеалы—старопольскіе, старошляхетскіе; ихъ стремленія и интересы—исключительные, сословные, своекорыстные. О положеніи массы, о благѣ народа они не заикаются и, если хлопочутъ о законахъ, судахъ, комерціи, просвѣщеніи и проч., то только въ интересахъ своего тѣснаго круга. Малороссійская шляхта не стала выше шляхты польской, равно московскаго боярства и замѣнявшаго ее дворянства. Въ этомъ всенародномъ, по видимому, заявленіи нуждъ и желаній нѣтъ ничего народнаго; мнимые представители народа хлопочутъ только о себѣ, а народъ обзываютъ именемъ мужика, добиваются прикрѣпленія его къ ихъ землямъ и сами подготовляютъ то закрѣпощеніе, которое только освящено закономъ 1783 г. Но, и помимо черносошной массы, какъ мало они просятъ для другихъ, все таки привилегированныхъ, классовъ и какъ искусно добиваются водворенія ненавистныхъ народу жидовъ!... Понятно, что такія исключительныя домогательства малороссійской шляхты не были удовлетворены даже тогдашнимъ, однородно настроеннымъ русскимъ правительствомъ, а напротивъ послужили поводомъ къ уничтоженію гетманства и введенію края въ общій строй русской жизни, съ теченіемъ времени выработавшій иныя гражданскія понятія и отношенія.

Очертивъ общій духъ и характеръ прошенія малороссійской шляхты и ея гетмана, за любопытными его подробностями отсылаемъ читателей къ самому документу. — *Ред.*

ПО ТИТУЛѢ.

Восшествіе вашего императорскаго величества на всероссійскій императорскій престолъ вѣрноподданный малороссійскій народъ почитая за особливый промыслъ Божій къ возстановленію какъ общаго всея Россіи, такъ и собственнаго своего благополучія, съ дерзновеніемъ приступаетъ къ престолу вашего императорскаго величества, и тѣмъ благонадежнѣе въ просьбахъ и нуждахъ своихъ помилованъ быть уповаетъ, чѣмъ найсовершеннѣе увѣренъ, что вмѣстѣ съ вашимъ императорскимъ величествомъ царствуетъ правосудіе и милость. Сто лѣтъ уже прошло, всемилостивѣйшая государыня, какъ малороссійскій народъ, будучи въ прежнихъ вѣкахъ чрезъ поляковъ и литву разными случаями отторгнутъ отъ соединенія съ Россіею, имѣлъ съ ними во всемъ равенство и пользовался тѣми-жъ, что они, вольностями, правами и преимуществами; а напослѣдокъ озлобленъ и огорченъ многими неправдами чрезъ нарушеніе вѣры, правъ и вольностей своихъ, послѣ многолѣтней кровопролитной войны и многихъ славныхъ надъ ними полученныхъ побѣдъ, иго ихъ съ себя свергъ и подъ предводительствомъ славнаго своего гетмана, а моего антецессора Зиновія Богдана Хмельницкаго, презря всѣхъ, которые его ласкали, постороннихъ государей протекціи, не по нуждѣ какой, но по доброму соизволенію и избранію, ради единовѣрія, пришелъ подъ высокодержавную руку блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя, царя и великаго князя Алексія Михайловича, самодержца всероссійскаго, и тѣмъ не токмо всю Малую Россію къ всероссійской Имперіи присоединилъ, но не малое участіе имѣлъ въ завоеваніи отъ поляковъ великаго княжества смоленскаго, не упоминая о другихъ чрезъ сіе присоединеніе всероссійской Имперіи принесенныхъ пользахъ. Сіе добровольное подданство учинилъ онъ на договорахъ, въ которыхъ такъ, какъ и въ жалованныхъ своихъ всѣмъ малороссійскимъ чинамъ, а именно: гетману и войску запорожскому, шляхетству, духовному чину и мѣщанству грамотахъ, его царское величество всемилостивѣйше обнадежилъ и подтвердилъ не токмо содержать и сохранять малороссійскій

народъ на всѣхъ тѣхъ правахъ, обыкновеніяхъ, привилегіяхъ, вольностяхъ и преимуществахъ, на которыхъ оной былъ подъ королями польскими и великими князьями литовскими, но и большими наградить и пожаловать обѣщалъ. Оные договоры отъ времени до времени при постановленіи каждаго гетмана поновляемы и подтверждаемы были, а большій всѣхъ и твердѣйшій залогъ монаршей къ малороссійскому народу милости остался блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго; ибо его величество публикованными въ народѣ малороссійскомъ ноября 6 дня 1708 и февраля 3-го 1709 годовъ, за подписаніемъ собственныя своея руки, манифестами, упомянувъ то, что никоторый подъ солнцемъ народъ такими свободами, привилегіями и легкостію хвалиться не можетъ, какъ, по его императорскаго величества милости, малороссійской, и что его императорское величество ни единаго пѣнязя въ казну свою брать съ онаго не велитъ, всемилостивѣйше обнадежилъ, какъ до того времени содержалъ оный при правахъ и вольностяхъ ненарушимо, такъ и впредь все то свято содержать, что при принятіи онаго въ подданство обѣщано его величества государемъ родителемъ. Таковыя предковъ вашего императорскаго величества милости чувствуя, малороссійской народъ служилъ имъ вѣрно и радѣтельно и не токмо ни на какія прелести поляковъ, которые ихъ по прежнему въ свое соединеніе привесть старались, не склонился, и нѣкоторыхъ изъ своихъ гетмановъ, которые то сдѣлать покушались, не послушалъ; но еще какъ противъ помянутыхъ поляковъ, такъ и противъ всѣхъ россійскаго государства непріятелей, не щадя имѣнія и живота своего, храбро и мужественно ополчался, о чемъ многія и славнѣйшія отъ предковъ вашего императорскаго величества, а особливо отъ государя императора Петра Великаго имѣетъ засвидѣтельствованія; но за нѣсколько предъ симъ лѣтъ помянутыя права, обыкновенія, привилегіи, вольности и самыя договорныя статьи какъ слабою малороссійскому народу стали быть защитою, то ваше императорское величество усмотрѣть изволите, всемилостивѣйше выслушавъ, хотя не всѣ, но токмо важнѣйшія просьбы и нужды наши, которыя я, гетманъ, съ старшиною, шляхетствомъ, войскомъ и народомъ малороссійскимъ предлагаю въ слѣдующихъ пунктахъ и, обще съ ними припадая къ стопамъ вашего императорскаго величества, прошу на оныя всемилостивѣйшей резолюціи.

1.

О вольностяхъ малороссійскихъ вообще.—Прежде всего всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ подтвердить всѣ прежнія права, обыкновенія, привилегіи, вольности и преимущества, данныя и утвержденныя отъ королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, и отъ предковъ вашего императорскаго величества, всероссійскихъ государей, а особливо государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, во время подданства гетмана Богдана Хмельницкаго, малороссійскому гетману, шляхетству, духовному чину, войску, мѣщанству и всему народу, чтобъ оныя въ вѣчныя времена содержимы и сохраняемы были безъ всякаго нарушенія, и въ такомъ точно разумѣніи и силѣ, какъ оныя написаны и заключены, чтобъ какъ всѣ генерално, такъ и каждый партикулярно своими правами, обыкновеніями, вольностями и преимуществами пользоваться, оныхъ во всѣхъ случаяхъ употреблять и тѣми себя охранять могли.

2.

О чинахъ малороссійской старшины противъ великороссійскихъ.—Въ бытность Малыя Россіи подъ Польшею, кромѣ другихъ преимуществъ, имѣлъ малороссійской народъ во всѣхъ чинахъ и достоинствахъ совершенное равенство съ коронными и литовскими чиновниками, такъ что и въ самыя первѣйшія достоинства воеводскія и каштелянскія, которыя всегда соединены съ достоинствомъ сенаторскимъ, малороссійское шляхетство допущаемо было. Сіе доказывается какъ всѣми исторіями польскими и малороссійскими, такъ и особливыми сеймовыми установленіями и привилегіями при короляхъ Владиславѣ Ягеллонѣ въ 1433 г., при Сигизмундѣ первомъ въ 1507 г. и при Сигизмундѣ-Августѣ, во время присоединенія княженія кіевскаго къ коронѣ польской въ 1569 годахъ, и при другихъ многихъ короляхъ состоявшимися, въ которыхъ точно изъясняется, что малороссійское шляхетство тѣми-жъ правами, вольностями и преимуществами пользоваться имѣютъ, коими и коронное, и присовокупляются къ коронѣ польской, какъ равные къ равнымъ и вольные къ вольнымъ.

А послѣ подданства Малыя Россіи предки вашего императорскаго величества малороссійской народъ всегда отмѣнно отъ другихъ подъ

державою россійскою состоящихъ народовъ почитали: ибо гетманы всегда наравнѣ считались съ первыми классами, какъ то явствуетъ изъ пожалованія гетмана Брюховецкаго въ бояре, который чинъ былъ первый въ Россіи, а полковники жалуемы были въ стольники. По заведеніи-же въ Россіи государемъ императоромъ Петромъ Великимъ регулярства уставлены совсѣмъ другіе чины и по генеральной 1721 года табели о рангахъ всѣмъ какъ придворнымъ, такъ и гражданскимъ чинамъ велѣно считаться противъ воинскихъ; о малороссійскомъ-же гетманѣ, генеральной старшинѣ, полковникахъ и прочихъ чиновникахъ въ той табели ничего не упомянуто, почему великороссійскіе чиновники, а особливо военнослужащіе малороссійскую старшину презираютъ и во всякихъ случающихся коммисіяхъ и нарядахъ и самыхъ низкихъ чиновъ офицеры за право почитаютъ, чтобъ преимущество брать надъ знатною малороссійскою старшиною за то только одно, что нѣтъ никакого положенія, какъ имъ считаться съ великороссійскими чинами. И хотя о уравненіи всей малороссійской старшины классами съ великороссійскими чинами, какъ прежде моего гетманства, такъ и отъ меня гетмана поданы всеподданнѣйшія прошенія, однако на оныя всемилостивѣйшей вашего императорскаго величества не послѣдовало резолюціи; одному токмо мнѣ гетману, состоявшимся іюля 24 дня 1750 года указомъ, велѣно считаться по старшинству съ генералъ-фельдмаршалами. Всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ, какъ мнѣ и впредь по мнѣ будущимъ гетманамъ подтвердить вышепомянутый 1750 года указъ, такъ и всѣ малороссійскіе воинскіе и штатскіе чины уравнить классами противъ воинскихъ великороссійскихъ чиновъ, чтобъ служа вашему императорскому величеству малороссійская старшина, по большей части изъ своего имѣнія и безъ жалованья, хотя однимъ симъ въ чинахъ уравненіемъ пользовались и презираемы быть не могли, въ чемъ мы на матернее вашего императорскаго величества милосердіе полагаемъ всю надежду.

3.

О возвращеніи малороссійскому шляхетству взятыхъ земель и имѣній.—Имѣнія и земли малороссійскаго шляхетства и другихъ чиновъ не меньше охранены правами и привилегіями, какъ и дру-

гія вольности и преимущества, въ оныхъ обѣщано сохранять ихъ въ вѣчныя времена безъ нарушенія и отмѣны при ихъ наслѣдныхъ, выслуженныхъ и другими образы пріобрѣтенныхъ имѣніяхъ и земляхъ и оныхъ никогда и никакими образы не отнимать и другому никому, кольми же паче иностраннымъ и прихожимъ людямъ не отдавать, а отданныя возвращать. Въ прошедшихъ же давнихъ годахъ на малороссійскихъ земляхъ насильно поселились слободскихъ полковъ жители и выстроили мѣстечка и деревни, какъ-то Коломакъ, Рублевъ и прочія, о чемъ хотя отъ гетмановъ Самойловича и Мазепы учинены куда надлежитъ представленія и коммиссіи назначены были, на которыхъ со стороны Малыя Россіи старинною межою доказано было, что то малороссійскія земли; однако оныя и до сего времени при слободскихъ полкахъ остаются, а городъ Котельва съ уѣздомъ, принадлежавшій издревле къ полку гадяцкому, отлученъ уже при гетманѣ Скоропадскомъ къ тѣмъ-же слободскимъ полкамъ и за его промолчаніемъ отысканъ, о присоединеніи котораго къ вѣдомству малороссійскому и гетманъ Апостолъ въ пунктахъ своихъ домагался. Такимъ же образомъ въ полкахъ Стародубовскомъ и Чернѣговскомъ на земляхъ, малороссійскому шляхетству принадлежащихъ, поселились изъ великороссійскихъ городовъ мужиковъ раскольники, и хотя указами 9 дня 1714 и марта 10 дня 1715 годовъ велѣно было вывесть ихъ въ Великую Россіи и крѣпостныхъ отдать по крѣпостямъ ихъ помѣщикамъ, а прочихъ селить въ бѣлогородской губерніи на пустыхъ земляхъ, однако оные раскольники не выведены. но, по докладу бывшаго кіевскаго губернатора князя Голицына, и по состоявшейся наономъ февраля 18-го дня 1715 года государя императора Петра Великаго собственноручной резолюціи велѣно обложить ихъ въ окладъ, а чтобъ ихъ изъ владѣнія помѣщиковъ выключить, о томъ нигдѣ и никакого указа не имѣется, не смотря на то кіевская губернская канцелярія обложивъ помянутыхъ раскольниковъ взяла въ свое вѣденіе, а помѣщиковъ къ владѣнію допущать не стала, чѣмъ они лишены наслѣдныхъ своихъ и выслуженыхъ земель. Въ 1731 году отошли у шляхетства и прочихъ малороссійскихъ чиновъ многія деревни, земли и прочія угодія какъ наслѣдныя, такъ жалованныя и другими правильными образы пріобрѣтенныя подъ строеніе украинской линіи и на поселеніе при оной однодворцовъ. Въ 1752 году взяты весьма

обширныя и пространныя земли и отданы подъ поселеніе Новой Сербіи, изъ коихъ нѣкоторыя принадлежатъ малороссійскому шляхетству и козакамъ по грамотамъ и крѣпостямъ, а прочія отъ самыхъ древнихъ временъ низовымъ запорожскимъ козакамъ, что доказывается имѣющимися у малороссійскихъ помѣщиковъ жалованными грамотами и крѣпостьми, трактатомъ вѣчнаго міра, заключеннымъ съ Польшею въ 68 году, и пунктами гетмана Мазепы, въ которыхъ между прочимъ по 20 пункту всѣ пустыя мѣста и земли около Днѣпра велѣно населить малороссійскими жителями, для удержанія отъ набѣговъ и утѣсненія крымскихъ татаръ, въ силу котораго, также присланныхъ изъ бывшаго кабинета въ 1741 и изъ правительствующаго сената въ 1744 годахъ указовъ, и началъ было малороссійскій народъ по той сторонѣ Днѣпра слободами на оныхъ земляхъ селиться и принадлежалъ къ малороссійскому вѣдомству и общія съ малороссіянами неслъ подати, въ.... году и тѣ слободы изъ малороссійскаго вѣдомства исключены и отданы подъ вѣдомство камендантовъ крѣпости святыя Елисаветы и, хотя о таковомъ помянутыхъ земель и имѣній отобраніи учинены, куда надлежало, отъ меня гетмана въ разныхъ годахъ представленія, однако по онымъ возвращенія не воспослѣдовало. Всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ: 1) какъ объ отшедшихъ въ давнія годы къ слободскимъ полкамъ малороссійскихъ земляхъ, такъ и о назначеніи генеральной малороссійской межи указать учредить особливую коммиссію, на такомъ основаніи, какъ оная въ.... году учреждена была, и есть ли по слѣдствію сыщется, что помянутыя мѣстечка и деревни поселились на малороссійскихъ земляхъ, то какъ оныя, такъ и городъ Котельву съ уѣздомъ приписать къ малороссійскому вѣдомству. 2) Раскольниковъ, поселившихся на земляхъ малороссійскаго шляхетства, отдать въ подданство тѣхъ земель помѣщикамъ, чтобъ они по примѣру другихъ малороссійскихъ мужиковъ помѣщичьи работы исправляли, а притомъ бы и положенный на нихъ окладъ въ кіевскую Губерскую канцелярію, а есть ли сего за чемъ либо невозможно, то вывести ихъ всѣхъ въ Великую Россію на прежнія ихъ жилища по силѣ прежнихъ указовъ. 3) Указать отдать всѣ взятыя подъ линію и поселеніе однодворцовъ малороссійскаго шляхетства и прочихъ чиновъ земли, ибо, по мнѣнію инженеровъ, линію на другія способнѣйшія и къ закрытію почти всѣхъ

вашего императорскаго величества границъ лучше служащія мѣста перенесть можно. 4) Такимъ-же образомъ отдать всѣ взятыя подъ поселеніе Новой Сербіи земли, а поселившійся на оныхъ не одной сербской и прочихъ дозволенныхъ, но и зо всѣхъ націй збродной и весьма многочисленной народъ перевесть для жительства на другія внутрь Имперіи вашего императорскаго величества находящіяся пустыя и выгодныя мѣста, чѣмъ можно ихъ удержать и отъ побѣговъ, которыя они чинятъ, взявъ прежде довольное изъ казны вашего императорскаго величества жалованье, а малороссійской народъ, а особливо военно-служащихъ козаковъ сохранить при ихъ земляхъ и имѣніяхъ. 5) Новонаселившіеся изъ малороссійскаго народа слободы присоединить къ Малой Россіи, о чемъ они и сами вашего императорскаго величества въ правительствующемъ сенатѣ просили, и позволить имъ и впредь населяться выходящимъ изъ Польши малороссійскимъ народомъ и запорожскими козаками, которые жениться пожелаютъ.

4(2).

О волѣномъ избраніи гетмана.—Хотя договорными гетмана Богдана Хмельницкаго статьями, какъ скоро гетманъ умретъ, вольное малороссійскому народу избраніе другаго гетмана дозволено, а вашему императорскому величеству извѣщать о томъ велѣно, и тожъ самое всѣхъ другихъ гетмановъ статьями подтверждено; но понеже противное тому случилось послѣ смерти гетмановъ Скоропадскаго и Апостола, а между тѣмъ введены были новые уряды гетманскаго правленія, съ вольностями и прежними малороссійскаго народа обыкновеніями несходныя, того ради всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ подтвердить вновь вышепомянутыя прежнихъ гетмановъ статьи, чтобъ, когда волею Божіею гетману нашему смерть случится, вольно было намъ тогожъ времени, по древнему обыкновенію нашему, избрать новаго гетмана, и чтобъ помянутый новоизбранный гетманъ на томъ своемъ урядѣ отъ вашего императорскаго величества подтвержденъ былъ во всемъ противъ того, какъ гетманъ Богданъ Хмельницкій при принятіи своемъ въ подданство всероссійскихъ монарховъ.

3.

О судахъ и о трибуналѣ.—По правамъ малороссійскимъ положены подкоморскіе, то-есть межевые, земскіе и градскіе суда, которыхъ всѣхъ порядокъ дѣла и должности описаны въ книгѣ Статутѣ и въ установленіяхъ сеймовыхъ, сверхъ того во время пребыванія Малыя Россіи подъ королями польскими для апеляціи на вышеписанные суды, имѣла она главнѣйшій свой судъ, называемый трибуналъ, который отправлялся въ городѣ Люблинѣ и на который изъ всѣхъ своихъ воеводствъ, земель и повѣтовъ избирала и отправляла депутатовъ изъ шляхетства. Въ пунктахъ-же гетмана Богдана Хмельницкаго и въ привилегіи, данной малороссійскому шляхетству, хотя тѣ земскіе и градскіе суда подтверждены, и велѣно имъ остаться на прежнемъ основаніи, а шляхетству вольное межъ себя на уряды земскіе и градскіе избраніе дозволено, однако нынѣ въ Малой Россіи тѣхъ судовъ нѣтъ, но всѣ межевыя, земскія и градскія дѣла стали быть вѣдомы въ полковыхъ и сотенныхъ канцеляріяхъ, отъ полковниковъ, сотниковъ и прочихъ старшинъ, вмѣсто-же трибунала учрежденъ войсковый генеральный судъ не на такомъ основаніи, какъ въ правахъ предписано, и хотя по правамъ нашимъ къ градскимъ дѣламъ можно опредѣлять и изъ воинскихъ старшинъ; однако сіи дѣла совсѣмъ другія учрежденія и порядки свои имѣютъ, нежели воинскія, и слѣдовательно съ оными мѣшаться никогда не должны; земскія-же дѣла, яко требующія совершеннаго знанія и употребленія правъ, особливыхъ своихъ судей, выбранныхъ изъ шляхетства, имѣть должны; а отъ таковаго вышепомянутыхъ судовъ уничтоженія произошло и происходитъ въ Малой Россіи немалое въ дѣлахъ и порядкахъ малороссійскаго народа замѣшательство, ибо тѣ войсковые старшины, будучи больше заобыкновенны къ воинскимъ дѣламъ, въ земскихъ дѣлахъ надлежащаго народу удовольствія и правосудія дѣлать, а при томъ и своей воинской должности по надлежащему исправлять не могутъ, и сіе было причиною, что помянутые старшины въ прежнія времена земскія и градскія такъ, какъ и воинскія дѣла, на словахъ производили и рѣшали по своему произволенію, а книги, въ которыхъ заключаются малороссійскія права, весьма рѣдко и то развѣ отъ ученыхъ судей употребляемы были. По сей причинѣ принужденъ былъ я гетманъ вашему императорскому величеству представить объ учрежденіи

въ Малой Россіи подкоморыхъ, на что и высочайшее вашего императорскаго величества получилъ повелѣніе, въ силу котораго оные подкоморые нынѣ въ Малой Россіи учреждаются; но, понеже подкоморскіе суда всегдашній союзъ и снѳшеніе имѣть должны съ судами земскими и градскими и быть подъ апеляціею трибунала, того ради о учрежденіи тѣхъ земскихъ и градскихъ судовъ нынѣ въ Малой Россіи распоряженія чинятся. Вашего-же императорскаго величества всеподданнѣйше просимъ всемилостивѣйше подтвердить, чтобъ какъ тѣ земскія и градскія суда, такъ и малороссійской трибуналъ учреждены были на основаніи правъ и привилегій нашихъ и опредѣляемыя въ тѣ суда и трибуналъ чиновники избираемы были вольными голосами изъ шляхетства, но понеже отъ онаго трибунала, по силѣ правъ нашихъ, никуды апеляція не должна быть, кромѣ къ вашему императорскому величеству, и то только въ такихъ криминальныхъ дѣлахъ, гдѣ о потеряніи чести и жизни дѣло идетъ, того ради предаемъ на высочайшее вашего императорскаго величества соизволеніе, куда отъ онаго трибунала не токмо по показаннымъ въ правахъ нашихъ дѣламъ, но и по всѣмъ прочимъ имѣть апеляцію указать соизволите.

4.

О генеральной радѣ.—Вышеписанный трибуналъ и суда по силѣ правъ должны во всемъ поступать по точности законовъ и рѣшить тѣ дѣла, которыя имъ во оныхъ предписаны, а по вновь случающимся дѣламъ никакихъ рѣшеній издавать и новыхъ установленій дѣлать не могутъ; но такія новыя дѣла рѣшены и установленія узаконяемы были во время польскаго владѣнія сперва на сеймикахъ нашихъ, а потомъ подтверждаемы были на главныхъ сеймахъ общимъ короля и всей республики согласіемъ. Послѣ-же подданства Малыя Россіи подъ россійскую державу на генеральныхъ гетмана и всѣхъ малороссійскихъ чиновъ радахъ, на которыя собирались обыкновенно къ новому году, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда нужда потребуетъ, какъ то явствуетъ изъ пунктовъ, данныхъ прежнимъ гетманамъ, и другихъ документовъ; почему и нынѣ всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ дозволить намъ одиножды въ годъ въ такое время, которое мы къ тому за способное изберемъ и поставимъ, а въ чрезвычайныхъ слу-

чаяхъ, когда нужда потребуетъ, имѣть сеймы или генеральныя рады, какъ для общихъ нашихъ постановленій и дѣлъ, такъ и для совѣтовъ въ нуждахъ малороссійскаго народа случающихся къ вашему императорскому величеству, на которыхъ сеймахъ или радахъ всѣ таковыя новыя постановленія и дѣла должны заключаемы и рѣшены быть по большинству голосовъ, но силы и дѣйствія своего до того времени имѣть не должны, пока гетманъ и прочіе малороссійскіе чины не представятъ вашему императорскому величеству чрезъ своихъ депутатовъ и не испросять на оныя всемилостивѣйшей конфирмаціи.

5.

О недачѣ иностраннымъ людямъ деревенъ и чиновъ въ Малой Россіи и о выводѣ грузинцовъ.—По праву малороссійскому книги статута раздѣла 3, артикула 12 и по пунктамъ прежнихъ гетмановъ никто изъ иностранныхъ и прихожихъ людей не имѣетъ никакого права къ произведенію въ чины и къ награжденію деревнями и землями, но всѣ таковые авантажи должны получать природные знатные и заслуженные малороссійскіе люди; отъ нѣсколькихъ-же уже лѣтъ производятся въ Малой Россіи въ чины и награждаются деревнями иностранные пришельцы и заграничные люди, незнающіе ни правъ, ни обыкновеній малороссійскихъ и никакихъ услугъ въ Малой Россіи не показавшіе, какъ-то сербы, греки, волохи и прочіе, а особливо по указу 1739 года розданы грузинцамъ городы, мѣстечка и деревни болѣе пяти тысячъ дворовъ, и хотя именнымъ указомъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государыни императорицы Елисаветы Петровны 1742 года, на докладъ правительствующаго сената состоявшимся, оныхъ грузинцовъ вывесть велѣно, однако и до сихъ поръ не выведены, а нынѣ и сами оные грузинцы поданнымъ мнѣ гетману доношеніемъ просятъ о представительствѣ къ вашему императорскому величеству, чтобъ они выведены изъ Малой, а напротивъ того награждены были въ Великой Россіи.—Всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ, какъ оныхъ грузинцовъ нынѣ изъ Малой Россіи вывесть, такъ и впредь иностранныхъ и заграничныхъ людей какъ деревнями и землями, такъ и чинами не награждать, кромѣ такихъ, которые, поселясь въ Малой Россіи, знатныя вашего императорскаго величества заслуги

покажутъ, и въ томъ отъ гетмана и старшины рекомендованы будутъ; но чтобъ всѣ таковыя награжденія и авантажи оставались навсегда при природныхъ малороссіянахъ.

6.

О вольностяхъ духовнаго чина.—Духовный чинъ въ Малой Россіи почти во всемъ равными правами, привилегіями и преимуществами пользуется, что и шляхетство, которые оному и отъ предковъ вашего императорскаго величества во время подданства и послѣ того, какъ договорными статьями, такъ и особливыми подтверждены грамотами. Между-же прочими имѣлъ онъ право свободнаго избранія духовными и свѣцкими людми въ знатнѣйшіе духовные чины, какъ то на митрополію кіевскую, на архіепископію черниговскую и на прочіе архіерейства и знатнѣйшія архимандріи, и почти всегда въ тѣ чины кандидаты выбираемы были по силѣ правъ изъ шляхетства, а послѣ того представлялись для пожалованія въ митрополиты, архіереи и знатнѣйшіе архимандриты къ предкамъ вашего императорскаго величества, и кого они пожалуютъ, того святѣйшіе патріархы и посвящали; другихъ-же духовныхъ чиновниковъ послѣ избранія посвящали архіереи. Таковое вольное избраніе уже и по состояніи святѣйшаго сунода при гетманѣ Скоропадскомъ производимо было; но за нѣсколько предъ симъ лѣтъ оное въ дѣйство не производится и кромѣ одной кіево-печерской лавры, которая еще и доселѣ сіе право сохраняетъ, свободнаго на духовныя чины избранія не бываетъ, а производятся на архіерейства представляемые отъ святѣйшаго синода кандидаты, часто и изъ такихъ людей, которые въ Малой Россіи не постригались, никакихъ тутъ заслугъ не показали и обыкновеній и порядковъ здѣшнихъ не знаютъ, и для сего всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ: 1) подтвердить малороссійскому духовному чину всѣ права, прежнія обыкновенія и привилегіи, выключая одну только свободную покупку и другими образы присовокупленіе земель и деревень; ибо та свобода имъ еще прежде подданства Малыя Россіи подъ россійскую державу установленіемъ сеймовымъ при королѣ Владиславѣ Четвертомъ, въ 1635 году состоявшимся, отсѣчена; и сіе-жъ самое подтверждено рѣшительными пунктами по прошенію гетмана Апостола. 2) Дозволить вольное, по

силѣ прежнихъ обыкновеній, духовными и свѣцкими чинами избраніе на митрополію кіевскую и прочія архіерейства и на знатнѣшія архимандріи, такъ, чтобъ избранные на митрополію, архіерейства и ставропигіальные монастыри кандидаты представляемы были для пожалованія прямо къ вашему императорскому величеству и кого изъ нихъ пожаловать изволите, тотъ чтобъ отъ святѣйшаго сунода посвященъ былъ.

7.

О положеніи на имѣнія духовнаго чина особливыхъ податей для содержанія училищъ.—Пользуясь тѣми-жъ правами, привилегіями и преимуществами, духовный чинъ въ Малой Россіи, что и шляхетство, имѣетъ по силѣ малороссійскаго права книги Статута роздѣла 2, артикула 9, и установленій сеймовыхъ тоже самое обязательство къ отправленію воинской службы изъ своихъ имѣній, которая отправляема была во время бытности подъ Польшею чрезъ опредѣляемыхъ къ тому отъ духовнаго чина воинскихъ людей; а послѣ подданства подъ россійскую державу нѣкоторые изъ гетмановъ въ пунктахъ своихъ, не знаемъ для какихъ причинъ, въ противность правъ и прежнихъ постановленій, оной духовной чинъ отъ податей на войско свободными учинили, съ тѣмъ только предобереженіемъ, чтобъ духовные въ свои вотчины впредь никого изъ мужиковъ не принимали, чего однако оные не наблюдали и до сего времени не наблюдаютъ; а отъ сего произошло то, что духовной чинъ, особливо-же монастыря, имѣя лучшія въ Малой Россіи деревни и угодія, не малымъ противъ шляхетства пользуются облегченіемъ, но чтобъ они особливыхъ ставили людей для отправленія воинской службы, въ томъ никакой не предусматривается нужды, ибо Малая Россія довольно военнослужащихъ козаковъ имѣетъ; почему просимъ вашего императорскаго величества дозволенія вмѣсто того, сверхъ общенародныхъ податей, по разсмотрѣнію гетмана съ старшиною, положить какой особливой на ихъ имѣнія или мужиковъ денежной окладъ и оной собирая употреблять на содержаніе училищъ, какъ о томъ ниже упомянуто будетъ.

8.

О вольностяхъ малороссійскихъ козаковъ. — Малороссійскіе козаки, издревле извѣстные подъ именемъ низоваго и городоваго запорожскаго войска, имѣютъ особливые свои привилегіи и вольности: оныя состоятъ въ вольномъ ими, вмѣстѣ съ прочими малороссійскими чинами, избраніи гетмана и старшинъ, отъ которыхъ они по воинскимъ дѣламъ всегда судиться должны, а по земскимъ издревле судятся они тѣмъ-же правомъ, что и шляхетство; они обязаны только къ одной воинской службѣ, а отъ прочихъ должностей, податей и работъ, какъ сами они, такъ по смерти ихъ жены и дѣти ихъ свободны быть должны. Ихъ домы, хуторы, рощи, сады, займища и огороды, сѣножати и прочія земли и угодія свободны были такъ, какъ и шляхетскія отъ всякихъ налоговъ, постоевъ, опустошеній и обидъ. Имъ-же дозволена была свободная звѣриная и рыбная ловля на свободныхъ поляхъ и рѣкахъ, не упоминая о другихъ пожалованныхъ имъ вольностяхъ. Сіе все какъ королей польскихъ, такъ и предковъ вашего императорскаго величества привилегіями подтверждено и при поставленіи гетмановъ поновляемо было: почему они къ службѣ вашего императорскаго величества всегда готовы и во оной исправны были. Но нынѣ весьма немногими изъ вышепомянутыхъ вольностей и выгодъ пользуются; ибо, какъ выше въ 3-мъ пунктѣ помянуто, узяты у малороссійскихъ козаковъ, такъ какъ у шляхетства и запорожскихъ козаковъ, и отданы подъ строеніе линіи и на поселеніе однодворцевъ и Новой Сербіи многія земли, которыми они пользовались и изъ тѣхъ службъ свою отправляли. Сверхъ сего малороссійскіе козаки обложены половинными противъ мужиковъ податьми, для безплатнаго содержанія провіантомъ и фуражемъ шести драгунскихъ полковъ съ ихъ генералитетомъ, такожъ главной полевой аптеки и глуховскаго гарнизона, что учинено въ силу имяннаго указа .... года по той необходимости, что одни малороссійскіе мужики, безъ всеконечнаго ихъ и ихъ помѣщиковъ разоренія, помянутыхъ полковъ и аптеки содержать не могутъ; у нихъ также, какъ и у другихъ малороссійскихъ обывателей, во время квартированія или проходу великороссійскихъ полковъ, часто и безъ отводу ставятся постои, а самихъ ихъ и ихъ лошадей берутъ въ подводы и повозки, по большей части безъ платы. Нѣтъ почти никакой многотрудной и тяжелой въ госу-

дарствѣ работы, гдѣ-бы малороссійскіе козаки употреблены не были, какъ-то: къ строенію каналовъ, линій, крѣпостей, шанцовъ, засѣкъ и прочего. А когда и въ воинскія наряды, какъ-то въ походы и для обереженія границъ вашего императорскаго величества отправляются, то и тутъ, вмѣсто настоящей ихъ воинской должности, командующіе ими великороссійскіе офицеры употребляютъ ихъ въ партикулярныя свои работы, а лошадей ихъ въ подводы и повозки, и въ таковыхъ командировкахъ и на работахъ малороссійскихъ козаковъ не токмо въ военное, но и въ мирное время, когда прочіе вашего императорскаго величества легкія войска покоятся, бываетъ болѣе десяти тысячъ, со всѣмъ тѣмъ всѣ таковыя отягченія отъ многихъ и за службу не почитаются. И для того всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ подтвердить малороссійскимъ и низовымъ запорожскимъ козакамъ всѣ ихъ прежнія привилегіи и вольности, а именно: вольное избраніе гетмана и старшины и чтобъ они по воинскимъ дѣламъ между собою отъ нихъ и судимы были, а по земскимъ и градскимъ въ тѣхъ-же судахъ вѣдомы были, что и шляхетство, чтобъ какъ они сами, кромѣ воинской настоящей службы отъ всякихъ другихъ должностей, податей и работъ, такъ по смерти ихъ жены и дѣти ихъ тѣми-же свободами, что и они, пользовались; имѣнія-же ихъ, то есть: домы, хуторы, рощи, сады, займища, огороды, сѣножати и прочія земли и угодія чтобъ свободны отъ всякихъ налоговъ, постоевъ, кромѣ въ случаѣ необходимости, опустошеній и обидъ, и въ безпрепятственномъ владѣніи и употребленіи имъ всегда тверды были; чтобъ отданы имъ были взятыя подъ линію и подъ поселеніе однодворцевъ и Новой Сербіи земли; чтобъ дозволена имъ свободная звѣриная и рыбная ловля на свободныхъ поляхъ и рѣкахъ, а продажа вина, меду, пива и прочихъ напитковъ въ своихъ домахъ по городамъ и селамъ; чтобъ сложены были съ нихъ подати, которыя они, будучи и сами воинскіе люди, на содержаніе драгунскихъ полковъ, генералитета, полевой аптеки и глуховскаго гарнизона вмѣстѣ съ мужиками платятъ; чтобъ какъ проходящимъ, такъ и командующимъ великороссійскимъ генералитету, штабъ и оберъ-офицерамъ и всѣмъ, ктобъ какого званія ни былъ, найстрожайшимъ образомъ запрещено было какъ самихъ козаковъ, такъ и ихъ лошадей брать и употреблять не токмо въ партикулярныя свои, но ни въ казенныя ра-

боты подводы и повозки. Словомъ сказать: чтобъ они ни къ чему другому и никогда употребляемы не были, кромѣ настоящей воинской и вашему императорскому величеству должной службы.

9.

О распоряженіи малороссійскихъ козаковъ. — По пунктамъ гетмана Богдана Хмельницкаго положено войску запорожскому быть *шестидесяти тысячамъ*, а по уступленіи, сперва Андрусовскими договорами, а потомъ и трактатомъ вѣчнаго мира заднѣпрской Украйны полякамъ, въ пунктахъ другихъ гетмановъ положено быть только тридцати тысячамъ, и онымъ всѣмъ обѣщано давать жалованье изъ малороссійскихъ доходовъ по тридцати золотыхъ польскихъ, что россійскими деньгами учинитъ три рубли, которое они и въ бытность свою подъ Польшею получали; а сверхъ того за всякіе походы и воинскія дѣйствія награждаемы были немалыми суммами денегъ не въ зачетъ жалованья. Но съ самаго времени подданства Малыя Россіи подъ державу предковъ вашего императорскаго величества козаки, сперва по причинѣ многихъ бывшихъ на Малую Россію непріятельскихъ нападеній и междуусобныхъ возмущеній и непорядковъ, для которыхъ никакихъ порядочныхъ податей и поборовъ ввесть нельзя было, а потомъ, когда оныя подати и поборы введены были для весьма немногихъ, отъ оныхъ бывающихъ доходовъ, никакого жалованья не получали, развѣ когда что изъ милости во время походовъ или за знатныя ихъ военныя дѣйствія пожаловано, но служили всегда изъ своего имѣнія, довольствуясь одними пожалованными имъ вольностями, въ которыхъ нынѣ, какъ выше показано, чувствуя немалой ущербъ и не получая за службу свою никакого жалованя, въ такое пришли отощеніе и бѣдность, что хотя число ихъ не уменьшилось, однако рѣдкой козакъ сыщется, который-бы службу свою порядочно и исправно отправлять могъ, такъ что во время государыни императрицы Анны Іоанновны, по присланному Ея Императорскаго Величества въ 1736 году указу, съ нуждою можно было набрать 20,000 къ службѣ годныхъ козаковъ, почему принуждено было разбирать ихъ по статьямъ и убогшихъ давать въ подмогу къ зажиточнѣйшимъ, со всѣмъ тѣмъ нынѣ и изъ того двадцати-тысячнаго числа едва-ль половина набраться можетъ, кои-бы во

всякой исправности на службу выйти могли. Почему вашего императорскаго величества просимъ для приведенія въ первобытное состояніе и исправность къ службѣ сихъ бѣдныхъ и разоренныхъ военнослужащихъ людей повелѣть учинить слѣдующія учрежденія: 1) разобрать всѣхъ козаковъ, которые могутъ служить конную, и которые пѣшую службу, и для сихъ учредить особливые пѣшіе полки, ибо при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ и прочихъ были въ Малой Россіи конные и пѣшіе полки, а потомъ распредѣлить ихъ такимъ образомъ, чтобъ нѣсколько дворовъ козачихъ содержали одного доброго и всегда къ службѣ вашего императорскаго величества готоваго коннаго, а другихъ нѣсколько-жъ дворовъ пѣшаго козака. 2) Учинить коннымъ и пѣшимъ козакамъ особливые списки, по которымъ должны они всегда остаться при своихъ полкахъ и сотняхъ, и чтобъ зъ одного полку въ другой, или изъ сотни въ сотню не переходили.

10.

О снятіи консистенскихъ дачъ и о расположеніи оныхъ въ Малой Россіи для жалованья козакамъ.—Но понеже и при такомъ распоряженіи весьма ненадежно, чтобъ козаки сами себя во всякой исправности къ службѣ содержать могли, ибо къ содержанію одного козака не можно больше опредѣлить, какъ два или три двора, которые должны его во всемъ обмундировать, покупать ему лошадь, ружье и всю воинскую аммуницію, а во время командированія давать провіантъ и фуражъ и повозку, того ради всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ всѣхъ малороссійскихъ какъ козаковъ, такъ мѣщанъ и мужиковъ уволить отъ безплатнаго содержанія консистующихъ въ Малой Россіи шести драгунскихъ полковъ съ ихъ генералитетомъ, главной полевой аптеки и глуховскаго гарнизона, ибо таковое безплатное содержаніе введено въ отмѣнность правъ гетмана Богдана Хмельницкаго пунктовъ и обѣщанія государя императора Петра Великаго о невзиманіи ни единаго пѣнязя въ свою казну изъ Малой Россіи, а хотя при жизни его величества во время шведской войны, по согласію гетмана Скоропадскаго, и было нѣсколько великороссійскихъ полковъ на содержаніи Малыя Россіи, но за то присланною къ тому-жъ гетману генваря отъ 8 дня 1717 года изъ Амстердама грамотою, по

окончаніи оной войны, его величество Малую Россію милостію своею и содержаніемъ, безъ всякаго умаленія правъ и вольностей, наградить обѣщалъ, что во исполненіе приводя, при росписаніи всѣхъ армейскихъ полковъ на вѣчныя въ Великой Россіи квартеры, не положилъ его величество ни единаго драгуна или солдата на содержаніе Малыя Россіи, но сіе вышеписанныхъ полковъ и аптеки содержаніе введено въ непремѣнный обычай при жизни государыни императрицы Анны Іоанновны въ 1731 и 1732 годахъ, и тѣмъ для малороссійскаго народа тяжестнѣе, что порціи и раціи требуются натурою, а не деньгами, по штатской цѣнѣ, по большей части въ неудобное время, въ которое ежели натурою малороссійскіе обыватели поставить не въ состояніи, то берутъ съ нихъ отъ двухъ до шести рублевъ за каждую рацію, съ неслыханными опредѣленнымъ къ тому коммисарамъ и прочимъ обывателямъ нападками и озлобленіями, о чемъ отъ меня гетмана неоднократно, куда надлежитъ, представляемо было; однако Малая Россія чрезъ то никакого облегченія не получила; вмѣсто-же содержанія помянутыхъ полковъ и аптеки дозволить намъ ту сумму, которая на оные полки и аптеку исходитъ, расположить на всѣхъ мѣщанъ, тако-жъ шляхетскихъ, духовнаго чина и всѣхъ прочихъ мужиковъ, равномѣрнымъ образомъ и на цыганъ, которые указомъ апрѣля 2 дня 1755 года отъ всякихъ податей уволены и шатаются въ Малой Россіи праздно, не отбывая никакихъ общенародныхъ тягостей, для заплаты опредѣленному числу конныхъ и пѣхотныхъ козаковъ положеннаго имъ въ пунктахъ прежнихъ гетмановъ жалованья, а то-ли имъ производить жалованье, которое въ пунктахъ положено, или больше или меньше, то просимъ отдать на общее наше распоряженіе, которое, смотря по доходамъ, учинивъ, въ свое время вашему императорскому величеству мы донесемъ и будемъ просить всемилостивѣйшей конфирмаціи. Естли-же сей матерней вашего императорскаго величества милости въ увольненіи отъ содержанія помянутыхъ полковъ и аптеки Малой Россіи не воспослѣдуетъ, то ниже козаковъ отъ положенныхъ на тѣ полки податей безъ всеконечнаго, какъ выше писано, мужиковъ и ихъ помѣщиковъ разоренія уволить не можно. Помянутый-же денежный сборъ долженъ собираемъ быть, въ силу тѣхъ-же Богдана Хмельницкаго пунктовъ, отъ малоросейскихъ урядниковъ и отдаваемъ въ скарбъ войсковый, а отъ онаго распре-

дѣляемъ на жалованье и прочіе воинскіе расходы, въ которыхъ, такъ какъ и во всѣхъ прочихъ приходахъ и расходахъ, подскарбій войсковый генеральный каждой годъ считанъ быть имѣетъ.

11.

О дачѣ особливаго жалованья малороссійскому войску въ заграничныхъ походахъ.—Получивъ малороссійскіе козаки отъ вашего императорскаго величества вышеписанныя милости, безотвѣтны были-бы, естли-бы къ службѣ вашего императорскаго величества во всякое время не готовы или нерадѣтельны и во оной неисправны были; но ежели случиться имъ когда быть на службѣ вашего императорскаго величества въ дальнихъ и заграничныхъ походахъ, то ни какъ не можно, чтобъ они себя своимъ содержаніемъ и жалованьемъ, а особливо, ежели опредѣлится такое, какъ выше писано, или еще и меншее, тако-жъ провіантомъ и фуражемъ содержать могли: для чего всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ, чтобъ, въ случаѣ такихъ заграничныхъ походовъ, козаки и ихъ старшина и прочіе чины снабдѣваемы были въ добавку-жъ своему получаемому жалованью изъ казны вашего императорскаго величества конные противъ гусарскихъ, а пѣшіе противъ армейскихъ полковъ, а чиновники противъ тѣхъ чиновъ, которые имъ отъ вашего императорскаго величества пожалованы будутъ, съ такимъ-же провіантомъ и фуражемъ, какъ оные получаютъ.

12.

О заплатѣ долговъ малороссійскому народу.—Сверхъ безплатнаго содержанія вышеписанныхъ шести драгунскихъ полковъ генералитета, аптеки и глуховскаго гарнизона во время прошедшей турецкой войны, не упоминая того, что Малая Россія всю тяжесть оныя чрезъ нѣсколько лѣтъ несла содержаніемъ арміи вашего императорскаго величества на квартирахъ, поставкою, провіанта и фуража дачею, а больше насильнымъ взятіемъ въ подводы лошадей и быковъ не токмо мужичихъ, но козачихъ, шляхетскихъ и всякаго званія людей, взяты съ нея многія и различныя поборы, а именно быками и лошадьми до нѣсколькихъ сотъ тысячей, и прочими нужными для арміи вещами, и сіе все взимаемо было на счетъ заплаты по квитанціямъ и безъ квитан-

цій: такимъ-же образомъ взято и во время нынѣшней прусской войны быковъ и лошадей, сверхъ того какъ въ прежніе годы содержались, такъ и нынѣ содержатся отъ Малой Россіи провіантомъ и фуражемъ нѣкоторые полки на щетъ заплаты. Но за все вышеписанное, кромѣ нѣкоторой суммы, заплаченной за быки и лошади, взятыя во время турецкой войны, никогда рощету и заплаты не было, а таковой къ заплатѣ подлежащей суммы, по имѣющимся у насъ и посланнымъ въ правительствующій сенатъ и въ провіантскую канцелярію вѣдомостямъ, имѣеть быть ....., отъ чего какъ всѣ генерально обыватели малороссійскіе почувствовали не малое истощаніе, такъ особливо козаки и мужики пришли въ крайнее изнеможеніе и бѣдность. Какъ ни правильная малороссійскаго народа въ заплатѣ за все вышеписанное къ вашему императорскому величеству можетъ быть прозьба, однако мы полагаясь болѣе на матернее вашего императорскаго величества милосердіе, того только одного всеподданнѣйше просимъ, чтобъ повелѣно было тѣмъ мѣстамъ, на щетъ которыхъ всѣ вышеписанные на армію поборы и содержаніе полковъ были, здѣлать съ нами достовѣрныя рощеты, и изъ числа той суммы, которая въ заплату Малой Россіи слѣдовать имѣетъ, единственно пожаловать то, что Богъ вашему императорскому величеству на сердце положитъ, и тѣмъ поправить пребѣдное многихъ тысячей народа состояніе, для будущихъ-же временъ всемилостивѣйше подтвердить, чтобъ впредь таковыхъ безплатныхъ поборовъ, содержанія полковъ и поставокъ не было; но ежели и случится армейскимъ вашего императорскаго величества полкамъ и другимъ войскамъ для какихъ либо нуждъ проходить Малую Россію, или квартировать во оной, то чтобъ все на готовыя деньги покупаемо было.

13.

О вольностяхъ мѣщанъ.—Мѣщанство нѣкоторыхъ малороссійскихъ городовъ имѣютъ особливые свои привилегіи и вольности, данныя имъ отъ королей польскихъ и подтвержденныя отъ предковъ вашего императорскаго величества, и судятся особливымъ своимъ правомъ, называемымъ магдебургскимъ, а прочіе города и мѣстечка отъ владѣльцевъ или поставленныхъ надъ ними урядниковъ по своимъ древнимъ обыкновеніямъ, а въ земскихъ дѣлахъ тѣми-же правами, что и шля-

хетство; всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ подтвердить малороссійскому мѣщанству всѣ ихъ прежнія привилегіи и вольности, и чтобъ тѣ города, которые имѣютъ право судиться по правамъ магдебургскимъ, и впредь-бы оными судились, прочія-жъ города и мѣстечка, чтобъ судимы были по своимъ обыкновеніямъ отъ владѣльцевъ и урядниковъ.

14.

О дозволеніи вольнаго торгу въ Малой Россіи и введеніи по прежнему индукты и эвекты. -- Малороссійская комерція прежде сего была въ несравненно лучшемъ состояніи, нежели нынѣ, потому что дозволенное правами и привилегіями свободное отправленіе оныя возбраняемо и запрещаемо не было, ибо малороссійскому купечеству всякими какъ внутренними, такъ и иностранными товарами, а шляхетству и козакамъ своими продуктами и скотомъ безпошлинно свободный, внутрь и внѣ Малыя Россіи, торгъ сухимъ путемъ и водою дозволенъ былъ; а указами апрѣля 6-го 1714 года и ноября 20 го 1723 г. и прочими запрещено малороссійскимъ обывателямъ вывозить за границу важнѣйшія и прибыльнѣйшія ихъ продукты и товары, а именно: пеньку, поташъ, смальчугъ, сало, воскъ, масло конопляное и прочія, и кромѣ россійскихъ портовъ, никуда оными торговать не велѣно. Подкрѣпляла-жъ еще и послѣ таковаго запрещенія малороссійскую коммерцію та малая пошлина, которая въ Малой Россіи собиралась и называлась индуктою и эвектою, ибо по силѣ древняго малороссійскаго обыкновенія отъ привозныхъ въ Малую Россію и вывозныхъ изъ оныя товаровъ взимаема была съ нѣкоторыхъ весьма малая пошлина, а съ другихъ по оцѣнкѣ по двѣ копѣйки съ рубля, да сверхъ того по ярмонкамъ отъ иностранныхъ купцовъ собиралась особливая весьма умѣренная пошлина, и сей доходъ употребляемъ былъ отъ временъ гетмана Богдана Хмельницкаго на гетманскіе и войсковые расходы, что доказывается публикованнымъ отъ онаго гетмана въ 1654 году универсаломъ, и письмомъ государя императора Петра Великаго къ гетману Скоропадскому изъ Амстердама, мая 13 дня 1715 года писаннымъ. Учрежденіе сей индуктовой и эвектовой пошлины отъ самаго подданства Малыя Россіи пребывало всегда при предкахъ вашего императорскаго величе-

ства безъ всякія перемѣны и нарушенія, и хотя въ разныя времена, а именно въ 1725 и въ 1747 г. были отъ нѣкоторыхъ мѣстъ представленія, чтобъ по малороссійскимъ границамъ для взятья по тарифу пошлинъ учредить таможни, но оныя, яко вольностямъ малороссійскаго народа противныя, приговорами правительствующаго сената уничтожены и въ дѣйство не произведены, а велѣно индуктовому и эвектовому збору въ Малой Россіи остаться на прежнемъ основаніи, а ежели кто изъ Малой Россіи повезетъ въ Великую Россію товары, съ тѣхъ брать по тарифу пошлины въ учрежденныхъ по великороссійскимъ границамъ въ Брянскѣ, Сѣвскѣ, Курскѣ и въ прочихъ мѣстахъ таможняхъ. Въ прошломъ-же 1754 году тотъ индуктовой и эвектовой и прочіе въ Малой Россіи собиранные внутренніе сборы, публикованные по конфирмаціи блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государыни императрицы Елисаветъ Петровны, указомъ оставлены, а велѣно учредить по польской и турецкой границамъ таможни и заставы, въ которыхъ съ привозныхъ и отвозныхъ товаровъ пошлины сбирать, какъ портовыя по тарифу, такъ и внутреннюю по тринадцати копѣекъ съ рубля, изъ сбору которыхъ, вмѣсто индуктовой и эвектовой пошлины, велѣно мнѣ гетману изъ таможенныхъ доходовъ производить по 50,000 рублей, да вмѣсто внутреннихъ малороссійскихъ сборовъ, которые употреблялись на разные общенародные малороссійскіе расходы, указомъ 1755 года по 48,147 рублей и 85 копѣекъ. А понеже какъ запрещеніе свободнаго вывозу продуктовъ и товаровъ малороссійскихъ, такъ и сіе новое учрежденіе портовыхъ таможенъ воспослѣдовало въ отмѣну правъ, привилегій и вольностей малороссійскаго народа и крайнее оному принесло отягченіе, а купечество малороссійское привело въ конечное разореніе и бѣдность, такъ что во всей Малой Россіи едвали могутъ сыскаться два или три человѣка купцовъ, посредственный капиталъ имѣющихъ, а прочіе всѣ чужимъ капиталомъ и товарами торгуютъ и больше въ упадокъ и банкротство, нежели въ приращеніе приходятъ; того ради всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ: 1) Дозволить малороссійскому купечеству всякихъ малороссійскихъ и иностранныхъ товаровъ, а шляхетству своихъ продуктовъ и скота безпошлинно свободный торгъ и безпрепятственный сухимъ путемъ и водою привозъ и вывозъ, по примѣру тому, какъ ваше императорское величество всемилостивѣй-

шимъ августа 10 дня 762 года указомъ великороссійскому купечеству отъ всѣхъ портовъ товары отпущать позволили. 2) Оставить сборъ портовыхъ и внутреннихъ пошлинъ, собираемый въ учрежденныхъ по польской и турецкой границахъ таможняхъ и заставахъ, и оныя таможни и заставы свесть и учредить по прежнему по великороссійскимъ границамъ, а вмѣсто вышеписанныхъ пошлинъ повелѣть собирать издревле въ Малой Россіи обыкновенной индуктовой и эвектовой зборъ, съ котораго мнѣ гетману получать опредѣленныя 50,000 рублей. 3) Бывшіе въ Малой Россіи внутренные зборы, отставленные вышеписаннымъ 1754 года указомъ, чтобъ впредь никогда возобновляемы не были, а вмѣсто оныхъ дозволить намъ прибавить по нѣсколько процентовъ къ индуктовымъ и эвектовымъ пошлинамъ, которые на границахъ собираемы быть имѣютъ въ скарбъ войсковой и употребляемы въ недостаткѣ другихъ податей на содержаніе войска и на прочія нужнѣйшія и полезнѣйшія малороссійскаго народа расходы.

15(13).

О деревняхъ и жалованьи малороссійской старшинѣ.— Малороссійской старшинѣ, по пунктамъ гетмана Богдана Хмельницкаго, такъ-же положено денежное жалованье и другіе нѣкоторые авантажи изъ малороссійскихъ доходовъ, а послѣ того какъ при прочихъ гетманахъ, такъ особливо при гетманѣ Апостолѣ, опредѣлены генеральной старшинѣ, полковникамъ и нѣкоторыхъ полковъ полковой старшинѣ и сотникамъ деревни, а другимъ опредѣлено денежное жалованье, и хотя сіе немного къ ихъ поправленію служитъ, ибо деревни опредѣлены самыя бѣдныя, а жалованье весьма малое, однако и тутъ однимъ передъ другими небезобидное сдѣлано распредѣленіе, потому что однимъ даны лучшія, а другимъ худшія деревни, также и жалованье не всѣмъ равное, а другіе и никакого не имѣютъ; прочіе-же малороссійскіе чины, какъ бунчуковые, войсковые и значковые товарищи, служатъ также изъ своихъ имѣній безъ жалованья. Того ради всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ отдать на наше разсмотрѣніе, чтобъ, оставя генеральную старшину, полковниковъ и прочихъ старшинъ при ихъ деревняхъ, всѣмъ прочимъ старшинамъ, такожъ бунчуковымъ, войсковымъ и значковымъ товарищамъ опредѣлить равное по чинамъ

ихъ денежное жалованье изъ малороссійскихъ доходовъ; опредѣленнымъ же и впредь опредѣляемымъ къ гражданскимъ дѣламъ чиновникамъ опредѣлить-ли въ силу правъ отъ дѣлъ доходъ, или противъ вышеписанныхъ старшинъ жалованье, просимъ вашего императорскаго величества высочайшаго повелѣнія.

16.

О вольномъ торгѣ жидамъ въ Малой Россіи.—Прежде сего малороссійская комерція и тѣмъ не мало подкрѣпляема была, что какъ всему прочему иностранному купечеству, такъ и жидамъ свободное въ Малой Россіи торговъ отправленіе дозволяемо было, которые, яко пограничного государства люди, найбольшее въ малороссійскихъ торгахъ имѣли участіе, покупая малороссійскіе товары гораздо большею, а заграничные меньшею противъ нынѣшней цѣною, и хотя въ 1727 году помянутымъ жидамъ въѣздъ въ Россію запрещенъ былъ, но по прошенію гетмана Апостола по прежнему дозволенъ, а состоявшимся 1742 года указомъ какъ во всей, такъ и въ Малой Россіи тѣмъ жидамъ не токмо жительство, но и въѣздъ вновь запрещенъ; чтобъ жительство въ Малой Россіи помянутые жиды имѣли, мы о томъ вашего императорскаго величества утруждать не смѣемъ, а единственно для распространенія малороссійской комерціи о свободномъ ихъ для торговыхъ промысловъ въ Малую Россію въѣздѣ всеподданнѣйше просимъ.

17.

О небытіи впредь никакимъ откупамъ въ Малой Россіи. Ваше императорское величество, вѣдая совершенно, сколь много комерціи и государствамъ вредятъ откупы, всемилостивѣйшимъ вашимъ августа 10 дня прошлаго 1762 года указомъ оныя во всей Россіи отставили; тѣ откупы и всякія монополіи столько правами малороссійскими и установленіями сеймовыми запрещены, что и данныя на оныя привилегіи за неважныя почитать велѣно, почему ихъ въ Малой Россіи прежде сего и не бывало; однако за нѣсколько предъ симъ лѣтъ введены были и въ Малую Россію какъ прочія откупы, такъ особливо табачный, который къ немалому малороссійскаго народа служилъ отягченію и разоренію. Всенижайше вашему императорскому величеству

принося благодареніе за отставленіе сего откупа, просимъ подтвердить, чтобъ и впредь таковыхъ и сему подобныхъ, для народа разорительныхъ откуповъ никогда въ Малой Россіи не было.

18.

О непереходѣ съ мѣста на мѣсто и о невписываніи въ козаки малороссійскихъ мужиковъ.—Малороссійскіе мужики по правамъ малороссійскимъ и многимъ въ сходство тѣхъ правъ изданнымъ сеймовымъ установленіямъ не имѣютъ никакой вольности въ свободномъ изъ мѣста на мѣсто переходѣ, кромѣ въ такомъ случаѣ, когда ихъ помѣщикъ уволитъ; ибо по силѣ вышеписанныхъ правъ всякъ помѣщикъ своего бѣглаго мужика и слугу, гдѣ бы онъ ни былъ, сыскавъ со всѣмъ его домомъ и пожитками взять и пожилое на томъ, кто его пріиметъ, доправить можетъ, какъ то и до сего времени въ Польшѣ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ водится; также и въ пунктахъ гетмана Богдана Хмельницкаго и прочихъ гетмановъ такова вольнаго съ мѣста на мѣсто переходу нигдѣ малороссійскимъ мужикамъ не дозволено; но, по бывшимъ въ давные годы въ Малой Россіи замѣшательствамъ, оной самовольной переходъ, избывая отъ податей, работъ и другихъ должностей, мужики сами ввели въ обычай, и переходя съ мѣста на мѣсто, называли себе козаками, а отъ таковаго ихъ своевольства происходили многія непорядки и безчинства, что увѣдавъ предки вашего императорскаго величества въ данныхъ гетманамъ Дамяну Игнатову и Ивану Мазепѣ статьяхъ повелѣли для укрощенія таковаго ихъ своевольства содержать особливыя полки и въ пристойныхъ мѣстахъ дѣлать разъѣзды; со всѣмъ тѣмъ вольнаго малороссійскихъ мужиковъ перехода отвратить нельзя было, до воспослѣдовавшаго въ Малой Россіи, въ сходство правъ войсковой генеральной канцеляріи, въ 1739 году опредѣленія, которымъ вольной оной переходъ запрещенъ былъ, но потомъ въ 1742 году, по докладу правительствующаго сената, именнымъ указомъ по прежнему дозволенъ, а отъ сего свободнаго мужиковъ съ мѣста на мѣсто перехода не токмо малороссійскому шляхетству, но и всѣмъ обще обывателямъ дѣлается несказанная обида и разореніе; ибо чрезъ то помѣщики лишаются должныхъ себѣ отъ мужиковъ доходовъ и работъ, земледѣліе оскудѣваетъ, общенародныя подати умаляются

и никогда порядочно и уравнительно собираемы быть не могутъ, вмѣсто же того наполняются малороссійскими мужиками польскія мѣста, слободскіе полки и населяемыя на великороссійскихъ украинскихъ земляхъ слободы, а часто и сами малороссійскіе помѣщики, имѣя довольную землю, селятъ слободы и давъ мужикамъ нѣкоторую льготу, прилаекиваютъ ихъ въ свои селенія, а околичныхъ помѣщиковъ разоряютъ. Для сего всеподданнѣйше вашего императорскаго величества я гетманъ со всѣмъ малороссійскимъ шляхетствомъ просимъ: 1) таковый самовольный малороссійскихъ мужиковъ переходъ въ силу правъ малороссійскихъ впредь на всегда пресѣчь. 2) О перешедшихъ въ слободскіе полки и въ великороссійскія слободы приказать учинить публикацію, чтобъ они на прежнія свои жилища на положенной срокъ возвратились, а ежели не возвратятся, то чтобъ вольно было всякому помѣщику своего мужика отыскавъ взять и пожилыя деньги за оного доправить, по силѣ малороссійскихъ правъ, ибо о таковомъ несвободномъ малороссійскихъ мужиковъ на великороссійскія земли переходѣ и о высылкѣ оныхъ и отъ прежде меня бывшихъ гетмановъ къ предкамъ вашего императорскаго величества челобитье происходило. 3) Перешедшимъ отъ малороссійскихъ помѣщиковъ къ другимъ малороссійскимъ же помѣщикамъ мужикамъ, понеже тотъ вольный переходъ дѣлали они съ дозволенія, указать остаться навсегда на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ находятся. 4) Запретить всякаго званія мужикамъ впредь вѣчно не выписываться въ козаки. Всего вышеписаннаго мы отъ вашего императорскаго величества просимъ не токмо для сохраненія въ своей силѣ правъ нашихъ, но и для всеобщаго Малыя Россіи благосостоянія, ибо ежели таковаго вольнаго переходу и вписыванія въ козаки мужикамъ запрещено не будетъ, то Малой Россіи никогда никакого постояннаго благополучія и добрыхъ порядковъ ожидать не можно, потому что обнищаетъ шляхетство, а мужики, работая (и уплачивая) за другихъ свободно переходящихъ и въ козаки выписывающихся подати, прійдутъ въ крайнее изнеможеніе и разореніе, а напослѣдокъ вся Малая Россія опустѣетъ.

19.

О учрежденіи университетовъ, гимназій и типографій.— Къ безсмертной вашего императорскаго величества славѣ, а къ просвѣ-

щенію и пользѣ малороссійскаго народа весьма много служить можетъ, ежели всемилостивѣйше указать соблагоизволите, по примѣру находящихся въ иностранныхъ государствахъ университетовъ и гимназій и съ такими-жъ привилегіями, завесть и въ Малой Россіи два университета и нѣсколько гимназій; первый изъ оныхъ университетовъ, состоящій въ четырехъ факультетахъ, можетъ быть въ Кіевѣ, на томъ-же мѣстѣ, гдѣ нынѣ кіево-братскій училищный монастырь, изъ котораго монаховъ должно вывесть, и на томъ мѣстѣ построить домы для учителей и учениковъ; ибо во время основанія кіевскихъ школъ антецессоромъ моимъ, малороссійскимъ гетманомъ Петромъ Конашевичомъ-Сагайдачнымъ, а послѣ того митрополитомъ кіевскимъ Петромъ Могилою монастыря тамъ не было, а было только братство, то есть такое мѣсто, гдѣ могли жить свѣцкіе и духовные люди, приходящіе для ученія; а другой въ Батуринѣ, состоящій изъ трехъ факультетовъ, кромѣ богословскаго; а гимназіи въ тѣхъ городахъ, которые мы къ тому за способные изберемъ и усмотримъ. Оныя университеты и гимназіи всеподданнѣйше просимъ, чтобъ въ вѣчныя времена состояли во всемилостивѣйшей вашего императорскаго величества протекціи, а непремѣнными кураторами кіевскаго университета чтобъ былъ первымъ гетманъ, а вторымъ митрополитъ кіевскій для богословскаго факультета, въ который онъ согласно съ гетманомъ долженъ опредѣлять профессоровъ изъ монаховъ, или изъ бѣлыхъ священниковъ, и наблюдать за ними, чтобъ они никакого противнаго православной нашей вѣрѣ ученія не вводили, а батуринскаго и гимназій чтобъ кураторомъ былъ гетманъ. При тѣхъ-же университетахъ, а гдѣ запотребно судится, и при гимназіяхъ должно быть типографіямъ для печатанія какъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ книгъ, которыя, чтобъ не были противны вѣрѣ и самодержавному вашего императорскаго величества правленію, всегда будутъ свидѣтельствуемы отъ приставленныхъ кураторами цензоровъ; что-же касается содержанія оныхъ университетовъ и гимназій, то на оное могутъ употреблены быть экстраординарныя изъ духовныхъ имѣній собираться имѣющія подати, о которыхъ въ 6 пунктѣ упомянуто, а достальную сумму можно будетъ опредѣлить изъ таможенныхъ малороссійскихъ зборовъ, ежели ваше императорское величество оным на такомъ основаніи быть укажете, какъ въ пунктахъ упомянуто, и ежели оныя отъ

расположенія на войско въ остаткѣ быть могутъ. Сверхъ того когда грузинцы выведены будутъ, то въ подмогу на содержаніе оныхъ университетовъ можно будетъ опредѣлить нѣкоторыя изъ свободныхъ войсковыхъ деревень.

20.

О бытіи на обидителей всегдашней коммиссіи въ Малой Россіи.—Хотя многими строжайшими и смертною казнію грозящими предковъ вашего императорскаго величества, а особливо государя императора Петра Великаго 1708, государыни императрицы Анны Іоановны 1740 и государыни императрицы Елисаветъ Петровны 1742 годовъ указами запрещено, какъ проходящимъ, такъ и квартирующимъ великороссійскимъ войскамъ не дѣлать малороссійскимъ жителямъ никакихъ обидъ и озлобленій, не занимать безъ отводу квартиръ, не строить новыхъ конюшень, но довольствоваться обывательскими, не брать безъ подорожныхъ и по подорожнымъ самовольно лошадей и проводниковъ, не требовать безденежмо всякихъ съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ, кольми паче не дѣлать примѣтокъ, нападковъ, озлобленій и побоевъ; однако и до сего времени нѣкоторые своевольники отъ того не унимаются. Того ради всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ и нынѣ вышеписанные наглые поступки найстрожайше указомъ запретить, а для лучшаго малороссійскому народу защищенія учредить непремѣнную коммиссію, состоящую изъ знатныхъ великороссійскихъ чиновъ на такомъ точно основаніи, какъ оныя въ силу указа марта 13 дня 1740 года учреждена была.

Сіи суть всемилостивѣйшая государыня важнѣйшія прозьбы и нужды наши, въ которыхъ помилованія никто справедливѣе просить не можетъ, какъ вольный, но вольностьми своими не пользующійся, вѣрный вашего императорскаго величества малороссійскій народъ, и никто великодушнѣе оного имъ не можетъ оказать, какъ ваше императорское величество, премудрая и справедливая монархиня и матерь отечества; ибо ваше императорское величество, по данной вамъ отъ Бога прозорливости, болѣе всѣхъ знать изволите, что престолы владѣтелей и долгоденствіе государствъ болѣе утверждаются на правосудіи, милости и исканіи всеобщаго благополучія подданныхъ, нежели на собственной ихъ пользѣ и прибыткахъ.

Три письма Гр. Ѳ. Квитки къ М. А. Максимовичу*).

1.

Милостивый государь

Михаилъ Александровичъ!

Отзывъ вашъ, коимъ вы почтили меня, принесъ мнѣ важное утѣшеніе. Пріятно мнѣ было узнать, что вы, такъ много трудившійся и стяжавшій для нашей родовой литературы и вообще для наукъ пользы, обратили вниманіе на мою болтовню. Давно роилось во мнѣ желаніе сблизиться съ вами и хотя въ легкія сношенія войти, и вы были такъ внимательны, что сами отыскали меня. Благодарю васъ за умноженное удовольствіе. На требованіе ваше поучаствовать въ составленіи „Кіевлянина" скажу вамъ со всею откровенностію: пишу не по наряду, не дѣлаю изъ сего работы по обязанности, а такъ, какъ придется. Вспомнится какая Маруся, Галочка, отъ нечего дѣлать — напишу и такъ написанное все отправилъ къ пріятелю въ Петербургъ; онъ уже дережируетъ всѣмъ, и я въ распредѣленіи пьесъ вовсе не участвую и часто, получая какой журналъ, не ожидая въ немъ своей пьески, нахожу ее нечаянно. Теперь у меня совершенно нѣтъ ничего ни готоваго, ни придумываемаго; какъ вамъ пьеска нужна была-бы теперь, чтобы „Кіевлянинъ" не задержанно явился предъ добрыхъ людей къ новому году.

Мысль ваша, что-бы издавать что-либо по *насъкій мови*, кажется, съ наступающимъ годомъ должна осуществиться. Уже подана докладная записка (такъ, по крайней мѣрѣ, извѣщаютъ меня), что бы дозволено было при „Отечественныхъ Запискахъ" на 1840 годъ издавать 4, 6, 8 прибавленій на малороссійскомъ языкѣ. Ожидаемъ рѣшенія. Матеріалы есть; редакторъ г. Гребенка, который вамъ извѣстенъ;

---

*) Изъ коллекціи писемъ, пріобрѣтенныхъ редакціей отъ наслѣдниковъ Михаила Александровича; писаны по поводу начала изданія «Кіевлянина».

редакція не понесетъ убытковъ, по крайней мѣрѣ на первый годъ. *Мы* должны пристыдить и заставить умолкнуть людей съ чуднымъ понятіемъ гласно проповѣдующихъ, что не должно на томъ языкѣ писать, на коемъ 10 мил. говорятъ, который имѣетъ свою силу, свои красоты неудобоизъяснимые на другомъ, свои обороты, юморъ, иронію и все какъ будто у порядочнаго языка. Главное у насъ не рѣшено: какого или чьего правила держаться въ написаніи словъ? *Ѣ*, или *и*, *ы*, или *ґ*? и проч. и проч. Столько раскольниковъ у насъ по этому предмету, что нужно-бы составить вселенскій соборъ изъ всѣхъ сектъ и дѣло рѣшить. Признаюсь, я по неволѣ остался при правописаніи, названномъ вами „харьковскимъ", съ нѣкоторыми измѣненіями. Оно ближе къ порядку: писать какъ выговаривается, когда нѣтъ твердыхъ, постоянныхъ *правилъ*, которыя, если правила, то должны быть во всѣхъ отношеніяхъ *правильны*. Пока до собора, то хотя-бы списывались. Я предложилъ-бы и свои мысли; показалъ-бы ихъ на дѣлѣ, но здѣсь нельзя произвести одной литеры не новой, но съ знакомъ; въ столицѣ-же насъ не поймутъ и не сдѣлаютъ по желанію.

Если нашъ планъ—о прибавленіяхъ къ „Отечеств. Запискамъ" не состоится по обстоятельствамъ, не отъ насъ зависящимъ, то обдумайте: не можно-ли въ вашемъ Кіевлянинѣ удѣлить какого „закапелка", куда мы бы могли складывать свое „збижье". Много было-бы благодарностей отъ жаждущихъ читать свое родное. Кажется, что будутъ сего ожидать въ Кіевлянинѣ, который, безъ всякаго сомнѣнія, примется какъ составленное авторомъ такъ извѣстнымъ.

Не взыщите за неисполненіе вашего требованія и не накажите меня прекращеніемъ переписки. Уваженіе и благодарность за труды ваши всегда сохраню къ вамъ въ полной мѣрѣ и съ душевною преданностію имѣю честь быть всегда, милостивый государь, вашъ покорный слуга, Григорій Квитка.

3 октября, 1839 г.

Харьковъ.

Къ сожалѣнію, хотя-бы и могъ сообщить свѣдѣнія о Головатомъ, собранныя мною, но пославъ вмѣстѣ съ прочими въ Петербургъ, вижу изъ объясненія, что статья эта будетъ помѣщена въ „Отечественныхъ Запискахъ". Вирши желаемой вами не имѣю, но буду стараться отыс-

кать вѣрный списокъ. Кажется, она не Головатаго, а только въ дни славы Таврическаго она извѣстна стала и, сколько помню, тогда называли кого-то другаго сочинителемъ. Головатый-же въ то время былъ уже коротко знакомъ съ отцомъ моимъ и потому все относящееся къ нему насъ интересовало, и мы, дѣти, знали-бы, что вирша имъ сочинена, а то, не смотря на занимавшую насъ и твердимую наизусть виршу, мы не относимъ ее къ Головатому.

2.

Милостивый государь

Михаилъ Александровичъ!

Поверхностно судя, я много виноватъ за мою невнимательность, даже неблагодарность; но если повѣрите, такъ желаніе исполнить требованіе ваше вовлекло меня и въ вину предъ вами. Лестное ваше приглашеніе участвовать въ полезномъ изданіи вашемъ и вниманіе присылкою мнѣ одной книжки его чувствительно меня тронуло, и я съ полною охотою, съ большимъ усердіемъ приступалъ къ исполненію требованія вашего—и все приступалъ. Не смотря на всѣ суды и пересуды, толковитые и безтолковые, я самъ сдѣлалъ заключеніе, что въ Кіевлянинѣ должно быть все относящееся, больше или меньше, къ Кіеву, косвенно, прямо, бокомъ, а все чтобъ сосредоточивалось на немъ или относилось-бы хотя къ краю. Ставъ на этой точкѣ, я терялся, что̀ и о чемъ написать? Исторія не моя часть и ничего-бы новаго, неизвѣстнаго не сказалъ; бывши одинъ разъ, 40 лѣтъ назадъ, мѣстностей вовсе не зналъ; хотя-бы что и придумалось, такъ же не знаю, какою улицею повести и куда именно привести. Чудака какого, въ родѣ Халявскаго или тому под., мой ближайшій цензоръ, жена моя, не одобрила изъ уваженія къ мѣсту, освященному столькими святынями, а изъ Кіева не должно было выступить! Согласитесь, что при такихъ условіяхъ задача была не легка, а тутъ еще служба, домашнія заботы, все съ своими требованіями, отвлеченіями отъ долга, почитаемаго мною необходимымъ, святымъ. Наконецъ кое-какъ уладивъ, принявшись за память и вспомнивъ о св. мужѣ о. Иліи, бывшемъ въ мое время (1830 г.) и о сдѣланномъ имъ необыкновенномъ пріемѣ семей-

ству, посѣтившему его съ желаніемъ услышать назидательное слово или принять что на благословеніе, гдѣ и я былъ въ числѣ жаждущихъ, но съ прочими отошелъ съ однимъ удивленіемъ. Приклеивъ къ тому ни се, ни то, составивъ кое-что, осмѣливаюсь при семъ препроводить на ваше разсмотрѣніе. Полную волю имѣете поступить съ тетрадкою, какъ вамъ угодно: помѣстить-ли ее или оставить безъ вниманія. Въ первомъ случаѣ убѣдительно просилъ-бы васъ разсмотрѣть, прилично-ли заглавіе и буде нѣтъ, дать другое; негладкости, шереховатости въ слогѣ, излишекъ мѣстоимѣній и проч. и проч.—ужъ не отказать исправить. Я пишу съ плеча, а отъ невниманія къ *новому письму* художественности у меня не найдете, и я не умѣю, не могу ею заняться, и не нахожу ее у себя, какъ ни стараюся; а отъ того каждая моя тетрадка всегда выходитъ въ такомъ точно видѣ, какъ юже предъ собою видите. Начну исправлять, перемараю, увижу, что еще хуже; примусь передѣлывать, и до того измараю, что брошу. Всему виною суетности, чтобъ не услышать приторнаго замѣчанія, на которыя такъ щедры нынѣшніе судьи, взявшіе на себя службу, какъ они называютъ, къ которой ихъ никто не приглашалъ и не возлагалъ на нихъ обязанности, яко не соотвѣтствующей силамъ и разумѣнію ихъ. И такъ, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

Кіевлянинъ вашъ молодецъ. Конечно, онъ еще птенецъ; идетъ и осматривается, говоритъ и оглядывается; но дайте ему опериться, тогда онъ взлетитъ орломъ, налетитъ соколомъ. Только дай Боже почтенному издателю терпѣнія и равнодушія или даже презрѣнія къ пискамъ нетопырей, не могущихъ отличить, а принимающихъ и гнилушку за свѣтъ.

Настаиваю моею убѣдительною просьбою, подарите меня вашимъ разсужденіемъ о *малороссійскомъ писаніи*. Просвѣтите меня. Найдете въ V книжкѣ „Маяка“ письмо мое, которое (къ удивленію моему пущено въ свѣтъ) писано за-просто къ Бурачку, такъ, желая знать его мысли о томъ, и писано чуть-ли не въ февралѣ, но въ мартѣ навѣрное. Что вы скажете на мнѣніе мое, о чемъ я или уже писалъ къ вамъ, или располагалъ еще писать. Это о введеніи „и“ старинкаго и въ печатномъ имѣющагося. Разрѣшите меня скорѣе. Если-бы я зналъ, что „Маякъ“ тиснетъ письмо мое, я написалъ-бы яснѣе. Но сдѣлано— и я читаю со вздохомъ.

Да и къ чему мы занимаемся своимъ правописаніемъ, когда веліи мудрецы проповѣдують, что и языка такого нѣтъ, а мы русскіе слова, формы, переворачиваемъ въ свои хохлатые, бородатые и проч. и проч. Смѣхъ писать, но размысливши горюешъ!... И это пишетъ во всеуслышаніе мужъ, славящійся ученостью! Что-же наши пѣсни, думы, пословицы, поговорки, выраженія въ лѣтописяхъ, которыхъ и подобно ни одинъ москаль не скажетъ.

Протягивая къ вамъ руку, дружески пожимаю вашу и умилительнымъ голосомъ говорю вамъ: не сердитесь на мое замедленіе, не взыщите за статью, какова есть, и не лишайте добраго расположенія искренно васъ уважающаго и преданнаго вамъ, Григорій (Ѳедоровъ) Квитка.

13 августа, 1840 г.
Харьковъ, на Основѣ.

Не нашлась другая причина къ монашеству, кромѣ любовной страсти, о которой ужъ не подъ лѣта мнѣ росписываться, а потому кое-какъ сказалъ. (Разумѣется монашество его, Квитки).

Объ о. Иліи, я думаю, мало кто и помнитъ въ Кіевѣ, а онъ былъ точно такой.

Внизу рукою покойнаго Максимовича сдѣлана слѣдующая приписка: По поводу этого замѣчанія, я сдѣлалъ къ *Доброму Пану* біографическое примѣчаніе объ о. Иліи, на 82 стр. 2 кн. Кіевлянина, изъ отысканнаго для меня въ лаврскомъ архивѣ послужнаго списка его. Вслѣдствіе желанія Квитки и письма его въ Маякѣ, я написалъ длинное письмо къ нему о *малороссійскомъ правописаніи,* напечатанное тогда-же во 2-й кн. Кіевлянина; въ 3-й предполагалъ продолжать объ этомъ-же предметѣ; но роковая болѣзнь моя тогда всему моему дѣянію положила было конецъ... Казалось-бы тамъ ясно и достаточно означено *основаніе* правописи малороссійской..., а къ чему оно было, когда явились и *сiјогъ*, и уродливое *и* вмѣсто *ы*!

3.

Милостивый государь
Михаилъ Александровичъ!

Я уже не зналъ. что и думать, не получая отъ васъ никакой вѣсточки, какъ вдругъ письмо ваше и обрадовало меня и огорчило,

что вы болѣзнуете. Прежде всякаго объясненія, позвольте предложить вамъ и убѣдительно просить обдумать предложеніе мое. У насъ при университетѣ профессоръ Ванцети чудеса дѣлаетъ съ глазами: вылечиваетъ совершенно, возвращаетъ зрѣніе; операціи, сопровождаемые блистательнымъ успѣхомъ, изумительны. Не найдете-ли полезнымъ поручить ему себя? Можетъ слава его дошла и до васъ. Чтобы вы не слышали о немъ, заранѣе увѣряю, все справедливо. Даже простой народъ, оставляя своихъ знахарей и предразсудокъ, что такъ „починено" и что „никто не можетъ согнать бѣды, кромѣ того, кто наслалъ"—и тѣ отъ всѣхъ мѣстъ стекаются къ нему, какъ къ вѣрному цѣлителю; и еще не слышно, за какую-бы глазную болѣзнь онъ не взялся и не излѣчилъ-бы ее. Тутъ переѣздъ не далекъ; жить у насъ не дорого и, искренно скажу, не скучно проведете это тягостное время; многіе васъ знаютъ и не дадутъ скукѣ возобладать вами. Вы и не замѣтите, какъ леченіе кончится къ совершенному успокоенію вашему. Въ этомъ случаѣ эгоизмъ отвергаю въ сторону: одно мое утѣшеніе было-бы, что вы получите совершенное исцѣленіе отъ болѣзни; а какое-бы я имѣлъ наслажденіе, познакомясь съ вами лично, бесѣдовать съ вами, объ этомъ молчу. Если мое предложеніе близко къ дѣлу, то, можетъ, нужно прежде списаться? Въ такомъ случаѣ, все что вамъ угодно передать ему или, что и лучше всего, изложить на бумагѣ точное описаніе болѣзни, я передамъ ему и мнѣніе его поспѣшу доставить къ вамъ. Подумайте, право.

Теперь о обязательномъ одолженіи вашемъ: помѣстите статью мою въ вашемъ Кіевлянинѣ. Названіе *добрый панъ* очень и очень удовлетворительно, точно и, что главное *въ нашемъ* (здѣшнемъ) видѣ, незатѣйливо. Прекрасно, благодарю. Благодарю и за исправленіе вмѣсто Четь-минеи Патерика; сѣтую на себя, что мнѣ это не пришло на мысль самому; авторъ такъ близко къ лаврѣ. Схимникъ мой дѣйствительно нарушилъ обѣтъ свой при пріемѣ сего образа: забылъ о немногоглаголаніи или даже о молчаніи; болѣе общую христіанскую обязанность забылъ: принялся за осужденіе ближнихъ. Не подобаетъ ему тако. Потрудитесь и рукою властною, какъ несущій на себѣ всю отвѣтственность въ проступкахъ нашихъ сотрудниковъ, урѣжьте ему язычокъ, чтобъ не болталъ лишняго, а все, что думалъ, сказалъ-бы однимъ сло-

вомъ. Я самъ видѣлъ неизбѣжный мой порокъ, отъ котораго не могу воздержаться, *много* и *пусто* глаголаніе. Отъ поспѣшности не перечищаю ничего и не забочусь объ округленіи мысли, дую съ плеча. Вамъ располагалъ объяснить это и просить о трудѣ въ исправленіи; удивляюсь, если забылъ. Полное и неограниченное имѣете право измѣнять, отмѣнять, сокращать и дополнять, все что угодно. Оно ваше и вы, принявъ его въ массу, отвѣчаете за выборъ и отдѣлку. Это право неотъемлемо, и я не надивлюся, если другіе за такія поправки сѣтуютъ.

Вообще доставка журналовъ къ намъ разстроиваетъ все и охлаждаетъ наше желаніе заниматься ими. На наступающій годъ обѣщаютъ доставку самую вѣрную и поспѣшную. Увидимъ, не останемся-ли и паки при одномъ обѣщаніи, какъ и въ прежніе годы. На г. Полякова совѣтую жаловаться *Петру Александровичу Корсакову*, одному изъ издателей *Маяка*. Я посовѣтовалъ здѣсь одному, также обманутому Поляковымъ, и тотъ съ первою почтою получилъ всѣ запоздалые книжки. А *Маякъ* не „Сынъ Отечества“ съ компаніею, стоитъ похлопотать о немъ, будете довольны Письмо мое, не для печати писанное, а къ неудовольствію моему оглашенное, не стоитъ вниманія далѣе мысли о литерѣ *и* въ малороссійскомъ писаніи. Все мое мнѣніе оканчивается на старинной рукописной *иже* со знакомъ, дѣлающемъ ее мягкою, какъ *мы* выговариваемъ *ѣ* для различія отъ обыкновеннаго *и* и чтобъ не пестрить словъ *ы*.

Обдумайте-же предложеніе мое и, съ Божьимъ благословеніемъ, приступите къ исполненію. А всего лучше: да пошлетъ вамъ Богъ, и безъ латинскихъ снадобьевъ, совершенное освобожденіе отъ всѣхъ болѣзней и укрѣпленія въ здоровьи. Благодарю за доброе расположеніе ваше, искренно преданный Григорій Квитка.

24 декабря, 1840 г.
Основа.

Поздравляю спасительно съ праздникомъ и желаю, чтобъ старый годъ унесъ отъ васъ все тягостное и непріятное, а новый доставилъ-бы все по желанію.

Для приличія не нужно-ли, что-бы усталые богомольцы спѣшили скорѣе дойти до *добраго пана* и тамъ успокоиться? Это-бы объясняло заглавіе. Если найдете нужнымъ, вложите кому изъ нихъ въ уста такое желаніе—дойти скорѣе до добраго пана или что-нибудь въ подобномъ родѣ.

Библіографія.

Малорусскія изданія 1882 года.

Журналу, посвященному исторіи южной Россіи и ея этнографіи, нельзя обходить молчаніемъ современныя малорусскія изданія. Хотя они никогда почти не касаются исторіи южно-русской, но не рѣдко, и по внѣшней своей формѣ и по внутреннему содержанію, представляютъ разработку историческаго матеріала, каковымъ являются въ нихъ съ одной стороны языкъ, а съ другой—народныя, вѣками сложившіяся воззрѣнія на жизнь и ея своеобразныя формы. Въ свою очередь и сами они, если не въ частности, то въ общемъ, какъ явленія переживаемой эпохи, становятся достояніемъ исторіи, котораго мы не должны оставлять безъ вниманія.

Эти нѣсколько словъ мы считаемъ нужнымъ сказать, начиная нашъ краткій, бѣглый обзоръ малорусскихъ изданій минувшаго года.

Этихъ изданій такъ не много, такъ не велики они по своему объему и такъ ограничены въ своемъ содержаніи, что мы затрудняемся, говоря о нихъ, употреблять названіе малорусской литературы. Такова судьба этой литературы, и говорить о причинахъ настоящаго ея положенія было-бы долго, да и не совсѣмъ удобно. Но, располагая говорить о малорусскихъ изданіяхъ послѣдняго времени, мы не можемъ не коснуться двухъ главныхъ, выдающихся теперь взглядовъ на малорусскую письменность, чтобы установить какую либо точку зрѣнія въ отношеніи къ тѣмъ изданіямъ, которыхъ мы коснемся въ нашемъ обзорѣ. Мы разумѣемъ здѣсь съ одной стороны людей, скептически, съ презрѣніемъ относящихся къ идеѣ, какъ они называютъ, украинофильской, и съ другой—цѣнителей этой идеи, сочувствующихъ ей, но не согласныхъ съ нѣкоторыми пріемами въ ея разработкѣ.

Первые, находя, что въ настоящее время малорусская письменность не можетъ играть никакой существенной роли, что пѣсня ея спѣта, что она никому ни для чего не нужна, отрицаютъ почти всякія попытки творить что-нибудь на народномъ малорусскомъ языкѣ, утверждая, что для культурныхъ классовъ въ подобныхъ произведеніяхъ нѣтъ надобности, а для простонародія долженъ служить языкъ обще-русскій. Если и можно, по ихъ мнѣнію, допустить малорусскую письменность, то только какъ средство доставить возможность культурнымъ классамъ ближе ознакомиться съ этнографическими, бытовыми особенностями малорусскаго племени, при чемъ, какъ не трудно догадаться, разумѣется не какое-либо научное, а такъ сказать потѣшающее изображеніе особенностей характера южно-русскаго простолюдина, въ родѣ анекдотовъ изъ малорусскаго быта. Представители этого взгляда, сходя на практическую почву, дѣлаютъ предостереженія въ тонѣ caveant consules, прибавляя, что при настойчивости всякое нарѣчіе можно возвести на степень языка, такъ какъ между нарѣчіемъ и языкомъ слишкомъ тонкая разница, и что поэтому нужно всѣ мѣры употребить для уничтоженія съ лица земли идеи украинофильской не только въ Россіи, но даже особенно—въ Галиціи и Буковинѣ. Всѣ попытки вступать въ споръ для выясненія дѣла съ подобными противниками не приводили до сихъ поръ ни къ какимъ результатамъ, да и не могутъ привести, потому что вопросъ ставится въ такой формѣ, что на него отвѣтить нельзя, при отсутствіи довѣрія. Напрасно кто-нибудь сталъ-бы увѣрять ихъ, что политическое сепарированіе людьми противныхъ убѣжденій отнюдь не имѣется въ виду, что оно просто невозможно, что выработка мѣстной литературы имѣетъ въ виду исключительно культурныя задачи; они готовы не въ шутку, а въ серьезъ отвѣтить классической фразой: «знаемъ мы, какъ вы въ карты играть не умѣете!»...

Представители другаго мнѣнія говорятъ, что въ настоящее время нѣтъ такой малорусской интеллигенціи, которая нуждалась-бы въ удовлетвореніи высшихъ духовныхъ потребностей путемъ малорусскаго слова, простой-же народъ настолько неразвитъ, что для него книгъ съ подобнымъ содержаніемъ совсѣмъ не нужно, и что, слѣдовательно, вся задача малорусской письменности до поры до времени должна состоять въ доставленіи возможности простому люду развиваться, читая на родномъ языкѣ произведенія, содержаніемъ своимъ вполнѣ доступныя ихъ пониманію. Не отрицаютъ они настоятельной потребности поддержать малорусскую письменность, способствовать ея развитію, но только думаютъ что искусственными, такъ сказать, мѣрами достигнуть этого нельзя, а что народъ, развившись, самъ изъ себя выработаетъ двигателей литературы.

Не смотря на принципіальную разность отмѣченныхъ взглядовъ, въ результатѣ они сходятъ къ одному и тому-же—къ ограниченію и даже совершенному прекращенію малорусской письменности, по крайней мѣрѣ, къ застою въ ней—въ первомъ случаѣ невольному, въ послѣднемъ добровольному, но съ тѣми-же почти послѣдствіями, такъ какъ можно долго ждать и совсѣмъ проождать.

При такомъ положеніи основнаго вопроса о малорусской письменности странно было-бы заводить рѣчь о недавнихъ и текущихъ ея изданіяхъ: въ то время, когда одни ждали-бы появленія народныхъ геніевъ, которые двинули-бы впередъ малорусскую литературу, мы ждали-бы ихъ великихъ произведеній, чтобы повести объ нихъ рѣчь. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ слѣдуетъ отбросить спорные вопросы о томъ, *для кого* или для *чего* нужно извѣстное литературное произведеніе, а отправляясь отъ факта существованія новыхъ произведеній въ малорусской письменности, смотрѣть на нихъ, какъ на шагъ впередъ или назадъ, хорошій или дурной, во всякомъ случаѣ, какъ на извѣстное проявленіе умственной дѣятельности. Скажемъ даже болѣе: въ тотъ моментъ, когда идетъ выработка литературнаго языка, ни одно произведеніе, сколько-нибудь сносное, нельзя считать лишнимъ, такъ какъ только изъ суммы всего, путемъ талантливаго выбора, получается болѣе совершенная форма языка. Мы совершенно признаемъ справедливость слѣд. словъ г. Пыпина: «обыкновенно заслуга улучшенія литературнаго языка считается дѣломъ великихъ писателей, и не подлежитъ сомнѣнію заслуга, оказанная Ломоносовымъ, Державинымъ, Карамзинымъ, Пушкинымъ и проч.; но сущность ихъ дѣла состоитъ въ томъ, что талантъ дѣлалъ ихъ чуткими къ тому возстановляющему процессу языка, о которомъ мы говоримъ: они не занимались изобрѣтеніемъ словъ съ преднамѣреннымъ удаленіемъ чужихъ, но большею частью только художественно пользовались существовавшимъ въ оборотѣ матеріаломъ языка, и въ результатѣ ихъ дѣло казалось преобразованнымъ» [1]). Смотря съ этой точки зрѣнія, можно вполнѣ оправдать всякое, болѣе или менѣе, талантливое произведеніе; если даже оно оказывается по содержанію своему лишнимъ для лицъ, за нимъ остается все-таки важное значеніе орудія для совершенствованія и выработки самого языка. Въ особенности это должно относиться къ переводной литературѣ; въ ней всего менѣе усматривается надобности, но она служитъ хорошимъ средствомъ, такъ сказать, шлифовки имѣющагося лексическаго матеріала. Понятно, что выработка литературнаго языка не можетъ быть произведена помимо

---

[1]) „Вѣстн. Евр.“ 1882 г. № 11, стр. 187.

вліянія самого народа; напротивъ, только постигшій вполнѣ духъ народа писатель въ состояніи выработать культурный, книжный языкъ, не идущій въ разрѣзъ съ характеромъ народной живой рѣчи.

И такъ не будемъ очень строги къ выходящимъ вновь сочиненіямъ на малорусскомъ языкѣ и не станемъ много заниматься вопросомъ, для *кого* нужно каждое изъ нихъ, помня, что вопросъ этотъ въ данномъ случаѣ второстепенный.

Переходя теперь къ обозрѣнію вновь вышедшихъ въ 1882 г. книгъ на малорусскомъ языкѣ, мы раздѣлимъ ихъ на три группы: 1) изданія повторенныя; 2) новыя произведенія самостоятельныя, и 3) новые переводы съ другихъ языковъ.

I.

Повторенныя изданія, конечно, прежде всего должны быть разсматриваемы съ точки зрѣнія ихъ пригодности *для кого-нибудь*,—иначе самое появленіе ихъ вторично на свѣтъ не можетъ быть оправдано ничѣмъ, развѣ если они повторяются съ большими исправленіями прежняго. Въ 1882 г., насколько мнѣ извѣстно, вышло повторенныхъ изданій 14. Скажемъ кратко о каждомъ изъ нихъ.

1) *Бабуся зъ того світу, оповідання про померши души.* Кіевъ 1883 г. Ц. 5 к. (Хотя поставленъ 1883 г., но вышла она 1882 г.)

Этотъ маленькій разсказъ напечатанъ былъ въ первый разъ въ «Запискахъ о южной Руси» Кулиша, а въ 1861 году изданъ былъ въ Петербургѣ отдѣльной книжечкой и, вѣрнѣе всего, тогда-же предназначался для народнаго чтенія. Понятно, если книга предназначается для народа, то можно оправдать не только второе изданіе ея, но и третье, четвертое и т. д., хотя все-таки нужно подумать и о томъ, пригодна-ли она для этой цѣли. По поводу данной книги мы должны признаться, что не вполнѣ понимаемъ цѣль и перваго ея изданія, а тѣмъ болѣе втораго, черезъ 20 съ лишнимъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ болѣе правильно установилось воззрѣніе на матеріалъ для народнаго чтенія. Разсказъ этотъ есть народная сказка, записанная П. Кулишомъ подъ Кіевомъ, содержаніе которой состоитъ въ слѣдующемъ. Баба Дубиниха, умершая и побывавшая было на томъ свѣтѣ, вернулась опять на землю и разсказываетъ о разныхъ мученіяхъ, которымъ подвергаются въ аду различнаго рода грѣшники; характеръ этихъ мученій вполнѣ, конечно, согласуется съ очень распространенными въ народѣ типическими разсказами о загробной жизни. Не говоря уже о томъ, что нѣсколько страннымъ кажется преподносить народу для чтенія то, что отъ него самого взято, о чемъ онъ самъ разсказалъ намъ, особенно въ сказкахъ, лучше другихъ видовъ его поэзіи сохраняющихся у него и до сихъ поръ;

но данная сказка, изданная печатно для народа, имѣетъ еще и ту невыгодную сторону, что способствуетъ укрѣпленію въ немъ тѣхъ суевѣрій, которыми онъ и такъ переполненъ. Пока суевѣріе изустно бродитъ въ народѣ, оно имѣетъ для него нѣкоторую прелесть поэтическаго разсказа, отъ вѣры въ правдивость котораго можно и отказаться, но подтвержденное печатно безъ всякихъ коментаріевъ оно укрѣпляется въ немъ, такъ какъ народъ *печатному вѣритъ, какъ безусловной истинѣ*, особенно въ такомъ вопросѣ, какъ загробное существованіе. Другое дѣло сказки бытовыя, и особенно историческія пѣсни, почти исчезающія изъ памяти народной; онѣ, да и то не въ первоначальномъ, а обработанномъ видѣ или, лучше сказать, въ пересказѣ съ коментаріями, могутъ составить прекрасный матеріалъ для народнаго чтенія и поученія. Прекрасный примѣръ такого изданія мы видѣли въ книгѣ «Про украинськихъ козаківъ, татаръ та турківъ», изданной въ Кіевѣ 1876 г. и составленной въ формѣ историческаго популярнаго разсказа, освѣщеннаго народными украинскими пѣснями.

И такъ, ни перваго, ни тѣмъ болѣе втораго изданія разбираемой нами книги оправдать нельзя.

Нечего и говорить о томъ, что это изданіе не для культурныхъ классовъ, потому что кто-же издаетъ этнографическій матеріалъ въ видѣ отдѣльной сказки, облеченной въ форму 5-ти копѣечной книжки? Назначать ее для дѣтскаго чтенія, въ виду вышесказаннаго, тоже неудобно.

2) *Двi казкы. I. Півпівника, гышпанська дітська казочка, по нашому росказавъ Панько Казюка. II. Цыганъ, урывокъ изъ казки П. А. Куліша.* Кіевъ. 1883 г. Изданіе Наголкина. (Вышла тоже не въ 1883 г., а въ 1882 году).

Подобно предыдущей книжкѣ, это изданіе является тоже повтореніемъ изданій, выходившихъ въ началѣ 60-хъ годовъ подъ названіемъ «Сільска бібліотека». Первая сказка вышла въ свѣтъ первоначально въ 1861 г. и напечатана была въ «Основѣ», а затѣмъ и отдѣльно, а вторая въ 1862 г. Сказки эти значительно отличаются содержаніемъ своимъ отъ только-что разобранной, и новое изданіе ихъ вполнѣ понятно, принимая во вниманіе, что обѣ онѣ могутъ служить очень хорошимъ матеріаломъ для чтенія дѣтямъ, а также и простонародію. Въ сказкѣ «Півпівныка» (половина пѣтушка) очень характерно и своеобразно объясняется обычное украшеніе на воротахъ и крыльцахъ домовъ, встрѣчающееся въ селахъ и уѣздныхъ городахъ, — пѣтушекъ металическій, вращающійся при вѣтрѣ на шпицѣ. Въ сказкѣ «Цыганъ» очень недурно освѣщено состояніе пьянаго цыгана, которому снится, что онъ

сталъ паномъ и предается разнымъ веселіямъ, живучи въ роскоши; но разбуженный прохожими, онъ насилу опомнился и съ горестью увидѣлъ себя въ своемъ прежнемъ положеніи. Обѣ эти сказочки, хотя и небогатыя содержаніемъ и мало поучительныя, могутъ однако служить интереснымъ чтеніемъ для дѣтей потому, что фабула очень проста, вслѣдствіе чего переходъ отъ неестественнаго къ естественному весьма легокъ, а въ сказкахъ предназначенныхъ для дѣтскаго чтенія, какъ мы думаемъ, это—необходимое условіе, такъ какъ черезчуръ фантастическій вымыселъ, вводящій дѣтскій умъ въ міръ чертей, вѣдьмъ и всякихъ духовъ, что такъ нравится дѣтямъ, только разстраиваетъ ихъ слабые нервы и способствуетъ ненормальному развитію фантазіи. Однимъ словомъ, новое изданіе обѣихъ книжекъ нельзя считать лишнимъ.

3) *Байки Леонида Глібова.* Выдання третье. Кіевъ. 1882 г.

Г. Глѣбовъ очень хорошо извѣстенъ слѣдящимъ за малорусской письменностью, какъ талантливый передѣлыватель басенъ, которыя первоначально печатались въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Основѣ» въ 1861—62 г., а затѣмъ два раза были изданы отдѣльной книжкой. Появленіе въ свѣтъ настоящаго третьяго изданія, сравнительно съ первыми оставшагося безъ измѣненія, свидѣтельствуетъ о томъ, что книжка басенъ его имѣетъ успѣхъ, особенно если принять во вниманіе, что первыя изданія уже года четыре тому назадъ разошлись и въ продажѣ ихъ не было. Настоящее, очень дешевое изданіе, выпущенное, какъ мы слышали, въ количествѣ 10,000 экз., сдѣлаетъ возможнымъ проникновеніе басенъ г. Глѣбова и въ крестьянскую среду, такъ какъ прежнія изданія были сравнительно дороги и потому не могли попадать къ офенямъ, черезъ которыхъ, какъ извѣстно, главнымъ образомъ и проникаютъ книги въ народъ. А проникновеніе подобной книги въ народъ болѣе чѣмъ желательно, особенно для чтенія крестьянскимъ дѣтямъ: языкъ безукоризненно хорошъ; фабула басенъ очень интересна и проста, аллегорія раскрывается легко, а нравоученіе высказано сжато, но сильно, что и составляетъ главное достоинство басни. Если прибавить къ этому, что сатирическій элементъ басенъ выполненъ прекрасно, какъ вслѣдствіе талантливости автора, такъ и благодаря украинскому языку, дающему всѣ средства для ироніи, то вполнѣ станетъ понятнымъ, что басни Глѣбова могутъ служить весьма интереснымъ и педагогическимъ чтеніемъ для крестьянскихъ дѣтей и даже взрослыхъ. То-же самое слѣдуетъ сказать и относительно дѣтей нашихъ культурныхъ классовъ, которые съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе отдаляются отъ роднаго мѣста; для нихъ чтеніе такихъ произведеній, какъ разбираемая нами книжка, даже необходимо, въ виду на-

стоятельной потребности развить чутье языка въ будущихъ культурныхъ дѣятеляхъ Украйны, которая въ данный моментъ очень въ нихъ нуждается. А это чутье языка лучше всего можно привить въ дѣтскомъ возрастѣ, который, съ одной стороны, болѣе воспріимчивъ, а съ другой—и на будущее время укрѣпитъ любовь къ родному языку и заставитъ помнить завѣтъ нашего украинскаго поэта: «чужому научайтесь и свого не цурайтесь».

4) *Байки по Крылову М. Старицького.* Выданнье друге, выправлене. Кіевъ. 1882 г.

Это изданіе, теперь сравнительно исправленное, вышло въ первый разъ въ 1874 г. и, подобно баснямъ Глѣбова, въ большинствѣ случаевъ составляетъ переводъ, а не передѣлку басенъ Крылова; слѣдовательно о самихъ басняхъ говорить нечего. Остается вопросъ, насколько удачно сдѣланъ переводъ, какъ по языку, такъ и по силѣ и меткости выраженій, которыя конечно должны были нѣсколько пересоздаться при переводѣ на другой языкъ. Сравнивая переводъ Старицкаго съ переводомъ Глѣбова, нужно признать, что относительно языка онъ уступаетъ послѣднему: у Глѣбова языкъ народный, ни на одномъ словѣ не запнешься, не задумаешься, ни одно выраженіе не рѣжетъ уха. У г. Старицкаго нерѣдко попадаются такія выраженія, надъ которыми остановишься по неволѣ. Быть можетъ, и у Глѣбова есть слова *кованныя*, но ихъ не чувствуешь, значитъ—они скованы совершенно по народному типу, а въ этомъ и состоитъ задача творчества языка. У г. Старицкаго многое рѣжетъ ухо, идутъ подъ рядъ такія слова, что понять ихъ—поймешь, объ ихъ значеніи догадаешься, но чувствуешь въ нихъ такой букетъ, котораго конечно никакими реальными измѣреніями не опредѣлишь, но который даетъ понять, что слово выдѣлано гдѣ-то въ особой готовальнѣ. Для примѣра хоть-бы заглавіе книжонки: «Байки *по Крылову*», или заглавіе первой же басни «*Гава* та лысыця». Если это переводъ, переложеніе, то зачѣмъ-же: *по Крылову*, а не Крылова? «Байки по Крылову»—ни по русски, ни по малорусски. Опять, къ чему эта *Гава*, когда общеупотребительно у малороссовъ тоже слово—*ворона*? Или вотъ начало этой басни:

Вже скількы разъ наказувано *мыру*,
Що щыросты въ облесныка (льстеца) нема,
Що *лестощі* (лесть)—брехня...

И далѣе:

І помынай, якъ звалы *хвалія!*

Подчеркнутыя слова понятны, они и произведены отъ употребительныхъ корней и, быть можетъ, гдѣ нибудь и употребляются, но въ данномъ сочетаніи они рѣжутъ ухо; что-же касается послѣдняго слова *хвалій* (хвалящій, льстецъ), то въ народномъ языкѣ его нѣтъ, а явилось оно у переводчика только изъ необходимости выдержать размѣръ и подобрать риѳму къ словамъ: *моя, вона* (при чемъ риѳма вышла не изъ удачныхъ). Вообще замѣтно, что не всегда риѳма во власти г. Старицкаго, а иногда онъ подчиняется ей, что конечно очень затрудняетъ плавность рѣчи. Въ этой-же баснѣ есть выраженіе, повидимому, мѣткое, исполненное образности, фигуральности, но не только неупотребительное, а положительно неестественное: *«і все ті очі заздрісні на сирові пасе»* (пожираетъ завистливыми глазами сыръ; дословно—пасетъ на сырѣ завистливые глаза). Можно-ли кусочекъ сыру сравнивать съ пастбищемъ и глаза приравнивать къ лошадямъ или воламъ?—Намъ кажется, что нашимъ переводчикамъ не достаетъ прежде правильной концепціи представленій, а потомъ уже знанія народнаго языка... Впрочемъ о языкѣ переводовъ г. Старицкаго намъ еще придется говорить по поводу новыхъ его изданій.

5) *Сорочыньськый ярмарокъ*, ізъ «Вечерівъ на хуторі біля Дыканькы» М. Гоголя. *Переклавъ М. Старицькый.* Изд. 2-е Ильницкаго. Кіевъ, 1883 г. (вышло тоже въ концѣ 1882 г.).

Когда читаешь произведенія Гоголя, сюжетъ которыхъ заимствованъ изъ малорусской жизни, невольно, будучи малороссомъ по происхожденію, всѣ разговоры дѣйствующихъ лицъ переводишь на народный языкъ, такъ какъ чувствуешь неестественность типическихъ малорусскихъ выраженій въ литературно-русскомъ пересказѣ. Но иное дѣло разговоры дѣйствующихъ лицъ и иное картины природы и размышленія автора, постоянно встрѣчающіяся въ разсказахъ Гоголя.

Послѣднія совсѣмъ недоступны народному пониманію, какъ по отвлеченности представленій, такъ и по изысканности поэтическихъ выраженій, совершенно несходныхъ съ поэтическими народными образами. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ-ли простолюдинъ не то что проникнуться величіемъ слѣдующаго мѣста, но даже просто понять его: «Какъ томительно жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой, неизмѣримый океанъ сладострастнымъ куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ, весь потонувши въ нѣгѣ, обнимая и сжимая прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ!» А вѣдь такихъ мѣстъ въ разсказѣ много. Да не только это мѣсто, но иное и попроще при чтеніи представитъ неодолимое затрудненіе, напримѣръ, обтиралъ онъ потъ съ длинныхъ усовъ, «напудренныхъ тѣмъ неумолимымъ па-

рикмахеромъ, который безъ зову является, и къ красавицѣ, и къ уроду и насильно пудритъ нѣсколько тысячъ уже лѣтъ весь родъ человѣческій». Г. Старицкій, повидимому, самъ чувствовалъ, что такія мѣста, какъ ихъ не переводи, будутъ непонятны для народа, и потому приведенное мѣсто онъ совсѣмъ измѣнилъ, не сдѣлавъ его нисколько понятнѣе, а въ художественномъ отношеніи просто исковеркавъ его: онъ нашелъ возможнымъ парикмахера замѣнить *мірошныкомъ* (мельникъ), и вотъ этотъ мірошныкъ *борошныть* (обсыпаетъ мукой) *увесь рідъ людськый*—картина далеко не изъ удачныхъ. Другое подобное мѣсто приведемъ цѣликомъ въ подлинникѣ и переводѣ, чтобы читатели могли судить о томъ, къ чему могутъ приводить усилія людей, которые не желаютъ знать никакихъ трудностей. Вотъ заключительныя слова разсказа Гоголя:

«Не такъ-ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ, и напрасно одинокій звукъ думаетъ выразить веселье? Въ собственномъ эхо слышитъ уже грусть и пустыню и дико внемлетъ ему».	«Чи не такъ накъ, радосте, хороша та непосыдячая госте, і ты одъ насъ лынешъ-зныкаешъ, і даремне самотній згукъ *дума зъявити веселощъ*? Въ свойімъ власнімъ *лунанні* уже чуе вінъ смутокъ і пустку і прыслухается дыко до ёго».

Оставляемъ въ сторонѣ частности языка, такъ какъ, повторяемъ, о языкѣ произведеній г. Старицкаго будетъ еще рѣчь впереди.

6) *Різдвяна нічъ, музыкальна комедія въ 4-хъ діяхъ. (Тема по Гоголю). Текстъ і вірші М. Старицького. Муз. М. Лысенка.* Выданнье 3-е. Кіевъ, 1882 г. Ц. 50 к.

Третье, исправленное и даже передѣланное изданіе! Значитъ, оно цѣнится, оно удовлетворяетъ чьимъ-то потребностямъ, или вкусамъ? Чѣмъ-же именно удовлетворяетъ? Тутъ разсказъ Гоголя «Ночь передъ Рождествомъ» въ драматической формѣ, при томъ съ музыкою г. Лысенка. Сюжетъ, форма, музыка—вотъ въ чемъ главная приманка изданія, но и языкъ здѣсь гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ г. Старицкаго; онъ менѣе страдаетъ вычурностью и свѣжевыкованныхъ словъ въ «Різдвяной ночи» можно встрѣтить очень мало. Объясняется это тѣмъ, что всѣ дѣйствующія лица—изъ простонародія, при чемъ сама разговорная форма рѣчи не требовала отъ автора излишней ковки, такъ какъ всѣ разговоры не выходятъ за предѣлы обыденной народной жизни и, слѣдовательно, народнаго матеріала языка оказывалось вполнѣ достаточно для передачи понятій.

7) *Простакъ, або хытрощі жінкы, перехытрені москалемъ. Кумедія въ одній діі. Соч. В. О. Гоголя.* Друге выдання. Кіевъ, 1882 г. Ц. 15 к.

Это, такъ сказать, нашъ *старый другъ;* онъ хотя не лучше новыхъ двухъ, но, при настоящей бѣдности украинской драмы, можетъ сослужить свою службу. Это единственная уцѣлѣвшая отъ Гоголя - отца комедійка; о ней, со времени ея появленія въ свѣтъ (напечатана въ первый разъ въ «Основѣ» за 1862 г., № 2, и затѣмъ издана отдѣльно въ Кіевѣ въ 1872 г.; также помѣщена въ галицкомъ изданіи: «Руська Библіотека» т. I) и по поводу постановки ея на сценѣ было много самыхъ разнородныхъ отзывовъ. Приведемъ лучшій изъ этихъ отзывовъ, который принадлежитъ извѣстному П. А. Кулишу. «Василій Аѳанасьевичъ Гоголь, говоритъ онъ, будучи живымъ членомъ своего общества, захватилъ въ свое творчество украинской простонародной жизни столько, сколько тогдашнее общество требовало для ея возсозданія. Шутка и пѣсня для пріятнаго провожденія времени—вотъ все, чего могъ искать писатель тогдашній въ оставленномъ дворянами родномъ быту; и Гоголь - отецъ очень искусно и умно почерпнулъ изъ него эти элементы для своей комедіи. Отъ первой до послѣдней сцены онъ сохранилъ во всемъ естественность и правдоподобіе. Простота изложенія, умѣренность каррикатуры, ровность хода всей пьесы ясно указываютъ, что этотъ человѣкъ, въ другомъ кругу, при другой образованности и при иныхъ требованіяхъ общества, пошелъ-бы далеко на пути художественнаго творчества. Мы въ этомъ убѣждены тѣмъ болѣе, что комизмъ его не ограничивается отдѣльными выраженіями, которыхъ немудрено набрать человѣку съ талантомъ въ простонародной украинской рѣчи: нѣтъ, у него онъ истекаетъ изъ самаго положенія вещей въ убогой сельской хатѣ и отзывается тѣмъ глубокимъ комизмомъ, которымъ Гоголь—сынъ умѣлъ наводить смѣющагося читателя на грустныя размышленія»[1]). Этими словами г. Кулиша вполнѣ характеризуется разбираемая нами пьеса и вмѣстѣ съ тѣмъ объясняется и водевильное отношеніе нашихъ старыхъ писателей къ народу. По поводу этого послѣдняго конечно нужно желать, чтобы комедіи въ родѣ «Простака» стушевывались среди обилія серьезныхъ украинскихъ драмъ; но подвергать ихъ злому осужденію и даже изгнанію, какъ это дѣлаютъ иные, право не слѣдуетъ, такъ какъ надо помнить, что не въ этой веселой шуткѣ сказывается насмѣшка надъ народомъ, а въ болѣе серьезныхъ и глубокихъ сторонахъ жизни нашихъ культурныхъ классовъ.

8) *Орыся, ідиллія П. А. Кулиша.* Кіевъ, 1883 г. (вышла въ концѣ 1882 г.). Изд. Наголкина.

Она представляетъ собою такой задушевный, простой разсказъ, что мы безъ всякаго упрека встрѣчаемъ его и теперь, спустя 25 лѣтъ. Раз-

[1]) „Основа", 1862 г., № 2, стр. 22.

сказъ этотъ дѣйствуетъ успокоительно на нервы, перенося насъ въ тотъ тихій, мирный кругъ, который и существуетъ только въ поэзіи; для простолюдина-же разсказъ этотъ тѣмъ болѣе можно считать вполнѣ пригоднымъ, что не все-же жить ему тяжелой будничной жизнью, а не мѣшаетъ хоть изрѣдка улетать мечтами въ иную, пожалуй неосуществимую, но за то спокойно-радостную обстановку. Къ сожалѣнію, и на этотъ разъ идиллія издана безъ картинокъ, которыя были приготовлены для перваго изданія 1861 г., но не были къ нему приложены. Идиллія эта была переведена на нѣмецкій языкъ въ 1868 г. и помѣщена въ «Fliegende Blaetter». Какъ ни привлекательна и свѣжа «Орыся» и послѣ 25-тилѣтней жизни, но новому издателю ея, г. Наголкину, все-таки не слѣдовало выпускать ее въ свѣтъ совсѣмъ молоденькою и хоть намекнуть на то, что это уже 2-ое изданіе.

9) *Не можна бабі Парасці вдержатись на селі. И. Левицького.* Кіевъ. 1882 г.

10) *Благословіть бабі Палажці скоропостижно вмерти. Его-же.* Кіевъ. 1882 г.

Эти маленькіе разсказы принадлежатъ хорошо извѣстному въ Малороссіи современному писателю И. С. Левицкому, который подарилъ украинскую литературу многими талантливыми произведеніями. Первый изъ этихъ разсказовъ, насколько помнится, былъ первоначально помѣщенъ въ «Кіевлянинѣ» и въ галицкой «Правдѣ» за 1874 г., потомъ вошелъ въ цѣлый томъ повѣстей автора, изданный въ 1874 г., затѣмъ вышелъ въ 1875 г. отдѣльной книжечкой, и наконецъ теперь явился вторымъ отдѣльнымъ изданіемъ. Второй разсказъ, напечатанный первоначально въ галицкой «Правдѣ» за 1875 г., появился отдѣльной книжечкой въ 1875 г. и теперь тоже изданъ 2-ой разъ. Оба разсказа совершенно противоположны по сюжету только-что разобранному: тутъ ужъ и намека нѣтъ на идиллію, а самая будничная крестьянская проза съ особымъ оттѣнкомъ сельской жизни, въ которой постоянно встрѣчаются выведенныя въ разсказахъ бабы Параска и Палажка. Это—типическія сварливыя бабы; каждая изъ нихъ желаетъ представить себя несчастной, обижаемой, никому не желающей зла, но въ то-же время мимовольно обнаруживающей самые острые, ѣдкіе когти; это большія щебетухи, способныя въ одну минуту насказать всякой грязи противъ всѣхъ и въ то-же время рекомендующія себя какъ нельзя болѣе со стороны смиренія и полнаго незлобія. Надо отдать справедливость автору, что типы эти подмѣчены и схвачены имъ замѣчательно живо, но оба эти разсказа одинъ безъ другаго являются неполными; по нашему мнѣнію, необходимо читать ихъ оба подъ рядъ, а для этого лучше-бы и издать ихъ въ одной книжкѣ, а не каждый отдѣльно.

11) *Дві московкы. Повість И. Левицького.* Кіевъ. 1882 г. Ц. 40 к.

Эта повѣсть Левицкаго у насъ, въ Россіи, появляется теперь впервые въ печати, первоначально-же она была напечатана въ 1868 году въ Галиціи въ газетѣ «Правда», а затѣмъ вошла въ отдѣльный томъ сочиненій автора—«Повісті І. Нечуя» (псевдонимъ), изданныя во Львовѣ въ 1872 г. Сюжетъ ея, взятый изъ народнаго быта, относится ко временамъ давно минувшаго крѣпостнаго права, долгой солдатской службы и существованія военныхъ кантонистовъ. Разсказъ представляетъ полную горя и страданій жизнь двухъ солдатскихъ женъ, или по народному «московокъ», т. е. такихъ двухъ женщинъ, которыя имѣли несчастье выйти замужъ за двухъ односельчанъ, попавшихъ раньше въ военную службу и потомъ получившихъ безсрочный отпускъ. Это двѣ крестьянскія дѣвушки одного украинскаго села Ганна и Марина, не знавшія горя до замужества, горячо любившія другъ друга и даже влюбившіяся въ одного и того-же отпускнаго солдата. Марина должна была уступить Ганнѣ жениха и выдти замужъ за нелюба, также солдата; но жизнь обоихъ одинаково печально идетъ и заканчивается. Мужей снова потребовали въ службу, и обѣ подруги остались такъ называемыми соломенными вдовами, лишившись своихъ кормильцевъ и вмѣстѣ возможности вступить въ новое замужество. Обѣ живутъ въ нуждѣ и горѣ. Ганна сосредоточиваетъ свою любовь на сынѣ, а Марина гуляетъ съ «хлопцями», насколько позволяетъ строгость сельскихъ нравовъ и отношеній. Но едва подросшаго сына Ганны берутъ въ школу военныхъ кантонистовъ, гдѣ его чистая натура совершенно извращается и даетъ самый жалкій и уродливый типъ разгульнаго военнаго писаря, утратившаго въ казарменной атмосферѣ всякое природное и нравственное чувство. Уже одно то, что по уходѣ мужа Ганны, болѣе не возвращавшагося, отъ нея насильно оторвали единственное любимое существо—малолѣтняго сына, надломило ея силы; но когда она, спустя много лѣтъ, получила отъ него дикое письмо изъ Тулы, не оставлявшее сомнѣнія въ томъ, что сынъ ея нравственно умеръ для нея,—одно сознаніе того, что не осталось уже для нея никакой радости и надежды въ этомъ мірѣ, помимо подавляющей нищеты, подкосило ея жизнь, и она умерла на рукахъ подруги юности своей Марины, а эта послѣдняя, не знавшая привязанности и счастья въ мимолетномъ бракѣ, послѣ недолгаго раздумья, переходитъ, по совѣту одной случайной знакомой, въ большой городъ, отдается грубому разврату и въ пьяныхъ ночныхъ оргіяхъ съ солдатами печально кончаетъ жизнь среди улицы.

Судьба этихъ двухъ московокъ не придумана искусственно, но списана авторомъ съ натуры; въ старое время такіе факты семейнаго не-

счастья были обыденнымъ явленіемъ. По нѣжности струнъ, которыя звучатъ въ повѣсти, по типичности характеровъ, выведенныхъ въ ней, повѣсть «Дві московкы» прочтется съ удовольствіемъ въ бѣдномъ сельскомъ кругу, не только, какъ воспоминаніе о недавнемъ прошломъ, но и какъ варіація тѣхъ испытаній судьбы, которыя и теперь такъ нерѣдки въ сельской жизни. Въ художественномъ отношеніи повѣсть представляетъ нѣкоторые недостатки; ея сюжетъ нѣсколько устарѣлъ, тема семейныхъ несчастій въ простомъ быту довольно избита и затаскана, въ добавокъ эта слащавость въ описаніяхъ природы и красоты того или другаго лица, составляющая органическій недостатокъ автора и повторяющаяся во всѣхъ почти его повѣстяхъ.

12) *Катерына. Т. Шевченки.* Кіевъ, 1882 г., изд. 4-е.

Хотя въ заглавіи этой книжечки только стоитъ «Катерина», но въ видѣ сюрприза для читателя въ концѣ помѣщена еще и извѣстная дума кобзаря «Перебендя». Говорить что-нибудь объ этомъ изданіи совершенно излишне; тутъ само за себя говоритъ имя Шевченка и то обстоятельство, что, не смотря на 10 изданій его «Кобзаря» и 3 изданія отдѣльными книжечками, настоящеее изданіе вышло въ 25 тысячахъ экземпляровъ. Не въ убытокъ-же и не по прихоти предпринимаются такія изданія!

13) *Де-що про світъ Божій.* Выдан. 4-е Л. Ильницкаго. Кіевъ 1882 г. Ц. 20 к.

Это—единственная книжка изъ всѣхъ повторенныхъ изданій, относящаяся къ научно-популярнымъ изданіямъ, предназначеннымъ для народа. Если не ошибаемся, подобныя книги на малорусскомъ языкѣ ведутъ свое начало съ 1839 года, когда появилась книжечка *Грыцька Основьяненка*: «Лысты до любезныхъ земляківъ», издан. въ Харьковѣ. Содержаніемъ своимъ книжка эта обнимала главные вопросы, экономическіе, административные, судебные и др., которые ежедневно являются въ жизни простолюдина. Въ свое время книжечка Основьяненка (Квитки) произвела самое благопріятное впечатлѣніе, такъ что даже рецензентъ «Маяка» 1840 г. предлагалъ перевести ее на русскій языкъ и десятками тысячъ выпустить въ свѣтъ по дешевой цѣнѣ. Но, не смотря на такіе отзывы, «Лысты» эти долгое время не имѣли подражателей, и только въ концѣ 50-хъ годовъ стали появляться опять научно-популярныя книжки для народа, какъ, напримѣръ, хорошо извѣстные всѣмъ «Лысты зъ хутора». Къ этому-же періоду относится и первое изданіе разбираемой нами книги «Де-що про світъ Божій», изданной въ Кіевѣ въ 1863 году «коштомъ К. Гурта» (т. е. компанейски). Второе изданіе ея тоже было въ Кіевѣ въ 1871 г., третье—въ Одессѣ въ 1874 г., и на-

конецъ, настоящее четвертое изданіе—опять въ Кіевѣ. Цѣль книги познакомить простолюдина съ міромъ Божіимъ въ его главнѣйшихъ проявленіяхъ, а именно: тутъ разсказывается о землѣ, о солнцѣ, о звѣздахъ, о мѣсяцѣ, о теплотѣ, о водѣ, о воздухѣ, о погодѣ, а въ видѣ предисловія стоитъ глава—о грамотности (про письменство). Книга эта оказалась составленной настолько хорошо, что не только выдержала три изданія, но и была переведена на русскій языкъ въ 1872 г. («Свѣтъ Божій», изд. Черкесова), каковой переводъ одобренъ и ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

14) *Сцены и разсказы изъ малорусскаго народнаго быта. Петра Раевскаго.* 4-е издан. дополненное. Кіевъ, 1882 г. Изд. Корейво.

Если книжка появляется въ свѣтъ 4-мъ изданіемъ, значитъ она находитъ кругъ своихъ читателей. Несмотря на это, мы понять не можемъ, какія достоинства названной книги могутъ заставить читать помѣщенные въ ней разсказы. Это цѣлый рядъ очень неостроумныхъ анекдотовъ, желающихъ представить нашего простолюдина въ смѣшномъ видѣ. «Смѣяться, право, не грѣшно надъ тѣмъ, что истинно смѣшно», и мы понимаемъ смѣхъ надъ порокомъ, какъ нравственнымъ недостаткомъ; но когда все остроуміе основано на томъ, что мужикъ лимоны называетъ «фылымонамы» и, думая, что они вкусны, покупаетъ и ѣстъ ихъ, браня продавца, то невольно вспоминается очень дешевый балаганный пріемъ остроумія. А между тѣмъ во всей книжкѣ найдется не болѣе 5 разсказовъ (изъ 48), заключающихъ въ себѣ сколько нибудь дѣйствительнаго остроумія и юмора.

Такова малорусская письменность 1882 г. въ изданіяхъ повторенныхъ!

Повія, романъ П. Мирного. Частина перша. („Рада“, украинскій альманахъ. Кіевъ, 1883 г.) [1].

Романъ изъ крестьянскаго житья, картина жизни народа.... вотъ задача, передъ которой остановилась русская беллетристика. Попытокъ было много, но многое-ли сохранило жизнь изъ всего этого? Кому удалось справиться съ этой задачей? Тотъ, кому нѣтъ ничего недоступнаго: Левъ

---

[1]) Авторъ этой замѣтки, препровождая ее въ редакцію журнала, пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: „историческая наука, повернувшая съ дороги протоколированья внѣшнихъ фактовъ и событій на путь изученія нравовъ, направленій мысли и измѣненій во времени характера и духа человѣка, все болѣе и болѣе даетъ цѣну художественному воспроизведенію жизни и стала вѣрить прозорливому, творческому оку поэтовъ наравнѣ съ несомнѣнными историческими документами. Художественный романъ, какъ

Толстой, въ «Утрѣ помѣщика», въ «Казакахъ», «Поликушкѣ», военныхъ разсказахъ, — далъ живые типы. Въ «Запискахъ Охотника» типы эти только угаданы, намѣчены силуэтами... Зналъ и умѣлъ писать ихъ Мельниковъ, Глѣбъ Успенскій, кой-гдѣ Рѣшетниковъ... Перечень не великъ для такой литературы какъ русская, хотя въ ней произведеній изъ крестьянской жизни появляется многое множество. Отличительная черта этихъ вещей—безграничность обобщеній, трактованье *народа*, какъ какой то однородной, собирательной единицы, воспроизведеніе его съ исключительной точки зрѣнія его сословнаго и имущественнаго положенія. Въ лицахъ этихъ произведеній нѣтъ правдивой внутренней жизни, нѣтъ индивидуальности, а то художественное произведеніе, гдѣ нѣтъ живого *человѣка*,—мертво и обречено заранѣе на равнодушіе и забвеніе. Вотъ почему такъ слабъ успѣхъ многочисленныхъ повѣствователей „изъ народнаго быта“ и не только шаблонныхъ, не знающихъ народной жизни, хотя и гуманно настроенныхъ, но и даровитыхъ, какъ напр. Златовратскій, облекающій въ простонародныя формы свои идеалы и мечтанія и тѣмъ лишающій свои произведенія существеннѣйшаго элемента въ искуствѣ—правды... — Нѣтъ знанія народной жизни и нѣтъ также въ изображеніи этой жизни *человѣка*, вѣрнаго чутья его внутренняго міра, его души, его характера.

Малорусская словесность всегда сохранила преимущество въ этомъ отношеніи. Будучи простонародною съ самаго возникновенія, элементарнымъ требованіемъ ставила она знаніе народной жизни. Она не избѣгла вліяній времени: сентиментализма и т. под., но въ коренныхъ своихъ представителяхъ высоко держала знамя правды. Шевченко, дивный самородокъ, сочетавшій „полетъ орла съ сердцемъ голубицы“, даръ поэтическаго творчества съ непосредственностью крестьянскаго міросозерцанія, голосомъ самаго народа пѣлъ о его долѣ, о его прошломъ. Квитка

наиболѣе совершенная и наиболѣе захватывающая форма поэзіи, доведенный до того развитія, на которомъ онъ находится нынѣ, становится картиной текущей жизни, уясняетъ ея смыслъ, освѣщаетъ общественные типы и будущему историку даетъ самый богатый, самый живой матеріалъ для изученія даннаго историческаго момента. „Comedie Humaine“ Бальзака, романы Диккенса, Тэкерэя, Додэ—суть „человѣческіе документы“, историческіе матеріалы, обойдти которые не будетъ въ правѣ будущій бытописатель. Что замѣнитъ Гоголя въ изученіи жизни и многообразныхъ типовъ крѣпостной эпохи и въ представленіи гнили, вызванной удушливой атмосферой бюрократизма и отсутствія живой струи общественной самодѣятельности? Можетъ-ли миновать будущій историкъ русскаго общественнаго развитія романы Тургенева, и гдѣ, какъ не въ „Аннѣ Карениной“ найдетъ онъ болѣе яркую картину жизни культурныхъ классовъ нашей эпохи и разложенія такъ называемаго высшаго круга?.. Повторяемъ эту азбуку для тѣхъ, кому могло-бы показаться страннымъ появленіе въ историческомъ журналѣ строкъ, посвященныхъ бытовому роману“...

въ «Марусѣ» представилъ неувядаемое откровеніе сельскаго духа, начерталъ эпопею сельскаго трудоваго житья. Кулишъ, своимъ свѣтлымъ умомъ, бросалъ лучи на настоящее и прошлое... Произведенія второстепенныхъ, даже мелкихъ, талантовъ держались требованій правдивости. Установился извѣстный уровень; всякая фальшь, безъ которой, конечно, не обходилось, скорѣе изобличалась, быстрѣе бросалась въ глаза... Въ послѣдніе годы, не оскудѣвающая нива украинской поэзіи вывела новаго дѣятеля: авторъ «Двухъ Московокъ», «Бурлачки» и другихъ превосходныхъ вещей г. Левицкій завоевалъ симпатіи своимъ многостороннимъ поэтическимъ дарованіемъ.

Предъ нами первая часть обширнаго произведенія новаго писателя. Нельзя представить себѣ ничего проще этого начала романа, гдѣ нѣтъ ни тѣни разсчитанности, ни одной черты, бьющей на эфектъ. Отчего же нельзя оторваться отъ этихъ строгихъ, скромныхъ страницъ? Отчего исторія этой крестьянки, у которой въ зимнюю вьюгу замерзъ мужъ, возвращавшійся съ ярмарки, и которую преслѣдуетъ деревенскій міроѣдъ за то, что сынъ его любитъ ея молодую дочь и можетъ на ней жениться, отчего эта драма, простая какъ сама жизнь, такъ живо захватываетъ все существо? — Оттого что предъ вами живутъ люди во всей своей реальности, оттого что страданіе злополучной Приськи прочувствовано и передано съ такою силой и правдой, которыя говорятъ не только о большомъ талантѣ, но и о высокой душѣ. Предъ вами всѣ изгибы внутренняго міра несчастной старухи, съ *ея* мыслію, *ея* міровоззрѣніемъ; здѣсь она сама, съ ея изстрадавшимся, измученнымъ лицомъ, ея больнымъ духомъ, ея смертной тоской. Эта искренность, эта сила образа дѣлаютъ его близкимъ и роднымъ. Въ сценахъ самыхъ простыхъ, безконечно простыми „пріемами", обыденными, *простыми* словами, авторъ достигаетъ высокаго трагизма. Такова сила трезваго искуства и такова сила таланта, когда онъ направленъ на добро! Когда народная жизнь рисуется съ такимъ глубокимъ проникновеніемъ въ душу выводимыхъ людей, съ такимъ неложнымъ знаніемъ, — тогда какимъ неожиданнымъ свѣтомъ озаряется она, насколько живѣе мы начинаемъ чувствовать и понимать ее!...

Г. Мирный -- полный хозяинъ въ изображаемой средѣ. Народная жизнь—это ясно—извѣстна ему во всѣхъ подробностяхъ, во всѣхъ изгибахъ. Онъ проникнутъ народнымъ міровоззрѣніемъ... Писать по малорусски возможно всякому, знающему языкъ, но стать правдивымъ изобразителемъ народной малорусской жизни можетъ только писатель, дышавшій за одно съ той жизнью, жившій ею, полный ея образами, думающій по-малоруски. Разверните любую страницу „Повін". Какое

полное отсутствіе малѣйшаго усилія; какъ въ рѣчахъ, въ описаніяхъ, въ обстановкѣ все является само собою, на своемъ мѣстѣ и въ свое время. Писатель видѣвшій народную жизнь мелькомъ, налетами, заботясь о вѣрности «обстановки», ударится въ фотографію и потеряется въ мелочахъ. Здѣсь нѣтъ ничего подобнаго. Языкъ живой и естественный, хранитъ цѣломудренность народной рѣчи и брезгаетъ «ковкой». Авторъ слишкомъ хорошо знаетъ его, чтобъ прибѣгать къ выдумкѣ. Читая «Повію», чувствуешь красоту и образность этой рѣчи и видишь воочію, какое значеніе имѣетъ она, когда ею, этимъ *народнымъ словомъ*, описывается жизнь народа. Этотъ языкъ слитъ со всѣмъ складомъ понятій, выросъ со всею духовною природою украинца, и гдѣ найдти лучшихъ красокъ для изображенія его жизни, какъ не въ его родномъ словѣ?

Судьбу Приськи и ея дочери могутъ находить слишкомъ исключительною, краски писателя слишкомъ мрачными. Мы скажемъ на это, что нѣтъ въ этой судьбѣ ни одной черты, ни одной подробности, которая не была бы вполнѣ обыденна, вполнѣ реальна и возможна. Авторъ не говоритъ и не хочетъ сказать, чтобъ такъ жили всѣ женщины въ народѣ. Изъ массы типичныхъ явленій онъ беретъ то, которое нужно для задуманной имъ романической коллизіи. Это—его право. На ряду съ жизнью этихъ двухъ женщинъ рисуются разнообразныя фигуры крестьянства, отъ бездушнаго, злого стяжателя и воротилы Грицька Супруненка, злого генія Приськи, до прямодушнаго, добраго Карпа и его жены, этой честной пары, оставляющей такое благое, умиротворяющее впечатлѣніе. Описываетъ ли онъ волостной судъ или сельскую сходку, въ крестьянской толпѣ вы узнаете знакомыя, живыя лица. Но центромъ дѣйствія, согласно жизни, остается все та-же тѣсная, низенькая хата, съ ея убогой обстановкой, длинными трудовыми буднями, ея вѣчной заботой...

Только разъ, въ одной главѣ, разсѣевается немного этотъ мракъ. На дворѣ рождественская ночь, колядки. Христя (очевидно главное лицо романа, находящееся еще на второмъ планѣ), урвавшись на минуту отъ матери, идетъ колядовать съ дивчатами. Какой поводъ для шаблоннаго романиста уснастить всю эту сцену этнографическими подробностями и блеснуть легкой эрудиціей, доставляемой съ полокъ библіотеки! У г. Мирного на первомъ планѣ *люди*, а не *обычаи*, и все выступаетъ въ мѣру, все рисуется естественнѣе и ярче. Эта пятая глава заключаетъ въ себѣ сцену любви и проникнута поэзіей глубокой и непорочной, какъ лунный свѣтъ, озаряющій эту зимнюю ночь.

Говоря о первой части обширнаго цѣлаго, мы можемъ навлечь на себя упрекъ въ поспѣшности заключеній. По счастью г. Мирный далеко

не новичекъ въ литературѣ и далъ блистательныя свидѣтельства своего дарованья. Извѣстенъ романъ его, написанный въ сотрудничествѣ съ другимъ писателемъ, вышедшій за границей. Это произведеніе рано или поздно должно быть возвращено родной литературѣ и занять въ ней видное мѣсто. Въ львовской газетѣ „Правда", въ тѣ годы, какъ она получалась въ Россіи, появились еще два разсказа автора «Повін». Къ несчастью они не вышли отдѣльно и теперь извѣстны только небольшому числу завзятыхъ книжниковъ.

„Лихий попутавъ"—первое, молодое произведеніе писателя—исторія горя и радостей сельской дивчины, убогой наймички. Она служила въ городѣ и тамъ мелькнулъ ей заманчивый обликъ счастья. Неумирающая потребность этого счастья и жажда любви, присущая молодой порѣ, ослѣпили ее. Оказался обманъ. Наступили черные дни искупленія, безъ просвѣта, безъ надежды впереди. Этотъ разцвѣтъ безхитростной, простой души и постепенное, тяжелое ея увяданіе исполнены свѣжести и чувства.

„Пьяниця"—другой психологическій этюдъ.—Молоденькій чиновникъ, существо робкое, тихое, «осмѣлился» полюбить дочь хозяйки — мѣщанки, у которой стоитъ на квартирѣ. Первымъ поводомъ сближенія была его скрипка, его музыка. Потомъ пошли уроки грамоты. Тихое счастье этой художественной нѣжной натуры было разбито вдругъ, съ неожиданной, дружеской стороны. Пріѣхалъ братъ чиновника и, съ опытностью браваго, красиваго молодца, посмѣялся надъ мечтами любви, одержавъ легкую побѣду. Маленькій чиновникъ запилъ съ горя и превратился скоро въ забитое, вѣчно пьяное, несчастное созданіе, шута и посмѣшище веселыхъ посѣтителей губернскихъ кабаковъ. Личность этого чиновника отличается необыкновеннымъ рельефомъ и весь разсказъ дышетъ гуманнымъ чувствомъ.

Г. Мирный по преимуществу психологъ. Привѣтствуя его съ глубокимъ сочувствіемъ, мы не можемъ не порадоваться той пользѣ, которую его замѣчательный талантъ душевнаго анализа, въ соединеніи съ его знаніемъ быта народа, можетъ принесть въ изученіи народной жизни и типовъ народной среды. Всѣ любители малорусскаго слова ознакомятся конечно съ его романомъ. Въ сборникѣ «Рада» они найдутъ, кромѣ того, новую повѣсть Левицкаго, мастерской, граціозный «капризъ» Мордовцева и, съ подписью «Ратай», нѣсколько звуковъ той кобзы, къ знакомому голосу которой нельзя никогда оставаться равнодушнымъ.

В. Г—ко.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

УПЫРИ.

(Изъ исторіи народныхъ вѣрованій).

Цѣль настоящей замѣтки сообщить читателю нѣкоторыя историческія свѣдѣнія объ упыряхъ, т. е. такія свѣдѣнія, которыя относятся къ извѣстному времени и мѣсту и даже къ опредѣленному лицу. Но, разумѣется, въ этомъ случаѣ нельзя обойтись безъ указанія на общія представленія народа объ упыряхъ.

Аѳанасьевъ, обобщивъ народныя вѣрованія малороссовъ и бѣлоруссовъ въ упырей, пришелъ къ тому выводу, что упыри—это злобные, блуждающіе мертвецы, которые при жизни своей были колдунами, вовкулаками и вообще людьми отверженными церковью, каковы: самоубійцы, опойцы, еретики, богоотступники и проклятые родителями [1]). Не смотря на то, что приведенное опредѣленіе очень широкое, оно однако не обхватываетъ всего содержанія, заключающагося въ понятіи *упырь*. Нужно, слѣдовательно, обратиться къ самымъ народнымъ воззрѣніямъ.

По однимъ представленіямъ нашего народа, упырь есть ублюдокъ отъ чорта или вовкулака и вѣдьмы. Отсюда и поговорка: *упырь и непевный усімъ відьмамъ родичъ кревный*. Но онъ живетъ, какъ обыкновенный человѣкъ, отличающійся лишь злостью [2]). По другому вѣрованію, упыри имѣютъ только образъ человѣческій,

[1]) Поэтич. воззрѣніе славянъ на природу, 1869 г., т. III, стр. 557.

[2]) Обычаи, повѣрья и кухня Малорос. Н. Маркевича. К. 1860 г., стр. 78.

а въ сущности они настоящіе черти [1]). Есть и такое вѣрованіе, что упыри—это трупы вѣдьмъ, колдуновъ и другихъ людей, въ которыхъ послѣ ихъ смерти помѣстились черти и приводятъ ихъ въ движеніе [2]). Упыремъ, впрочемъ, можетъ сдѣлаться всякій человѣкъ, если только его *овѣетъ* степной вѣтеръ [3]). По внѣшнему виду упырь въ однихъ мѣстахъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго человѣка, въ другихъ мѣстахъ его представляютъ человѣкомъ съ очень румянымъ лицемъ [4]). На правой сторонѣ Днѣпра есть еще особый видъ упырей. Упырями тамъ называютъ дѣтей съ большой головой, съ длинными руками и ногами, словомъ, страдающихъ размягченіемъ костей, или англійской болѣзнью. Такіе уроды „*безъ костей*" носятъ названіе *одміны* (по великорусски обмѣнышъ, или сѣдунъ), потому что ихъ подбрасываетъ людямъ нечистая сила въ замѣнъ выкраденныхъ человѣческихъ младенцевъ [5]). Въ проскуровскомъ уѣздѣ под. губ. народъ знаетъ дѣленіе упырей на двѣ категоріи—живыхъ и мертвыхъ. Отличительные признаки мертвеца-упыря тѣ, что у него лице красное, лежитъ онъ въ гробу навзничь и никогда не разлагается; у живого лице тоже красное, хотя-бы онъ былъ и старикъ, и кромѣ того чрезвычайно крѣпкое тѣлосложеніе. Эта крѣпость тѣлосложенія необходима ему потому, что, по мѣстному вѣрованію, ему приходится таскать на своей спинѣ мертваго упыря; послѣдній безъ перваго не можетъ быть вреденъ, такъ какъ онъ не можетъ ходить [6]).

По общераспространенному вѣрованію малороссовъ, упыри-мертвецы днемъ покоятся въ могилахъ, будто живые, съ краснымъ или, лучше, окровавленнымъ лицемъ. Ночью встаютъ изъ гробовъ и бродятъ по свѣту. При этомъ они летаютъ по воздуху или вылазятъ на могильные кресты, производятъ шумъ, пугаютъ путниковъ, гоняясь за ними. Но болѣе страшны они тѣмъ, что, входя въ дома, бросаются на сонныхъ людей, въ особенности на младенцевъ, и

---

[1]) Труды этногр. стат. экспедиціи въ зап.-руск. край, Чубинскаго, т. I, в. 1, стр. 205.

[2]) Lud ukrain. Nowosielskiego, 1857, II, 161.

[3]) Аѳанасьевъ, III, 569.

[4]) Lud polski, Gołębiowskiego, 1830, стр. 150.

[5]) Lud ukrain. II, 161.

[6]) Труды экспед. въ зап.-р. край, т. I, стр. 206.

высасываютъ у нихъ кровь, причиняя этимъ смерть. Хожденіе ихъ по свѣту продолжается, какъ и остальной нечисти, до тѣхъ поръ, пока не запоютъ пѣтухи. Чуму и другія эпидемическія болѣзни, также засуху, неурожаи и другія общественныя бѣдствія тоже приписываютъ упырямъ и упырицамъ [1]). Упырь—одмина, кажется, не вредитъ людямъ, тѣмъ болѣе, что онъ вовсе не ходитъ, а лишь можетъ сидѣть или лежать на одномъ мѣстѣ. Онъ приноситъ даже пользу, потому что, отличаясь предвѣдѣніемъ будущаго, занимается предсказываніемъ того, что должно случиться съ людьми. Такой упырь, собственно говоря, никогда не умираетъ; когда его похоронятъ, онъ появляется въ другомъ мѣстѣ и начинаетъ вновь предсказывать будущее [2]).

Избавлялись отъ упырей, выходившихъ изъ могилъ, тѣмъ, что откапывали ихъ трупы и пробивали грудь осиновымъ коломъ. Но это средство не всегда помогало. Тогда считали необходимымъ прибѣгнуть къ болѣе радикальному средству—сжечь трупъ упыря. А если за упыря признавали живаго человѣка, то онъ долженъ былъ погибнуть на кострѣ. И дѣйствительно въ старину у насъ, какъ и на западѣ, во время засухъ и мора, сожигали на огнѣ упырей и вѣдьмъ [3]). Для того, чтобы окончательно лишить упыря возможности вредить людямъ, передъ сожженіемъ его прибѣгали къ разнымъ символическимъ дѣйствіямъ: завязывали ему глаза, забивали глотку землей и т. п. [4]).

Послѣ сообщенія народныхъ вѣрованій объ упыряхъ, укажемъ на отдѣльныя лица, которыхъ народъ признавалъ за упырей.

По словамъ Голенбіовскаго, при королѣ польскомъ Станиславѣ-Августѣ былъ упырь въ Бѣлоруссіи. Былъ и на Полѣсьи въ Лосицахъ упырь Курейко, котораго назвали такъ потому, что онъ пѣлъ по пѣтушиному. Курейко повѣсился на подволокѣ въ 1824 году; по смерти, какъ и при жизни, каждый вторникъ, пѣлъ, свисталъ и плясалъ [5]).

---

[1]) Аѳанасьевъ, III, 557; Маркевичъ, 79; Новосельскій, II, 56; Чубинскій, I, 206 и Podania i legendy Siemieńskiego, 1845, 92.

[2]) Новосельскій, II, 106.

[3]) Аѳанасьевъ, III, 577; Чубинскій, 206.

[4]) Тамъ-же, 579.

[5]) Lud polski, 1830 г., стр. 171.

Въ с. Новоселкахъ, пишетъ Новосельскій въ книгѣ, изданной въ 1857 году, лѣтъ сорокъ тому назадъ родился мальчикъ безъ кости; голову имѣлъ большую, какъ взрослый человѣкъ, ноги длинныя, подобныя тычинамъ, а лице и глаза очень умные. Подросши, онъ не могъ ходить, а всегда сидѣлъ въ мѣркѣ, обложенный подушками. На седьмомъ году началъ предсказывать. Предсказывалъ только по утру; кто пріѣзжалъ днемъ, долженъ былъ ожидать до слѣдующаго дня, и только по утру получалъ отвѣтъ на свой вопросъ. Ясновидѣніе его открылось такимъ образомъ. Отецъ мальчика имѣлъ пасѣку, которую стерегъ дѣдъ. Однажды, передъ разсвѣтомъ, мальчикъ началъ звать отца и будить его, чтобы тотъ, какъ можно скорѣе, отправлялся на пасѣку, иначе воры убьютъ дѣда и покрадутъ медъ. Отецъ не повѣрилъ, повернулся на другой бокъ и хотѣлъ заснуть, но сынъ снова сталъ кричать ему, чтобы какъ можно скорѣе бѣжалъ, потому что непремѣнно убьютъ дѣда. Наконецъ отецъ послушался, пошелъ, пришелъ на пасѣку и тамъ дѣйствительно засталъ двухъ воровъ, которые выбирали медъ изъ ульевъ, а въ сторонѣ увидѣлъ связаннымъ своего стараго отца. Съ того времени начали вѣрить въ предсказанія мальчика-калѣки; вскорѣ вѣсть о немъ распространилась по всей окрестности: на полѣ, за селомъ всегда стояло множество повозокъ и возовъ тѣхъ людей, которые пріѣзжали за предсказаніями къ ясновидящему. На десятомъ году жизни своей онъ умеръ. Говорятъ старые люди, что онъ не умеръ: только тѣло его похоронили, а онъ гдѣ-то далеко снова появился и предсказывалъ. При этомъ Новосельскій замѣчаетъ, что въ 1852 году въ подольской губерніи такой самый калѣка безъ кости, Ивась, предсказывалъ будущее, какъ объ этомъ было сообщено въ корреспонденціи Адама Плуга въ Газетѣ Варшавской. Peut-être, это тотъ самый, какъ писала сестра тетенкѣ, въ комедіи Фредра [1]).

Можетъ быть, въ основаніи настоящаго народнаго разсказа нѣтъ никакого реальнаго факта. Но вотъ дѣйствительный случай, изъ болѣе далекаго прошлаго.

Лѣтомъ 1727 года кіевскій полковникъ Антонъ Танскій прислалъ въ малороссійскую генеральную войсковую канцелярію кре-

---

[1]) Lud ukrainski, II, 163.

стьянина Семена Каленниченка вмѣстѣ съ его показаніемъ, въ которомъ тотъ призналъ себя за упыря и вмѣстѣ съ тѣмъ заявлялъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи вскорѣ будетъ эпидемія на людяхъ [1]).

Кажется, что всѣ вышеуказанные упыри принадлежатъ къ разряду незлобныхъ, ясновидящихъ. Но вотъ факты, относящіеся къ извѣстнымъ въ исторіи личностямъ. Этихъ упырей можно назвать анти-соціальными упырями.

О томъ самомъ Антонѣ Михайловичѣ Танскомъ, который представлялъ упыря Семена Каленниченка въ войсковую генеральную канцелярію, сложилась слѣдующая легенда.

Танскій богатъ былъ деньгами и землями. Первыя онъ получилъ въ видѣ приданого за женой, дочерью Палія, вторыя получилъ въ видѣ дара отъ Петра I, а еще болѣе награбилъ отъ бѣдныхъ козаковъ и посполитыхъ. Тѣмъ не менѣе имя его часто поминалось между строителями и благотворителями храмовъ. Однажды онъ подарилъ цѣлое барило червонцевъ монахамъ Аѳонской горы, пришедшимъ просить подаянія на свои обители и избравшимъ его домъ мѣстомъ складки всего собраннаго ими по Украйнѣ. Но зависть и скупость одолѣли его, и онъ рѣшился воспользоваться всѣмъ нанрошеннымъ добромъ. Слугамъ своимъ онъ велѣлъ утопить монаховъ въ Днѣпрѣ, а сокровища ихъ принести къ себѣ. Спасшійся одинъ изъ монаховъ разсказалъ о случившемся своему архимандриту, который и прибылъ въ Украйну съ цѣлью уговорить Танскаго возвратить заграбленное. Но Танскій отъ всего отперся. Тогда архимандритъ наложилъ на него клятву: „за то, что Антонъ Танскій погубилъ невинныя души, утаилъ церковныя деньги, земля не приметъ его; добро его, пріобрѣтеное неправдою, исчезнетъ, *яко воскъ отъ лица огня*, перейдетъ къ чужимъ людямъ и родъ его изведется“. „Поховали его сыны, продолжаетъ легенда, ще не вспіли и добромъ поділитись, якъ щось страшне почало діятись. Тільки-що зайде сонце и трохи притемніе, якъ изъ домовины вылазить старый полковникъ: борода по поясъ, очи палаютъ пекельнымъ огнемъ, зъ рота поломья сыпле, права рука на

---

[1]) Архивъ малорос. коллегіи при харьк. университетѣ, дѣло 1727 г., подъ № 3779.

серці, въ ливій пернач держить и ходить вінъ, поки півни не заспівають, а тоди застогне, такъ що чубъ у гору лізе,—и знов лагодиця въ домовину. Думали—гадали сыны, що имъ робити, бачуть, що правду казавъ пророкъ игуменъ. Позвали печерского архимандрита, росконали могилу, ажъ лежить старый Танскій, неначе живый, тільки борода одросла и кігти повыростали. Узяли сыны осиковый кілъ и пробили Танского наскрізь, а архимандритъ прочитавъ молитву и положивъ заклятте, щобъ не выходивъ більшъ изъ домовины. И теперь старі люде показують ту могилу, де проклявъ Танського игуменъ; да часомъ опівночи, щось страшно, страшно стогне підъ землею, неначе терпить несказанну муку"[1]).

Еще съ большей несомнѣнностью утверждается фактъ объ упырствѣ генеральнаго обознаго Василія Бурковскаго, бывшаго ранѣе черниговскимъ полковникомъ. Это тотъ Бурковскій, извѣстный богачъ, которому кн. Голицынъ предлагалъ гетманство, послѣ устраненія Самойловича, за 10,000 рублей, и который по скупости отказалъ боярину. Какъ извѣстно, Мазепа вымолилъ у скупого богача въ займы эту сумму и купилъ себѣ гетманство[2]). Бурковскій, по семейному преданію, сообщаемому Маркевичемъ, былъ не только скупой, но и злой человѣкъ. Онъ ѣлъ скоромное въ страстную пятницу, таскалъ къ себѣ дочерей и женъ своихъ крестьянъ, самихъ крестьянъ тиранилъ: одѣвалъ ихъ въ медвѣжьи мѣха и травилъ меделянами. Онъ умеръ въ Черниговѣ и былъ похороненъ въ троицкомъ монастырѣ. На другой день послѣ похоронъ его видѣли ѣдущимъ на шестеркѣ вороныхъ коней по Красному мосту, что на рѣчкѣ Стрижнѣ. Кучеръ, форрейторъ, лакеи и три собесѣдника въ каретѣ были черти. Распространилась молва, упыря прокляли, и онъ съ поѣздомъ провалился въ Стрижень. Пошли, открыли гробъ и нашли въ немъ упыря красноснимъ, съ открытыми глазами; его пробили осиновымъ коломъ. Все это происшествіе было изображено масляными красками на стѣнѣ троицкаго собора и только въ первомъ десятилѣтіи нынѣшняго столѣтія закрашена легенда объ упырѣ[3]).

---

[1]) «Основа», 1861 г., августъ, стр. 31.

[2]) Исторія Малороссіи, Н. Маркевича, II, 310.

[3]) Н. Маркевичъ, Обычаи, повѣрья, кухня Малорос., стр. 79.

Въ числѣ актовъ, заимствованныхъ изъ кіевскаго центральнаго архива и напечатанныхъ въ изслѣдованіи В. Б. Антоновича о колдовствѣ, помѣщенъ одинъ, въ которомъ передается такой случай сожженія упыря.

Во время эпидеміи въ 1738 году жители села Гуменецъ обходили ночью въ церковной процессіи вокругъ села, чтобы избавиться отъ болѣзни. Встрѣтивъ шляхтича Матковскаго, который въ это время ходилъ по полямъ съ уздой и отыскивалъ своихъ лошадей, гуменчане жестоко избили его, принявъ за упыря, виновника мора. На другой день жестоко мучили и сожгли на кострѣ. Замѣчательно, что въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ дѣлѣ, были не только крестьяне, но и шляхтичи, также мѣстный священникъ и дьячекъ. Когда громада колебалась, можно-ли жечь Матковскаго, одинъ изъ шляхтичей поощрялъ громадянъ, говоря: „сжгите скорѣй, я дамъ сто злотыхъ: хочетъ онъ насъ и дѣтей нашихъ погубить, такъ лучше пускай самъ пропадаетъ". А священникъ выражался: „я до души, а вы до тѣла, сжгите, какъ можно скорѣй". Предъ сожженіемъ Матковскому замазывали ротъ свѣжимъ навозомъ, а глаза завязывали большой тряпкой, обмоченной въ деготь [1]).

Также поступилъ народъ во время чумы 1770 года въ м. Ярмолинцахъ, подольской губерніи, съ захожимъ изъ Турціи Іосифомъ Маронитомъ. Маронитъ былъ иностранецъ, нѣсколько лѣтъ занимавшійся лѣченіемъ, впрочемъ, очень удачно. Прежде нежели сжечь, его опустили въ бочку съ дегтемъ [2]).

Все изложенное приводитъ къ тому заключенію, что въ старину вѣрованіе въ упырей не носило одного отвлеченнаго характера; народъ не довольствовался тѣмъ, что вообще признавалъ существованіе на свѣтѣ упырей. Нѣтъ, онъ стремился пріурочивать свои представленія къ извѣстнымъ, дѣйствительно существовавшимъ личностямъ. Въ особенности въ моменты крупныхъ общественныхъ бѣдствій, мора, голода и т. п. воображеніе народа болѣзненно настраивалось и отыскивало виновниковъ этихъ бѣдствій (упырей) въ своей средѣ. Въ упыри обыкновенно зачислялись люди чѣмъ

---

[1]) Труды этногр.-статист. экспедиціи въ зап.-рус. край, т. 1-й, в. 1-й, стр. 425—432.

[2]) Тамъ-же, стр. 339.

либо отличавшіеся отъ прочихъ, напримѣръ калѣки, знахари, умершіе „не своей смертью", также люди, отличавшіеся хищнымъ и злостнымъ нравомъ. Впрочемъ, въ минуты общественныхъ бѣдствій всякому легко было попасть въ упыри, все зависѣло отъ случайности. Причинами, поддерживавшими настоящее вѣрованіе, какъ и многія однородныя, кромѣ невѣжества и общаго склада міросозерцанія, были: болѣзненныя галлюцинаціи и иллюзіи чувствъ (наприм. видѣли упыря, выходящаго изъ могилы, гдѣ похоронено такое-то лице); открытіе людей заживо погребенныхъ, лежавшихъ во гробу лицъ, съ изодранной одеждой, искусанными руками, окровавленнымъ лицемъ и т. п.; собственное сознаніе въ упырствѣ подозрѣваемыхъ лицъ, сознаніе, вынужденное пытками и истязаніями или просто произнесенное въ состояніи помѣшательства. Самые факты обвиненія тѣхъ или иныхъ лицъ въ упырствѣ и публичное сожженіе ихъ должны были сильно поражать воображеніе массъ и далеко распространять настоящее вѣрованіе. Соціальныя причины, имѣвшія мѣсто у насъ въ прошломъ столѣтіи, также должны были поддерживать вѣру въ упырей. Это именно существованіе цѣлой категоріи лицъ, которыя стремились всѣми неправдами захватить чужія земли и обратить крестьянъ и козаковъ въ свою собственность. Тѣ изъ указанныхъ лицъ зачислялись въ упыри, которые отличались особенной свирѣпостью по отношенію къ крестьянамъ и козакамъ.

Голенбіовскій въ книгѣ Lud polski (стр. 171) говоритъ, что въ Польшѣ въ старину вѣрили въ существованіе упырей люди всѣхъ сословій; только сочиненіе Богомольца Diabeł w swojej postaci и болѣе широкое просвѣщеніе уничтожило этотъ предразсудокъ, не искоренившійся въ народѣ и доселѣ. Тоже самое было и у насъ въ Украйнѣ: въ прошломъ столѣтіи вѣра въ упырей была присуща не только простому народу, мелкому панству, сельскому духовенству, но и лицамъ, занимавшимъ высокіе посты въ мѣстномъ управленіи, какъ напримѣръ малороссійскимъ полковникамъ. Впрочемъ, надобно сказать, что и тогда уже встрѣчались у насъ люди на столько просвѣщенные, что относились вполнѣ скептически къ этому вѣрованію. Въ подтвержденіе приводимъ промеморію малороссійской войсковой генеральной канцеляріи въ малороссійскую коллегію отъ 19 іюля 1727 года по дѣлу Семена Каленниченка.

„Сего 1717 году, іюля 15 дня, полковникъ кіевскій Антоній Танскій прислалъ въ войсковую енеральную канцелярію человѣка Семена Каленниченка и при ономъ его допросъ, въ которомъ допросѣ показалъ себе быть упиромъ, и яко-бы въ городѣ Глуховѣ и въ Лохвици, прійдучой Спасовки сего 1727 году, мѣетъ быть моровое повѣтре. Пре то зъ войсковой енеральной канцеляріи оный Каленниченко и подлинный его допросъ при семъ въ малороссійскую коллегію посылается. А по усмотрѣнію упира оного разсудила войсковая енеральная канцелярія его быть несостоятельнаго ума, и потому оніе его слова отъ него показани знатно по нѣкоторомъ въ умѣ помѣшательству. О чомъ коллегія малороссійская да благоволитъ вѣдать“ [1]).

П. Ефименко.

КЪ СВѢДѢНІЯМЪ О КОЗАЦКОМЪ ГЕТМАНѢ ИВАНѢ КУЦКОВИЧѢ.

Въ статьѣ, озаглавленной: „Неизвѣстный доселѣ гетманъ и его приказъ“ и помѣщенной въ майской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1883 годъ (стр. 140—145), глубокоуважаемый В. Б. Антоновичъ дѣлаетъ попытку представить на основаніи документальныхъ источниковъ списокъ козацкихъ гетмановъ съ 1596 по 1618 г. На стр. 143 онъ говоритъ: „преемникомъ Кошки въ 1602 году былъ Гаврило Крутневичъ или Куртневичъ, бывшій въ 1600 году Кошевымъ въ Запорожьи и предводительствовавшій козаками въ той-же шведской кампаніи. Но въ походѣ того-же года его смѣнилъ *Иванъ Куцковичъ*, который, не находя возможнымъ удержать дисциплину среди козаковъ, не получавшихъ жалованья и вслѣдствіе этого причинявшихъ насилія жителямъ Бѣлой Руси, сложилъ съ себя гетманство въ г. Могилевѣ въ половинѣ 1603 года“. Въ публичной библіотекѣ графовъ Рачинскихъ въ г. Познани сохрани-

---

[1]) Архивъ малорос. коллегіи при харьков. унив. Дѣло по доношенію полковника кіевскаго Танскаго съ присылкою упыря Семена Каленниченка и допросовъ его 1727 г., № 3799. Къ сожалѣнію, въ дѣлѣ не оказалось признанія Каленниченка: оно, по всей вѣроятности, похищено кѣмъ-либо изъ любителей старины, рывшихся въ этомъ архивѣ.

лось письмо этого Ивана Куцковича къ канцлеру великаго княжества литовскаго Льву Санѣгѣ отъ 4 декабря 1602 года. Оно еще ра̂зъ подтверждаетъ существованіе козацкаго гетмана *Ивана Куцковича* и представляетъ живую картину изъ походнаго быта козаковъ на службѣ польскаго правительства. Приводимъ его въ буквальномъ переводѣ съ польскаго [1]).

Адресъ письма: Высокоблагородному господину, господину его милости, господину Льву Сапѣгѣ, канцлеру великаго княжества литовскаго, господину нашему милостивому, усердно передаемъ.

Письмо: Высокоблагородный, милостивый господинъ канцлеръ великаго княжества литовскаго, господинъ, господинъ нашъ милостивый.

По чувству рыцарской нашей вольности, съ живѣйшимъ усердіемъ просимъ благосклоннаго расположенія вашей милости, нашего милостиваго господина и пр.

Увѣренные въ милостивомъ расположеніи вашей милости, нашего милостиваго господина, которое вы такъ охотно стараетесь оказывать, относясь съ любовью къ храбрымъ воинамъ вообще, а въ особенности къ намъ, вѣрнымъ подданнымъ и всегда готовымъ слугамъ его королевской милости, нашего милостиваго господина, не можемъ скрыть отъ васъ того, что произошло на витебскомъ трактѣ. Случилось намъ, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ коней, заѣхать во дворъ и въ имѣніе вашей милости, нашего милостиваго господина, въ Островно. Тутъ по уважительнымъ причинамъ мы должны были остаться нѣсколько дней и не обошлось безъ того, чтобы мы не попросили у управляющаго вашей милости харчей для коней и для самихъ себя. Хотя и слѣдовало минуть и сохранить имѣніе вашей милости, какъ лица, которое издавна оказываетъ свое благоволеніе къ войску запорожскому; однако насъ принудили такъ поступить господа витебскіе мѣщане, которые, не желая добровольно дать намъ въ домахъ своихъ куска хлѣба, обильно облитаго нашею кровью, на смерть убили нѣсколькихъ отправленныхъ впередъ това-

[1]) Переводъ сдѣланъ нами съ копіи письма, которая была снята 17 мая 1847 года и точность которой засвидѣтельствована подписью библіотекаря, извѣстнаго Іосифа Лукашевича, и приложеніемъ печати библіотеки съ изображеніемъ герба графовъ Рачинскихъ.

рищей нашихъ, и обнаружили недоброжелательство ко всему войску нашему. Все то мы отдаемъ на судъ Господа Бога и святой Его справедливости. Что касается ущерба, причиненнаго имѣнію вашей милости, нашего милостиваго господина, то мы увѣрены, что ваша милость, нашъ милостивый господинъ, постараетесь покрыть его вашимъ высокимъ прощеніемъ, зная, что безъ этого не можетъ обойтись никто изъ живущихъ войною. Затѣмъ мы вторично просимъ вашего милостиваго расположенія, предлагая и нашу всегдашнюю готовность къ услугамъ. Дано въ Островнѣ, декабря 4 дня 1602 года.

Вашей милости, нашего милостиваго господина, готовые къ услугамъ Иванъ Куцковичъ, гетманъ, и все рыцарство войска е. к. м. запорожскаго. (М. П).

Сообщилъ **А. С—ко.**

МАЛОРОССІЙСКІЕ ЧИНЫ И ДОЛЖНОСТИ И ОКЛАДЪ ИХЪ СОДЕРЖАНІЯ.

Для ознакомленія нашихъ читателей съ военнымъ и гражданскимъ строемъ Малороссіи, какъ они удержались въ половинѣ XVIII ст., предлагаемъ два историческіе памятника того времени, изъ которыхъ одинъ даетъ намъ понятіе о числѣ, наименованіяхъ, категоріяхъ и іерархическомъ порядкѣ малороссійскихъ чиновъ въ смыслѣ должностей, а другой сообщаетъ свѣдѣнія о присвоенныхъ имъ въ то время денежныхъ окладахъ содержанія. Тутъ весь строй бывшей гетманщины—не только военный, но и гражданскій, поколику послѣдній проникался первымъ. Изъ существовавшихъ прежде гражданскихъ чиновъ и должностей не упомянуты подкоморіе и суды гродскіе и земскіе, которые не могли удержаться во время козацкихъ войнъ и постояннаго военнаго положенія страны. Подкоморіе были возстановлены при Разумовскомъ, но существовали не долѣе 10 лѣтъ. Изъ учрежденій болѣе можетъ быть военнаго, чѣмъ гражданскаго характера, не упомянута *„гетманская рада“*, давно замѣненная генеральною канцеляріею и экономическими при ней отдѣленіями, направленными къ ограниченію гетманской власти и злоупотребленій козачей старшины. Изъ низшихъ козачихъ чиновъ не упомянуты, вѣроятно, не существовавшіе уже *довбишъ, трубачи* и *литаврщики*. Тотъ-же строй военный въ главныхъ чертахъ и

подраздѣленіяхъ сохранялся въ Сѣчи Запорожской, откуда и заимствованъ. Атаманы, асаулы, сотники и хорунжіе удерживались въ правобережной Украйнѣ и послѣ того, какъ не стало въ ней регулярнаго козачества и остались только кое-гдѣ городовые козаки и надворная (помѣщичья) милиція.

Что касается окладовъ содержанія, то во 2-мъ изъ помѣщаемыхъ документовъ показаны только денежные и ничего не говорится о количествѣ и размѣрѣ имѣній, которыя давались по разрядамъ должностей. Не упомянутъ и самый крупный окладъ гетманскаго жалованья въ 50,000 р., какой пожалованъ былъ Разумовскому не за военныя, конечно, его доблести.

О значеніи перечисляемыхъ въ документахъ чиновъ и ихъ функціяхъ, въ соотвѣтствіи съ чинами регулярной арміи, мы надѣемся сказать впослѣдствіи, а пока, какъ матеріалъ для такихъ разъясненій, помѣщаемъ два нижеслѣдующіе памятника *):

1.

ВѢДОМОСТЬ

о малороссійской генеральной старшинѣ, полковникахъ, бунчуковыхъ товарищахъ, полковой и сотенной старшинѣ и другихъ чинахъ и рядовыхъ, съ показаніемъ, который чинъ за какимъ слѣдуетъ по малороссійскому обыкновенію, учинена 1756 году.

Чины и должности:	*Какого правленія или вѣдомства:*
1. Генералний обозний	войскового.
2. Генералніе судіи	статского.
3. Генералний подскарбій . . .	статского.
4. Генералний писаръ . . .	статского.
5. Генералніе асаули	войскового.
6. Генералній хорунжій	войскового.
7. Генералний бунчучний . . .	войскового.
8. Полковники	войскового

*) Оба они сообщены намъ А. М. Лазаревскимъ, а имъ извлечены изъ сулимовскаго архива. Первый, сколько намъ извѣстно, нигдѣ не напечатанъ, а второй находится въ весьма рѣдкой и малоизвѣстной книгѣ Шафонскаго: «*Описаніе черниговскаго намѣстничества*» 1786 г., но нами печатается съ современной рукописи.— Ред.

9. Бунчуковые товарищи	войсковогo.
10. Полковники	полковъ охочекомонныхъ.
11. Асаулъ артилеріи генералной . 12. Обозные полковые	артилерійского.
13. Писарь суда генералного . . . 14. Старшій войсковой . . . . . 15. Судіи полковіе	статского.
16. Хорунжій артиллеріи генералной .	артилерійского.
17. Обозніе полковіе	полковъ охочекомонныхъ.
18. Писари войсковіе	статского.
19. Асаули полковіе . . . . . . 20. Хорунжіе полковіе	войскового.
21. Соттекіи . . . . 22. Войсковіе товарищи	войскового.
23. Писаръ артилеріи генералной .	артилерійского.
24. Писаръ суда полкового	статского.
25. Писарі полковіе . . . . . . 26. Асаули полковіе . . . . . . 27. Хорунжіе полковіе	полковъ охочекомонныхъ.
28. Капитани желдацкихъ командъ .	войскового.
29. Переводчикъ . . . . . . 30. Протоколистъ	статского.
31. Атаманъ артилеріи генералной .	артилерійского.
32. Атамани городовъ полковихъ . 33. Архиваріусъ . . . . 34. Канцеляристы войсковые . . .	статского.
35. Сотники или ротмистры . . .	полковъ охочекомонныхъ.
36. Значковіе товарищи	войскового.
37. Асаули артилеріи полковой . .	артилерійского.
38. Атамани сотенныхъ городовъ . 39. Городничіе полковихъ городовъ .	статского.
40. Атамани ротніе жолдацкіе . .	войскового.
41. Писари сотенныхъ городовъ . .	статского.
42. Писари артилерійскіе полковие .	артилерійского.
43. Канцеляристи полковіе и судовіе	статского.
44. Асаули сотенніе	войскового.
45. Хорунжіе артилеріи полковой .	артилерійского.

48. Ассаули 49. Хорунжіе 50. Писари 51. Атамани.	компанейскіе . .	полковъ охочекомонныхъ.
52 Атамани курѣнніе		войскового.
53. Городничіе сотенныхъ городовъ . 54. Атаманъ сѣлскій		статского.
55. Козакъ . . . . Солдатъ		войскового.
Пушкаръ		артилерійского.
Компанѣецъ		полковъ охочекомонныхъ.

2.

ВЫПИСКА

По листу господина и кавалера, коимъ представляетъ, противъ какихъ великороссійскихъ чиновъ малороссійскимъ чиновникамъ щитатся, такожъ и до которого класса ему господину гетману и кавалеру ихъ производить, въ которой между инним написано:

Въ новосочиненномъ Уложенію, въ 2-й части, въ главѣ 41, въ 24-мъ пунктѣ написано: состоящимъ въ Малой Россіи, кои противъ находячихся въ нашей регулярной, придворной и статской службахъ ранговъ не имѣютъ, нижеписанного званія по нижеписанному расположенію.

1) Генералному Обозному шестьсотъ рублей.

2) Генералному судьѣ и генералному подскарбію по пятисотъ рублей.

3) Генералному писарю, генералному асаулу, генералнимъ хорунжимъ, генералнымъ бунчучнимъ по четириста рублей.

4) Полковникамъ городовимъ по двѣстѣ по пятьдесятъ рублей.

5) Бунчуковымъ товарищамъ, асаулу генералной артилеріи, писару суда генералного, полковникамъ трехъ полковъ охочекомонних, обознимъ полковымъ, генералной канцеляріи, старшему канцеляристу по сто по пятидесяти рублей.

6) Хорунжимъ артилеріи генералной, судямъ полковимъ, обознимъ полковъ охочекомонниxъ по сто рублей.

7) Полковимъ писарамъ, полковимъ асауламъ, полковимъ хорунжимъ, переводчику генералной канцеляріи по пятидесятъ рублей.

8) Сотникамъ, канцеляристамъ войсковымъ, писарамъ полковимъ охочекомонныхъ полковъ, писару генералной артилеріи, асауламъ полковимъ охочекомонныхъ полковъ, атаману артилеріи генералной, хорунжимъ полковимъ охочекомонныхъ полковъ по сороку рублей.

9) Значковимъ товарищамъ, асауламъ артилеріи полковой, атаманамъ городовимъ, сотникамъ и ротмистрамъ охочекомонныхъ полковъ, писарамъ судовъ полковыхъ, капитану жалдацкому охочекомонныхъ полковъ по двадцяты рублей.

10) Писарамъ сотеннимъ, писарамъ артилеріи полковой, канцеляристамъ полковимъ, асауламъ сотеннимъ, хорунжимъ артилеріи полковой, старшинѣ компанѣйской охочекомонныхъ полковъ по пятнадцятъ рублей.

11) Атаману куринному, городничему, атаману селскому по 10 р., козакамъ по чотиры рубли, посполитымъ мужикамъ по рублю.

Находящимся въ нашимъ нелегулярномъ войскѣ всякого званія, которіе чины имѣютъ, за безчестіе править по штатамъ противъ положеного нашего денежного жалованния, а протчимъ козакамъколмикамъ, кои никакихъ чиновъ не имѣютъ, по чотиры рубли.

ГДѢ ПОДЛИННИКЪ ЛЮБЕЧСКОЙ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ БОЖІЕЙ МАТЕРИ?

Въ минувшемъ 1882 г. вышла въ свѣтъ брошюра владѣльца г. Любеча, гр. Гр. Милорадовича о любечской иконѣ Божіей Матери, составляющая повтореніе его-же брошюры 1860 г. о той-же иконѣ, но болѣе обстоятельно и такъ сказать документально излагающая исторію этой народной святыни.

Нельзя не отдать чести благочестивому и просвѣщенному усердію графа и его любознательности, но нельзя и оставить безъ поправки его окончательнаго вывода объ иконѣ, составляющей предметъ народнаго почитанія.

Въ обѣихъ брошюрахъ своихъ гр. Милорадовичъ утверждаетъ, будто въ кіево-софійскомъ соборѣ находится копія этой чудотвор-

ной иконы, а подлинная икона находится въ Любечѣ и передана туда въ 1701 г., при митрополитѣ кіевскомъ Варлаамѣ Ясинскомъ, по обновленіи оной усердіемъ монаха Иннокентія Щирскаго, извѣстнаго гравера XVII ст. Въ подтвержденіе своего мнѣнія авторъ брошюръ приводитъ грамоты митрополита Варлаама Ясинскаго, при которыхъ отпущенъ изъ Кіева въ Любечъ Щирскій съ иконою Божіей Матери *новоотновленною,* для поставленія ея во вновь сооруженной тамъ церкви, дабы жители г. Любеча, родины преподобнаго Антонія печерскаго, могли въ субботніе дни слушать акаѳистное пѣніе предъ этою иконою.

Хотя такому предположенію гр. Милорадовича сильно противорѣчили и преданіе, и то усердіе, съ какимъ жители г. Любеча ежегодно приходятъ къ любечской иконѣ, находящейся въ кіевософійскомъ соборѣ, а также возбужденное въ 1805 г. дѣдомъ автора, любечскимъ помѣщикомъ, тайнымъ совѣтникомъ Григоріемъ Петровичемъ Милорадовичемъ ходатайство предъ св. синодомъ о возвращеніи въ г. Любечъ находящейся въ кіево-софійскомъ соборѣ подлинной чудотворной любечской иконы Божіей Матери, перенесенной сюда при митрополитѣ кіевскомъ Сильвестрѣ Коссовѣ, въ половинѣ XVII вѣка, и послѣдовавшій по сему ходатайству отказъ; но на основаніи нѣкоторыхъ неясныхъ выраженій вышеупомянутыхъ грамотъ митроп. Варлаама Ясинскаго можно было дѣлать и другіе выводы *per bonam consequentiam.* Тѣмъ не менѣе, если и могло являться сомнѣніе въ вопросѣ о мѣстѣ нахожденія подлинной чудотворной любечской иконы, то оно окончательно разрѣшается недавнимъ изданіемъ древнихъ изображеній знатока и любителя древностей Д. Ровинскаго. Въ его объемистой книгѣ: *Русскія народныя картины* (кн. III, Спб. 1881 г.) помѣщено полулистовое изображеніе любечской иконы Божіей Матери, гравированное на мѣди въ концѣ XVII вѣка; подлинникъ этого изображенія находится въ Олсуфьевскомъ собраніи, принадлежащемъ князю К. Е. Бѣлосельскому-Бѣлозерскому, а подъ изображеніемъ имѣется слѣдующая подпись: „изображеніе чудотворной иконы пресвятой Богородицы любецкой, юже блаженной памяти преосвященный Силвестеръ каковъ (Коссовъ), митрополитъ кіевскій, зъ странъ заднѣпровскихъ, съ подобающею честію, въ богоспасаемый градъ Кіевъ привезе и постави ю въ святыя Софіи церкви, идеже до днесь на(дъ) царскими враты

благословено покланяема есть, сихъ-же временъ седмои тысящы 198,* благословеніемъ ти въ Богу преосвященнаго, е. м. господина, отца Варлаама Ясинскаго, митрополита кіевскаго, и благословеніемъ преосв. Лазаря Барановича и Θеодосія углицкаго архіепископа, въ Черниговѣ з тоея жды чудотворнои иконы истинное подобіе списася и въ градѣ Любечи, идеже первѣе чудодѣйствуема бѣ, во отечестве преподобнаго Антонія печерского, въ новосозданномъ храмѣ его поставлена есть".

Приведенная подпись не оставляетъ уже никакого сомнѣнія въ томъ, что при митроп. Варлаамѣ Ясинскомъ монахомъ Щирскимъ была сдѣлана и затѣмъ съ особою торжественностію доставлена въ Любечъ копія съ древней иконы, а подлинникъ оной какъ былъ, такъ и остался въ Кіевѣ, въ храмѣ св. Софіи.

П. Л—въ.

КЛАДЫ ВЪ КІЕВѢ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХЪ.

Въ 1856 году въ Кіевѣ издана была небольшая, въ малую осьмушку, книжечка, подъ заглавіемъ: *Запорожская рукопись, указывающая, въ какихъ именно мѣстахъ и какіе сокрыты клады гайдамаками и мѣстными жителями.* Издатель этой рукописи, хорошо извѣстный кіевлянамъ предприниматель Н. Сементовскій, титулующій себя на заглавномъ листѣ книги членомъ императорскихъ русскихъ географическаго и археологическаго обществъ, но мало смыслившій въ исторіи и археологіи, придалъ рукописи не принадлежащее ей значеніе и не достигши тѣхъ научныхъ цѣлей, о какихъ заявлялъ въ предисловіи къ своей книжкѣ, сбывалъ однако ее по весьма выгоднымъ цѣнамъ. По его словамъ, изданная имъ рукопись доставлена ему какимъ-то старикомъ, вышедшимъ будто изъ Запорожья, при чемъ онъ не обозначаетъ ни имени и фамиліи этого старика, ни его происхожденія и мѣста жительства, ни даже числа лѣтъ, о рукописи-же, со словъ его утверждаетъ, что она составлена какимъ-то грамотѣемъ въ самомъ Запорожьѣ, находилась у какого-то пана и получена тѣмъ старикомъ отъ этого пана. Такимъ образомъ если ничего невѣроятнаго, за то и ничего исключительнаго и сколько-нибудь опредѣленнаго и точнаго нѣтъ въ свѣдѣніяхъ о происхожденіи рукописи. Тоже должно сказать и о ея содержаніи. На обширномъ пространствѣ бывшихъ воеводствъ

кіевскаго и брацлавскаго рукопись указываетъ 315 пунктовъ, въ которыхъ неизвѣстно кѣмъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ зарыты большей или меньшей цѣнности клады въ деньгахъ и металлическихъ вещахъ, а примѣты мѣстонахожденія кладовъ обозначены такія, что скорѣе въ неизвѣстномъ указчикѣ можно предположить намѣреніе сыграть шутку съ искателями кладовъ, нежели желаніе указать дѣйствительное мѣсто клада. Покойный издатель запорожской рукописи серьезно однако вѣритъ въ возможность отысканія кладовъ по указываемымъ примѣтамъ, хотя самъ признаетъ, что многія примѣты исчезли, увѣряетъ (въ чемъ, конечно, никто и сомнѣваться не могъ-бы), что открытіе этихъ кладовъ послужило-бы къ обогащенію исторіи и археологіи, и уже совсѣмъ напрасно утверждаетъ, будто и при не отысканіи кладовъ, о которыхъ говоритъ рукопись, сама она послужитъ источникомъ для этнографіи украинскаго народа и поясненія событій минувшаго столѣтія въ западной Украйнѣ. Ничего, конечно, не выиграли отъ изданія этой рукописи ни этнографія, ни исторія Украйны, но въ печатномъ видѣ рукопись прошла въ народъ и, говоря его языкомъ, *подвела подъ монастырь* не одного охотника до кладовъ, продавалась за большія деньги, расходилась въ новыхъ спискахъ и, что всего забавнѣе, въ затасканныхъ спискахъ снова, какъ старинныхъ, неизвѣстная рукопись, пересылалась на разсмотрѣніе и оцѣнку извѣстному нашему историку и археологу, В. Б. Антоновичу.

Мы сочли нужными эти нѣсколько строкъ о судьбѣ Запорожской рукописи о кладахъ, давая въ нашемъ изданіи мѣсто другой подобной рукописи о кладахъ не только въ Кіевѣ и его окрестностяхъ, но и во многихъ другихъ мѣстахъ нынѣшней кіевской губерніи. Приводя свѣдѣнія о кладахъ по этой рукописи, мы отнюдь не придаемъ имъ какой-либо достовѣрности и еще менѣе имѣемъ намѣреніе навести кого-либо на поиски въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя указываетъ рукопись; напротивъ, мы пользуемся только этимъ случаемъ для того, чтобы высказать нашъ взглядъ на существованіе такихъ рукописей, уяснить ихъ происхожденіе, характеръ и значеніе, что было-бы затруднительно безъ приведенія самаго текста такой рукописи.

Что въ нѣдрахъ земли нашей и въ настоящее время сокрыто множество кладовъ, объ этомъ едвали слѣдуетъ упоминать въ виду

частаго нахожденія кладовъ самыхъ различныхъ эпохъ, но только случайнаго, а не нарочитаго—по преданіямъ и разсказамъ. Что территорія южной Россіи даетъ найбольше такихъ находокъ, и это понятно всякому, кто знакомъ съ превратностями судьбы этого обширнаго края, продолжавшимися безъ перерыва до конца прошлаго столѣтія. Ничего нѣтъ удивительнаго и въ томъ, что вѣра въ существованіе кладовъ такъ присуща нашему народу, такъ давно въ немъ зародилась и такъ долго держалась, держится и доселѣ, и такія странныя фантаститическія формы приняла, и сохраняетъ до настоящей минуты. Кто изъ насъ въ дѣтствѣ, живя въ деревнѣ, не слыхалъ о красномъ пѣтухѣ, разсыпавшемся червонцами, о синемъ огонькѣ, которымъ горятъ деньги въ пасхальную ночь, о дивныхъ старцахъ, которые, являясь въ эту ночь избранникамъ, указывали, гдѣ находится извѣстный кладъ, о заколдованномъ цвѣтѣ папоротника, съ помощію котораго можно узнавать, гдѣ находятся клады, о происходящихъ дивахъ и страхахъ при добываніи этого цвѣтка и пр. и пр.? Но если эти повѣрья суть чистый вымыселъ народной фантазіи, то не много истиннаго, точнаго, дѣйствительнаго и въ преданіяхъ и разсказахъ о кладахъ, не только изустныхъ, но даже и письменныхъ. Тутъ только первоначальная основа—дѣйствительный фактъ, все остальное—путаница, искаженіе и даже прямой вымыселъ. Зарываніе кладовъ, какъ само собою понятно, производилось въ минуты крайней опасности, подъ вліяніемъ страха за самую жизнь, съ большою поспѣшностію и, конечно, по большей части въ ночное время; оно сохранялось въ глубокой тайнѣ, составляло секретъ одного, или весьма немногихъ лицъ, которые участвовали въ сокрытіи клада, и какъ зарытіе кладовъ происходило во время болѣе или менѣе продолжительныхъ народныхъ бѣдствій, какъ набѣги татаръ, нашествіе шведовъ, наѣзды гайдамакъ и ихъ разгромы, то даже зарывавшіе кладъ не всегда помнили его мѣсто. Секретъ выдавался или случайно, или когда уже не было никакой надежды на отысканіе клада и примѣты того мѣста, гдѣ онъ зарытъ, терялись въ памяти и даже въ дѣйствительности. Секретъ шелъ отъ одного къ другому, передавался на далекія разстоянія, по большей части изъ Запорожья, и поневолѣ переиначивался, искажался до того, что оставались въ немъ самыя общія вѣрныя черты, въ родѣ того, что клады подъ

Кіевомъ, Уманью, Корсуномъ и т. д., тѣ-же частныя примѣты, по которымъ только и можно было-бы найти кладъ, измѣнялись и маскировались въ такой степени, что походятъ на прямой вымыселъ и намѣренный обманъ. Такіе секреты мы слышали въ дѣтствѣ, съ указаніемъ на лица, отъ которыхъ они шли, и десятокъ другихъ, чрезъ которыхъ передавались. Являлись охотники записывать ходившіе въ народѣ разсказы о кладахъ — то съ благою цѣлію помочь извлечь сокровища изъ нѣдръ земли, то даже съ личною корыстною цѣлію, и это были несомнѣнно люди наивные и столь-же простодушные, какъ и тѣ, отъ кого они записывали, какъ въ этомъ легко убѣдиться по тексту списковъ о кладахъ. Говорить-ли о томъ, что разсказы, преданія записывались въ позднѣйшихъ редакціяхъ, когда всякая достовѣрность ихъ утрачена? Прибавлять-ли еще, что теперь, по прошествіи слишкомъ ста лѣтъ со времени послѣднихъ треволненій въ странѣ и когда такія примѣты, какъ груша, яблонь, сосна, кустъ, корчма, какая-либо дорожка, давнымъ давно исчезли, рукописи о кладахъ потеряли всякое значеніе? Они будутъ служить памятникомъ пережитыхъ страною бѣдствій, порядковъ и условій тогдашней жизни, показателемъ извѣстной степени развитія народнаго, и—ничего болѣе; но чтобы по нимъ можно было предпринимать какіе-либо поиски, производить какія-либо открытія, въ этомъ усумнится всякій, прочитавъ помѣщаемый нами списокъ кладовъ въ Кіевѣ, его окрестностяхъ и разныхъ мѣстахъ кіевской губерніи. Кто пожелалъ-бы опытныхъ доказательствъ высказаннаго нами, тому мы можемъ указать на живой примѣръ лица съ большимъ титуломъ, десятки лѣтъ и десятки тысячъ рублей убившаго на отысканіе большаго клада въ Кіевѣ, въ мѣстности близъ бывшаго кирилловскаго монастыря, и не нажившаго ничего, кромѣ несчастной маніи, не открывшаго ни малѣйшаго предмета древности и ни одного стараго гроша. Клады существуютъ и ихъ находятъ нерѣдко въ самомъ Кіевѣ; но преданія и примѣты, самыя позднія и обстоятельныя, давно утратили всякое значеніе и клады находятся только случайно. Въ мѣстностяхъ историческихъ для историковъ и археологовъ существуютъ въ наукѣ совсѣмъ иныя примѣты, но объ нихъ не мѣсто здѣсь говорить, и мы переходимъ къ находящемуся у насъ списку кладовъ.

Списокъ этотъ найденъ нами въ доставшихся намъ многочисленныхъ, дѣльныхъ и бездѣльныхъ, замѣткахъ и выпискахъ бывшаго профессора университета св. Владиміра, А. И. Ставровскаго. Тутъ онъ названъ спискомъ Лещинскаго, но откуда взятъ и къ какому времени относится, въ замѣткахъ Ставровскаго объ этомъ не сказано и доискаться мы не могли. Выписка изъ рукописи Лещинскаго сдѣлана рукою покойнаго профессора и судя по тому, что порядка мѣстностей въ ней вовсе нѣтъ, можно предполагать, что подлинный списокъ Лещинскаго обширнѣе и касается не одной кіевской губерніи. Подновленный языкъ даетъ поводъ предполагать, что это переводъ, а не подлинный текстъ. Мы дѣлаемъ въ рукописи единственную перемѣну, — устанавливаемъ порядокъ мѣстностей, все остальное помѣщается, какъ выписано любознательнымъ профессоромъ.

Извѣстія о кладахъ и древностяхъ

по списку Лещинскаго.

1) Въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ прежнемъ дворѣ Попова, подъ колодою и глодовымъ кустомъ зарытъ казанъ денегъ.

2) Въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, подъ черемхою зарытъ глекъ червонцевъ.

3) На Лыбеди въ могилѣ зарыто 40,000 червонцевъ.

4) На дальнихъ пещерахъ подъ ясенемъ зарыто полтора ведра червонцевъ.

5) На Печерскомъ, подлѣ церкви Николая, съ угла отъ Красницы горы, зарытъ казанъ денегъ.

6) На горѣ Дитинкѣ, на краю, зарытъ боченокъ червонцевъ.

7) На Старомъ Кіевѣ, противъ дома Ѳедотова, въ саду наслѣдниковъ Кандибы есть могила, обсаженная деревьями и въ ней по преданію скрываются древности.

8) За Андреевскимъ валомъ есть могила, въ которой закопанъ сундукъ съ деньгами.

9) Въ Кіевѣ, во Львовской брамѣ, на нижнемъ смѣжномъ валку, съ лѣвой стороны, зарыто множество серебряной посуды

10) Въ Кіевѣ, противъ Паньковщины, на горѣ Волковня, а противъ нее дубовый пень, отъ пея на три шага влѣво зарытъ казанъ червонцевъ.

11) На горѣ Киселевкѣ, въ Кіевѣ, по лѣвый бокъ отъ церкви Воздвиженія, на краю горы, въ яру, есть погребъ съ 14 боченками серебра.

12) Въ Кирилловскомъ есть ставъ, подлѣ става пещера съ входомъ: при входѣ надъ головою вверху малая дыра, которая проведена насквозь въ землю. Въ той пещерѣ зарыты карбованцы, а въ шести шагахъ отъ входа въ нее будетъ чуланъ и подъ порогомъ чулана лежитъ казанъ червонцевъ.

13) Противъ Пріорки къ Вышгороду есть на долинѣ три сосны по бѣлому озеру, на тѣхъ соснахъ примѣты (0)—на одной одинъ, на другой два, а на третьей три поля нарѣзано, и между тѣми соснами воловая кожа денегъ.

14) На Звѣринцѣ противъ Петровецъ, пониже озера, противъ вербы, зарытъ сундукъ съ деньгами.

15) Въ рощѣ подъ Кіевомъ, на краю, возлѣ васильковской дороги, между двумя валками, на которыхъ стоитъ по одной березѣ, зарыто серебряной посуды 200 пудовъ и серебряныхъ вещей.

16) Въ срединѣ рощи, въ яру, подъ Кіевомъ, возлѣ тройной сосны, изъ одного корня выросшей, изъ которыхъ на одной соснѣ наростъ, на другой ратищемъ кора пробита и по срединѣ забитъ желѣзный шворень, на западъ солнца въ три аршина отъ тройной сосны, зарыты большой горшокъ серебряныхъ рублей и меньшой червонцевъ.

17) На Лыбедской дорогѣ, которая начинается отъ рощи тамъ, гдѣ осыпается, въ три аршина зарыты казанъ и глечикъ червонцевъ. Примѣта—большой камень.

18) Подъ Кіевомъ, въ рощѣ, близъ валка, надъ дорогою стоитъ береза съ тремя вершинами или колѣнами, и отъ нея къ заходу солнца въ трехъ шагахъ лембикъ червонцевъ зарытъ и разныя вещи.

19) Близъ Кіева, въ рощѣ, по той рѣчкѣ, какъ идти изъ Кіева въ Борщаговку, въ вершинѣ этой рѣчки есть среди ручья яма, въ которую гайдамаки и Пивень сотникъ впустили два боченка денегъ.

20) Подъ рощею, между дорогами, подъ кривою березею, въ трехъ шагахъ на западъ—казанъ червонцевъ.

(*Продолженіе въ слѣд. книжкѣ*).

„ГНІДКО", ВАРІАНТЪ КАРМЕЛЮКА.

Недавно я прочелъ въ „Кіевской Старинѣ" замѣтку о разбойникѣ Кармелюкѣ. Эта замѣтка привела мнѣ на память разсказы о другомъ разбойникѣ—„Гнідкѣ". Въ бытность мою въ г. Полтавѣ, когда я былъ еще „мала дитина", у насъ въ домѣ служила кухаркой Варвара, замѣчательно словоохотливая женщина и притомъ зна́вшая многочисленныя легенды о Малороссіи. Варвара нерѣдко, въ долгіе зимніе вечера, собирала насъ—дѣтей вокругъ себя и разсказывала, большей частью, про жизнь „старого Гнідка"—разбойника, о которомъ она, впрочемъ, отзывалась съ замѣчательною любовью.—„Вінъ бідныхъ, говорила намъ Варвара, ніколи не зачіпавъ, а усе у богатыхъ бравъ гроші и дававъ бідпымъ". Въ этой чертѣ легенда о „Гнідкѣ" поразительно сходится съ легендой о Кармелюкѣ и поэтому мы не ошибаемся, признавъ „Гнідка" только варіантомъ Кармелюка. Можетъ быть, словоохотливые фантазеры—разсказчики и разсказчицы, въ родѣ Варвары, измѣнили имя Кармелюка, прикрасили его подвиги, но въ существѣ Кармелюкъ и „Гнідко"—одинъ и тотъ-же человѣкъ.

Александръ Ом—скій.

ОБРАЗЧИКЪ МАЛОРУССКИХЪ ЭПИТАФІЙ XVIII В.

Помѣщаемая ниже надгробная надпись находится въ старой капличкѣ въ с. Гурбинцахъ, полтавской губерніи, прилукскаго уѣзда. Очевидно, уцѣлѣвшая доселѣ капличка поставлена надъ гробомъ Е. И. Брежинской, урожденной Севастіановичевой. Много любопытнаго представляетъ и это желаніе сохранить память свою въ родѣ, и наивный разсказъ исторіи рода, и тонкій намекъ на господствовавшую въ то время раздачу чиновъ и помѣстій по дружбѣ и связямъ, и услаждавшій шляхетное ухо силлабъ, и начинавшееся претвореніе „почерка руки малороссійской" въ великороссійскую. Въ эпитафіи, какъ видитъ читатель, попадаются описки и просто ошибки, которыя однако теперь трудно исправить. Эпитафія написана, конечно, при жизни лица, для котораго предназначалась и безъ сомнѣнія была имъ прослушана и одобрена, а въ содержа-

ніи своемъ быть можетъ и продиктована. Ея замогильный, благоговѣйно набожный и нравоучительный тонъ, вполнѣ характеренъ для того времени и много напоминаетъ распространенный тогда и удержавшійся до послѣдняго времени обычай многихъ готовить для себя при жизни гроба и даже укладываться въ нихъ для напоминанія о наступающей разлукѣ съ міромъ.

С. Гурбинцы, собственно та часть его, которою владѣла Е. И. Брежинская, достались ея двумъ сыновьямъ Андрею и Николаю Богдановичамъ, потомству которыхъ она принадлежитъ и нынѣ. Мѣсто-же, гдѣ находится капличка, было при усадьбѣ (нынѣ уже сгорѣвшей) дочери Андрея Богдановича Евдокіи Андреевны, по мужу Маркевичевой, и теперь принадлежитъ ея внукамъ Новицкимъ.

Надгробокъ Евдокіи Ивановны госпожи Брежинской.

Ежели кто отъ земныхъ хотитъ меня узнать,
То, прочтя надписъ сей, можетъ кратко понять,
Кто я и отъ какихъ родителей родилась,
Сколько въ свѣтѣ жила и когда въ гробъ вселилась.
Отецъ мой былъ Іоаннъ Севастіановичъ, сынъ Адріановъ;
Бунчуковымъ жалованъ за прежнихъ гетмановъ.
Сей титулъ и деревни ни изъ какой дружбы
Жалованъ предкамъ нашимъ за отцевы службы.
И такъ отецъ, по предкамъ спокойно владѣя,
Ни отъ кого малѣйшихъ споровъ не имѣя,
Породилъ насъ на свѣтъ трехъ сыновей родныхъ:
Стефана, Ѳеодора, Матвѣя—единоутробныхъ
И насъ трехъ дочерей съ утробы единой,
По власти Всевышняго неисповѣдимой.
Старшей имя Марѳа, а мнѣ Евдокія,
Меньшей Ѳекла, и такъ всѣхъ насъ имена сія!
И какъ старша сестра совершенныхъ лѣтъ была,
По родителехъ славой и разумомъ слыла,
Вышла-жъ и въ замужже рода не безславна,
Іосифа Лисенка отъ предковъ названа.
А мы еще какъ тогда малолѣтніе были,
Покойныхъ родитеией чуть знаемъ, что жили.

А какъ фортуна въ свѣтѣ есть непостоянна,
Котора опытомъ въ самѣхъ насъ дознана,—
Отецъ и мать померли, не доживя вѣку,—
Мы всѣ зятю отданы и сестрѣ въ опеку.
Браты, чтобъ провесть въ свѣтѣ жизнь безъ скуки,
Оставя насъ при сестрѣ, отошли въ науки
Мы-жъ, чтобъ не быть въ свѣтѣ отъ другихъ отличнымъ,
Вчились наукъ, художествъ намъ приличнымъ.
И какъ дошли уже мы лѣтъ пристойныхъ:
То вышли замужъ за людей достойныхъ.
Я вышла за Богдана, есть то Брежинскихъ родъ,
Съ коимъ поживъ 16 лѣтъ, оставя по себѣ плодъ,
А меньша тожъ вышла не безнатна рода,
Какъ долгъ ей велѣлъ и самая природа.
И такъ мы всѣ три сестры въ замужже выданы:
Перва отцемъ, мы-жъ сестрой съ зятемъ выхованы.
Оставя братовъ нашихъ быть всегда спокойныхъ,
Съ коихъ Феодоръ умре, едва дойшовъ лѣтъ законныхъ.
Однакъ старшій съ природы какъ малоуменъ былъ,
Лѣтъ 40 хотя на свѣтѣ жилъ,
Но законы его наслѣдія лишили,
Снабдѣвать съ имѣнія по смерть опредѣлили.
Меньшой, какъ извѣстно всякому довольно,
Только что вступилъ было во владѣніе полно,
Но натура иль судьба такъ опредѣлила:
Смерть жизни въ юныхъ лѣтахъ и сего лишила.
И такъ безъ наслѣдства братовъ все осталось,
То имѣніе тремъ намъ сестрамъ досталось.
Съ коихъ одной село, а другой другое,
Мнѣ-жъ въ раздѣлки Гурбенцѣ достались за тое;
Въ коихъ жила, считая лѣтъ моихъ отъ роду,
Какъ родилась въ тысяча семсотъ сороковомъ году,
А и съ мужемъ спокойно владѣя согласно,
Пятнадцать лѣтъ съ залишкомъ и какъ своевластно:
Хотя и наслѣдниковъ природныхъ имѣя,
Дала все во власть мужу, какъ сама владѣя;
Пусть, какъ хотитъ владѣетъ, а по немъ природно,

Жаль несносной трогаетъ, какъ ихъ вспоминаю.
Боже мой! на Твой Промыслъ я ихъ возлагаю.
А я, оставя свѣтъ и всю веселость въ немъ,
Почила точію спокойно въ гробѣ семъ
Въ-семьсотъ семьдесятъ и девятомъ году,
Декабря 23 дня лишилъ меня рокъ жизни и роду.
Ахъ! коль несносно вмреть съ мужемъ и дѣтьми въ разлуки,
Горчайшей, чаю, тому, кто остался, скуки.
Мертвые больше ничего, какъ возмездія чаютъ,
А живые, кромѣ смерти, съ заботъ умираютъ.
Впрочемъ никто обо мнѣ пусть не печалится,
Зная, что временной сей жизни всѣмъ лишиться.
Объ одномъ только прошу васъ премилосердно,
Простирать къ Всевышнему мольбы всеусердно,
Бо кто я нынѣ въ гробѣ, таковъ и всякъ будетъ,
Смерти и преисподней самой не избудетъ.

Ал. Маркевичъ.

СОВРЕМЕННЫЙ ОТЗЫВЪ КІЕВЛЯНЪ О В. И. АСКОЧЕНСКОМЪ.

Въ своихъ „Печерскихъ Антикахъ" Н. С. Лѣсковъ, говоря о В. И. Аскоченскомъ, пишетъ между прочимъ слѣдующее: „вообще надо жалѣть, что никто изъ знавшихъ Аскоченскаго кіевлянъ не напишетъ безпристрастной замѣтки о треволненной жизни и трудахъ этого человѣка съ замѣчательными способностями, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ едва-ли не самое худшее употребленіе, какое только могъ-бы ему выбрать его злѣйшій врагъ".

Пока появится безпристрастная оцѣнка этого дѣйствительно даровитаго, но въ высшей степени оригинальнаго по своему характеру и судьбѣ человѣка, считаемъ не лишнимъ привести въ извѣстность современные, ему посвященные, хотя очевидно пристрастные стихи. Они заимствуются изъ случайно попавшаго къ намъ обширнаго стихотворнаго описанія бала, происходившаго въ Кіевѣ въ 50-хъ годахъ, у бывшаго тогда кіевскаго генералъ-губернатора, кн. И. И. Васильчикова. Такіе памфлеты были въ ту пору дѣломъ

обыкновеннымъ; это называлось: „описать въ стихахъ". Неизвѣстный авторъ стихотворенія: „Балъ", всего вѣроятнѣе изъ разряда юныхъ, не оперившихся Марсовъ, передаетъ въ стихахъ ходячіе, конечно, но нерѣдко весьма мѣткіе отзывы о явившихся на балъ лицахъ губернской аристократіи, перебирая по одиночкѣ мужчинъ и дамъ и не щадя, какъ водится, никого. Тутъ сводились, такъ сказать, счеты общественнаго мнѣнія съ недостатками и злоупотребленіями служебныхъ и общественныхъ дѣятелей, доставалось изъ-за нихъ ихъ женамъ и дщерямъ, и—такимъ образомъ мнѣніе общественное удовлетворялось. В. И. Аскоченскій былъ тогда не у дѣлъ, потерялъ совсѣмъ службу; но, находясь при Бибиковѣ, онъ успѣлъ насолить многимъ, злость къ нему еще жила въ лицахъ, окружавшихъ новаго генералъ-губернатора, и вотъ неизвѣстный представитель мѣстнаго общественнаго мнѣнія изливаетъ свою желчь на небольшое падшее величіе, ставитъ это величіе, не попавшее на балъ, у позорнаго такъ сказать столба—у окна дома, въ который ему нѣтъ болѣе доступа, и казнитъ его такими орудіями не глубокаго правда остроумія:

Пробираясь потихоньку
Я продралъ на задній ходъ,
Сошелъ съ лѣстницы легонько
И чуть вышелъ изъ воротъ:
Какъ вдругъ вижу—подъ окномъ,
Обвернувшись весь плащемъ—
Кто-жъ? *Аскоченскій* поэтъ
И для васъ готовъ куплетъ:
Пономарь роди дьяка,
Дьякъ роди намъ бурсака,
Непочтительный-же внукъ
Вмѣсто рясы сшилъ сюртукъ.
Фракъ надѣлъ онъ и жабо
И вотъ переряженный Corbeau.
Онъ аристократъ, онъ и плебей
Онъ вамъ и попъ и архіерей.
Подъ часъ онъ кропаетъ стихи,
Подъ часъ прозу извергаетъ,

Подъ часъ поретъ много чепухи,
Всегда-жъ въ немъ такту не хватаетъ.
Не спорю, дарованье въ немъ есть,
Но лицемѣрьемъ заплыло,
Онъ любитъ выпить, любитъ съѣсть,
Лишь-бы даромъ въ ротъ текло.
Ну ужъ это по наслѣдству
Досталось ему въ удѣлъ,
У поповъ одно вѣдь средство:
Даромъ выпилъ, даромъ съѣлъ.
Чуть-ли праздникъ гдѣ въ приходѣ,
Иль собранье гдѣ шумитъ,
То вездѣ уже въ народѣ—
Хлопъ!—Аскоченскій торчитъ.

Въ приведенныхъ стихахъ, кромѣ личныхъ такъ сказать счетовъ и свирѣпствовавшаго тогда во всей силѣ сословнаго антагонизма, на которомъ и зиждется все остроуміе провинціальнаго поэта, виденъ и установившійся въ кіевскихъ сферахъ взглядъ на Аскоченскаго: надъ нимъ смѣются, его осуждаютъ, но *дарованье* въ немъ признаютъ.

Сообщ. **П. Д—въ.**